

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

I think English is very easy, don't you?
ты мне ланшу на уинд не берини!
я тебе, как русскому человеку, не советую! Добрый вечер!
Дорогие радиослушатели!

Очень приятно!
сиджу, никого не трогаю.

Простите, как про...
Солодов...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЖАНРЫ РЕЧИ

— 2020 № 3 (27) —

SPEECH GENRES

INTERNATIONAL JOURNAL

Well, Let me finish.
This is getting us no...

Добрый вечер!

а вот расскажу анекдот...

Why don't you take a taxi?
ты мне...

Дорогие радиослушатели!
Молодцы ребята!

Imm... Curiouser and curiouser.

No problem.

See, I meant...
мне!
а ну анекдот..
Da, ladino

Open the window?
come on!

my plate.
observation.

go! remember!

I think so.

примусы починаю

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2020 № 3 (27)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки))
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в Международные базы данных ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva, Ph.D, Ass.prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov*, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Stanisław Gajda, Ph.D, Prof. (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>
Olena I. Goroshko, Ph.D, Prof. (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>
Vladimir I. Karasik, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Robin Lakoff, Ph.D, Prof. (Berkeley, USA)
Tat'yana V. Larina, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan, Ph.D, Prof. (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Valentina A. Maslova, Ph.D, Prof. (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>
Mei Huang, Ph.D, Prof. (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki, Ph.D, Prof. (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman, Ph.D, Prof. (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova, Ph.D, Prof. (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Bert Peeters, Ph.D, Prof. (Canberra, Australia), <https://orcid.org/0000-0001-8422-4156>
Valeri V. Prozorov, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr, Ph.D, Prof. (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D, Prof. (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Vladimir A. Salimovsky, Ph.D, Prof. (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Olga B. Sirotina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>
Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D, Prof. (Krasnoyarsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-0171-596X>
Tat'yana I. Steksova, Ph.D, Prof. (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina, Ph.D, Prof. (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Maria Yelenevskaya, Ph.D, Prof. (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

В. В. Дементьев Что дало жанроведение современной лингвистике? 172
Саратов, Россия

В. В. Прозоров О надёжности и состоятельности речежанровой
Саратов, Россия коммуникации 195

Переводы

М. Войтак Генология как когнитивное пространство 205
Люблин, Польша

Исследования отдельных жанров

Н. Н. Кошкарлова Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра 214
Челябинск, Россия

Жанры в художественном творчестве

В. Н. Базылев Притча: переосмысление жанра 222
Москва, Россия

Жанры СМИ

Н. А. Пром Медиафакт как единица жанра 229
Волгоград, Россия

Интернет-жанры

А. И. Матяшевская Интернет-лекция как особый жанр 238
Саратов, Россия

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

Vadim V. Dementyev What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics? 172
Saratov, Russia

Valery V. Prozorov On the Reliability and Consistency of Speech-Genre
Saratov, Russia Communication..... 195

Translations

Maria Wojtak Genology as a Cognitive Space 205
Lublin, Poland

Studies of Individual Genres

Natalya N. Koshkarova Public Apology: Yesterday, Today, Tomorrow 214
Chelyabinsk, Russia

Genres in Art

Vladimir N. Bazylev Reconsideration of the Parable 222
Moscow, Russia

Genres of Mass Media

Natalia A. Prom Mediafact as a Genre Entity 229
Volgograd, Russia

Internet Genres

Angelina I. Matyashevskaya E-Lecture as a Special Genre 238
Saratov, Russia

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'27'42

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

Vadim V. Dementyev
Saratov, Russia

**Что дало жанроведение современной
лингвистике?**

В статье подводятся предварительные итоги взаимодействия жанроведения и лингвистики приблизительно трех последних десятилетий. Значимость жанроведения для лингвистики обуславливается тем, что речевые жанры имеют исключительную значимость для языка – объекта лингвистики: не совпадая с языком полностью, представляют собой феномен, без осмысления которого невозможно настоящее осмысление ни структуры, ни функционирования, ни истории языка.

Подробнее рассматривается ряд направлений современной лингвистики, для которых влияние жанроведения является особенно значимым:

- 1) традиционная (системно-структурная) лингвистика: введение в исследовательский аппарат понятия РЖ и принципов речежанрового анализа является продолжением прагматизации лингвистических исследований;*
- 2) когнитивная лингвистика: на основе теории и методики жанроведения изучаются коммуникативные концепты – структуры высшего порядка, включающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы в цепочки речежанровой системности «действие/акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ тональность ~ жанр»;*
- 3) представление речевой картины современности: показывается, что при решении данной задачи жанроведение дало лингвистике, во-первых, важнейший объект изучения: речевые жанры в формиро-вании речежанровой картины той или иной страны/эпохи и наиболее критические, в этом смысле, моменты и тенденции; во-вторых – разработанную в жанроведении методику описания данной речежанровой картины;*
- 4) типологическое осмысление лингвокультур (типология лингвокультур на различных жанровых основаниях; наполненность жанрами различных участков и сфер коммуникации внутри данных культур);*
- 5) изучение языковых заимствований в связи с заимствованиями речежанровыми;*
- 6) изучение интернет-коммуникации и ее жанров;*
- 7) изучение игровой коммуникации и ее жанров;*

**What Have Genre Studies Given to Modern
Linguistics?**

The article summarizes the preliminary results of the interaction of genre studies and linguistics of the last three decades. The significance of genre studies for linguistics is determined by the fact that the speech genres themselves are of exceptional importance for the language – the object of linguistics: not equal to the language completely, speech genres are a phenomenon without which it is impossible to truly comprehend the structure, functioning, and history of the language.

The article focuses on a number of areas of modern linguistics, for which the influence of genre studies is especially significant:

- 1) traditional (system-structural) linguistics: the implementation into the research apparatus of the concept of speech genre and the principles of speech-genre analysis continues the pragmatization of linguistic research;*
- 2) cognitive linguistics: the theory and methods of genre studies provide the basis for the research of communicative concepts– higher-order structures that include, together with speech genres, other communicative units in the chains of speech-genre systemacy “action/act ~ process/manner ~ role/type ~ tonality ~ genre”;*
- 3) presentation of the speech picture of modernity: it is shown that when solving this problem, genre studies gave linguistics, firstly, the most important object of study: speech genres in the formation of the speech-genre picture of a country/era, and the most critical, in this sense, moments and trends; secondly, a methodology developed in genre studies for describing a given speech-genre picture;*
- 4) typological understanding of linguistic cultures (typology of linguistic cultures on various genre fundamental principles; genre fullness of various sections and areas of communication within these cultures);*
- 5) the study of language borrowings in connection with speech genre borrowings;*
- 6) the study of Internet communication and its genres;*
- 7) the study of game communication and its genres;*
- 8) corpus linguistics and corpus genistics as its part (the problem of key phrases of speech genres);*
- 9) genre studies and scientometrics: the digitalization of modern science is understood as a process that has a speech genre content, based on the speech genre*

8) корпусная лингвистика и корпусная генристика как ее часть (проблема ключевых фраз речевых жанров);

9) жанроведение и наукометрия: цифровизация современной науки понимается как процесс, имеющий речежанровое содержание, опирающийся на речежанровые механизмы порождения и трансформации текста, осмысление которых может быть полезно и для того, чтобы лучше понять природу, задачи и инструментарий наукометрии на данном этапе, и для того, чтобы лучше понять речежанровую структуру научной речи.

Ключевые слова: лингвистика, жанроведение, речевые жанры, актуальные проблемы современной речи.

mechanisms of generating and transforming the text, the interpretation of which can be useful both in order to better understand the nature, tasks and tools of scientometry at this stage, and in order to better understand the genre structure of academic discourse.

Keywords: linguistics, genre studies, speech genres, actual problems of modern speech.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики..

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Введение

Настоящая статья не является подведением итогов теории речевых жанров – их подводить еще рано, даже предварительные: теория речевых жанров (ТРЖ) существует в виде более-менее сложившегося и разработанного научного направления едва ли три десятка лет и особенно активно развивается (вероятно, и меняется) именно в настоящее время. Это также не обзор работ по ТРЖ, даже наиболее значительных: за названный короткий период развитие ТРЖ уже ознаменовалось целым рядом достижений, причем принципиально разных, охватить которые в одной короткой статье невозможно. Активно занимаясь РЖ в течение многих лет, мы, что вполне естественно, прежде всего предлагаем свой взгляд и свои результаты исследований. Наконец, было бы неверно видеть нашу задачу только в представлении «статичной» картины лингвистики и ее разделов, с которыми где-то и как-то (тоже «статично») пересекается ТРЖ: ТРЖ именно динамична, она очень значительно менялась, в ее развитии можно выделить несколько этапов – и соответствующие знаковые работы, отражающие или даже формирующие данные этапы; а кроме того, развитие ТРЖ не было индифферентно по отношению к развитию лингвистики, периодам и особенно влиятельным направлениям (прагматизация лингвистики с активным

развитием теории речевых актов, лингвоконцептология, изучение языковых картин мира (ЯКМ)) и во многом диктовалось именно особенностями и запросами лингвистики. В целом вполне правомерен взгляд и на появление, и на развитие ТРЖ как на ответ на запросы и конкретные проблемные вопросы именно лингвистики: ТРЖ тогда встает в один ряд с такими разделами лингвистики, решающими соответствующие актуальные тогда задачи, как теория речевых актов, коллоквиалистика, дискурс-анализ, лингвоперсонология.

Значимость жанроведения для лингвистики обусловливается тем, что сами речевые жанры имеют исключительную значимость для языка – объекта лингвистики. Как писал М. М. Бахтин, РЖ «даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [1: 181]. РЖ, не совпадая с языком полностью, представляют собой феномен, без осмысления которого невозможно настоящее осмысление ни структуры языка (особенно это касается единиц языка высоких уровней и переходных явлений между языком и речью, речевой и языковой системностью), ни функционирования языка (оно практически полностью регулируется речевыми жанрами и именно от них получает все главные закономерности: типичные коммуникативные интенции, типичные ситуации, типичные языковые личности, владеющие наборами соответствующих РЖ), ни истории языка, включая прогностику («ни одно новое

явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [Там же: 165]).

Не менее важно то, что для решения своих проблем ТРЖ имеет собственную разработанную (более или менее оригинальную, непротиворечивую и эффективную) теорию и методологию (см. ее обсуждение в монографиях [2–10], обзорах [11–20], а также выпусках журнала «Жанры речи»), на которые, конечно, полезно опираться лингвистике при решении проблем, общих для лингвистики и ТРЖ.

Названные разнообразие и важные связи и одновременно дискуссионность онтологических характеристик РЖ отражаются уже в разнообразии определений этого феномена, сформулированных как М. М. Бахтиным: «типическая форма высказываний», – так и его последователями – преимущественно лингвистами: «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» (К. Ф. Седов), «кодифицированная форма действия» (А. Вежбицкая), «основа речевой системности» (В. В. Дементьев, В. А. Салимовский), «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» (Ст. Гайда).

Таким образом, жанроведение дало лингвистике, во-первых, единицу членения и организации речи, во многих отношениях важную и даже базовую, – *жанр речи*. Единица эта не только не может быть сведена к набору традиционных лингвистических единиц, таких как словосочетание и предложение (как и к менее традиционным единицам, которыми оперирует современная лингвистика: текст, период, речевой акт и т. п.), но и в некоторых случаях позволяет существенно уточнять их. Важно, что набор жанроподобных речевых единиц, выделяемых и исследуемых в современной лингвистике, является открытым и активно пополняется (внутрижанровая стратегия, субжанр, гипержанр, жанроид); при работе с записями живой речи и корпусами релевантными оказываются такие единицы, как ключевые фразы РЖ и жанрово-ролевые сценки.

Во-вторых, жанроведение дало лингвистике содержательную (интерпретационную) категорию.

В-третьих, дало методику анализа, которая также позволяет уточнять некоторые традиционные методики анализа лингвистических единиц (в корпусной лингвистике – методику ключевых фраз).

Все эти пункты будут рассмотрены в настоящей статье.

1.1. Жанроведение и традиционная (системно-структурная) лингвистика

Введение в исследовательский аппарат понятия РЖ и принципов речезанрового анализа стало продолжением прагматизации лингвистических исследований, которая широко распространилась уже в конце 1970-х – начале 1980-х гг. и активно обсуждалась [21, 22]. Прежде всего, это проявилось в изучении традиционных лингвистических (лексических, грамматических) единиц в связи с их ролью в образовании единиц иллокутивных: например, на фонетическом уровне – ролью интонационных структур в образовании иллокутивных актов разных типов и связей между ними в речи.

Сейчас эта тенденция продолжается: изучаются лексемы, прежде всего существительные и глаголы (в том числе перформативные), именующие или непосредственно речевые жанры, или речевые действия, соотносимые с данными жанрами (часто разница между такими существительными и глаголами почти исключительно категориально-грамматическая, например: *просьба* – *просить* / *попросить*, *вопрос* – *спрашивать* / *спросить*, *ссора* – *ссориться* / *поссориться*, *флирт* – *флиртовать*), или смежные единицы из околожанрового пространства речи. Главным объектом исследования становятся существующие в лексике и фразеологии языка / языков **названия** различных жанрово-релевантных компонентов речи – соответствующих единиц, правил и норм, моментов системности и типизации (см. исследования Л. В. Балашовой [23, 24 и др.]). Много такой информации содержат специализированные словари [25–28]).

Изучаются **пропозициональные** особенности лексических, фразеологических, синтаксических единиц, из которых строятся жанрово оформленные высказывания, – иными словами, на первый план выходит изучение **предложений**, используемых в том или ином жанре речи (см., например, работы таких лингвистов, пришедших к жанроведению от синтаксиса, как А. Мустайоки, Т. В. Шмелева, М. Я. Дымарский, Е. Ю. Викторова); на фонетическом уровне – роль интонационных структур в РЖ [29]. При этом данная тенденция могла проявляться как в достаточно конкретном, даже узком виде (например, метафора в жанре жития древнерусской литературы [30]), так и в более широком, например, футуральность в различных жанрах (для художественных текстов в жанрах научной фантастики и фэнтези роль футуральности больше, чем в традиционных художественных жанрах) [31]).

(Показательно, что в диссертационных советах замечания, что в диссертациях, даже на вполне традиционные лингвистические темы, не учитывается прагматический компонент или речевой жанровый, часто подаются как недостатки.)

Идея, что речевой жанр представляет собой структурный феномен: с одной стороны, членится на единицы низшего уровня / уровней, с другой – сам встраивается, вместе со смежными единицами, в структуры высшего порядка (иерархии или поля), – породила целое направление лингвистического жанроведения: подобные иерархии, иногда весьма разветвленные и сложные, строят А. Г. Баранов [32], М. Ю. Федосюк [33], Ст. Гайда [34], К. Ф. Седов [7], М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова [35], Е. В. Бузальская [36], В. А. Салимовский и Д. В. Яруллин [16], И. С. Шевченко [18], – как и идея, что и РЖ, и речевые феномены более низкого / высокого уровня отражены в языковом / коммуникативно-речевом сознании, имеют свои ментальные проекции – концепты и их компоненты, – участвующие в формировании не только коммуникативно-речевой компетенции, но и ЯКМ в целом.

1.2. Лингвокогнитивный подход исходит из того, что (1) структуры высшего порядка, упорядочивающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы, суть *коммуникативные концепты* (далее – $K_{ом}K$): данные структуры и упорядочение существуют в сознании носителей языка; при этом (2) как и для всех концептов, для коммуникативных концептов очень большое значение имеют лексемы – имена для них и для их компонентов. Данные лексемы упорядочены по стандартной схеме, которая рассматривается как *цепочка речевых жанровых системности* и анализируется по ряду параметров, значимых как прагматически (иллокутивно), так и лексикологически и отчасти грамматически.

$K_{ом}K$ – это концепты, имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание, при этом зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры.

$K_{ом}K$ составляет цепочка речевых жанровых системности «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр».

Ее лексическое заполнение характеризуется однородностью и относительной системностью: данные лексемы называют речевые единицы одного уровня, объединенные одной содержательной, в плане коммуникативно-речевой организации, речевых жанровых доминантой (а не единицы разных уровней, такие как, например, «жанр ~ стратегия»).

Ср.: есть РЖ *вопрос* ~ есть речевое действие *спросить / спрашивать, задать вопрос* и подоб. ~ есть вопросительная коммуникативная тональность (здесь лексему подобрать труднее, но возможны и естественны описания в рефлексии / метавысказываниях: *с вопросительной интонацией, как бы вопрошая...*).

Еще один пример: действия *иронизировать / сыронизировать* ~ тональность (ее именуют, по всей видимости, наречия) *иронично / иронически...* ~ жанр (здесь сложности возникают как раз с заполнением жанра: *ироническое высказывание...*, но жанр ли это? Возможно, правильнее говорить просто: *ирония?* (ср.: [37])).

Можно добавить лексемы, именующие коммуникативную роль / типаж, организованные тоже этим жанром: для иронии это *ироник* (словари дают этот термин, хотя он не относится к распространенным и употребительным в речи), совсем трудно – для вопроса: *спрашивающий, (профессиональный) интервьюер, любопытный, почему-то...*

В случае симметричной концептуализации заполняются все звенья цепочки. Из приведенных примеров видно, что заполнение звеньев цепочки лексикой может быть неполным и неравномерным, возможны «белые пятна», тоже разные для разных цепочек, возможно, наоборот, детализированное и многословное заполнение какого-то отдельного звена цепочки.

При реконструкции $K_{ом}K$ на первый план может выходить **речевая типизация, действие** (коммуникативные и речевые акты), **процессуальность** (коммуникативные и речевые события и сложные события), **манера поведения, роль** в рамках данного типа коммуникации (например соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его коммуникативное преломление – **лингвокультурный типаж**).

Соответственно в области имен данных $K_{ом}K$ на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) **имя типажа** (естественно, это существительное), **речевого действия**: однократного (речевого акта) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несов. вида), **имя процесса** (существительное), **тональности** (наречие) или же непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Представляют большой интерес случаи, когда лексемы – имена для единиц, составляющих $K_{ом}K$, а) относятся к разным частям речи и лексико-семантическим (лексико-грамматическим) классам; б) представляют собой оценочные, экспрессивные, образные, нелитературные слова, в) метафоры, г) неологизмы, в том числе: д) созданные по существующим / традиционными словообразовательным моделям; е) заимствования.

При рассмотрении оценочных цепочек (или оценочных звеньев не оценочных цепочек) наиболее принципиальным аспектом (и звеном цепочки) является **тональность**, которая практически всегда оценочна (причем эта оценочность может быть двух разных типов: с одной стороны – экспрессивность коммуникативного поведения (*возмущенно*), с другой – оценка, даваемая коммуникантам или одному из них (и жанру в целом) наблюдателем (*неискренне, фальшиво, злорадно, гнусно...*)).

Данная жанровая (жанрово релевантная) оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, при этом выделяются **оценочные лексемы**:

- 1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (прежде всего «извне») (*донос, лесть, похвала*);
- 2) глаголы – названия действий / РА (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кличаться, клеветать, подстрекать*));
- 3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра – внутрижанровой стратегии и подоб.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:
 - а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный, искренний, мудрый разговор по душам, высокохудожественный роман*...;
 - б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам, графоманский роман*.

1.3. В целом жанроведение соответствует такой тенденции современной отечественной лингвистики, как **содержательноцентризм** (прежде всего это касается когнитивного и аксиологического жанроведения, но далеко не только их).

Исследователями (например, [7, 11, 38–43] и др.) тенденции общего характера в развитии отечественной и зарубежной лингвистики описывались в терминах:

- 1) оппозиции **абстрактного объективизма** и **индивидуалистического субъективизма**: эту оппозицию ввел М. М. Бахтин / В. Н. Волошинов в работе «Марксизм и философия языка» по отношению к лингвистике XIX – начала XX вв. (противопоставление «условного Соссюра» и «условного Гумбольдта»);
- 2) **семантизации**, противопоставляемой формальному описанию языковой структуры / «формацентризму», «формулацентризму» (частные случаи семантизации – большее внимание к лексике по сравнению с грамматикой, активное составление словарей, «словоцентризм» как одна из тенденций лингвосомиотики);
- 3) **функционализации**, к которой относят, прежде всего, изучение различных аспектов речевой коммуникации: структуры коммуникативной ситуации, распределения коммуникативных ролей, специфических речевых, а не языковых единиц (речевые акты, жанры, стратегии, тактики). Сюда же обычно относят дискурсивные, риторические, стилистические (функциональная стилистика) и (отчасти) социолингвистические исследования и т. д.;
- 4) (отсюда – шире) **антропоцентризм** / **антропологическая лингвистика** и **когнитивизм** в широком смысле (где внимание переносится с языковых (более-менее четких и непротиворечивых) моделей на модели человеческого мышления (во многом «нелогичные»)), а также **биосомиотика** (доминантные и ризоматические модели при объяснении языковых и речевых явлений и т. п.);
- 5) наконец, **сближение с «неточными науками»**, использование их методов, с подчеркиванием

того, что традиционные лингвистические (структурные) методы не справляются с описанием реального («слишком большого», «слишком сложного», «противоречивого», «хаотичного» и т. п.) материала.

К наиболее релевантным для данных направлений и наиболее частотно проявляющимся в них признакам относятся: перенесение внимания с языко-системы вовне (причем это «вовне» может пониматься и как внеязыковая действительность, и как функционирование языка); активное взаимодействие с культурологией и концептологией (изучение языковой картины мира и национальных ЯКМ, концептосфер), персонологией (изучение языковых личностей), литературоведением. Для целого ряда направлений характерно также стремление исследователей (явное или неявное или даже бессознательное) активно привлекать материал особого рода – наиболее яркие, а следовательно, редкие и даже единичные примеры, при этом скорее большие, чем традиционные для лингвистики единицы «слово-предложение», – большие тексты, что действительно характерно для литературоведения и подоб. Ср., например, тенденцию опираться при изучении коммуникации на художественные диалоги, для многих из которых характерна стилизация вместо типизации (привлечение для этой цели в последние годы материала корпусов только усиливает данную тенденцию). Все это также способствует описательности в лингвистических исследованиях.

Место жанроведения в данной парадигме определяется следующим.

Хотя Бахтин понимал РЖ как стандартные **формы** высказываний (РЖ являются «типической формой высказываний, но не самими высказываниями» [1: 192]) и, по логике, в центре внимания должны быть описание и систематизация стандартных речевых форм, в реальности (по крайней мере, сегодняшней) данные исследования тяготеют к содержательно-центризму.

Наиболее востребованная формальная модель при изучении живой речи – (западная) теория речевых актов (ТРА), как известно, забуксовывает, как только дело доходит до описания более-менее объемных фрагментов и целых разговоров. Показательно, что ТРА, изначально претендующая на описание и систематизацию принципиально более объемных единиц – РЖ (и многими исследователями понимается поэтому как более удачная альтернатива ТРА), с одной стороны, скорее российская, чем западная, с другой – более содержательно-центричная, чем ТРА. Отсюда становятся востребованными соответствующие методы, напоминающие литературоведческие. Таким – сближающимся с литературоведческим – является анализ почти всех реальных художественных и нехудожественных текстов, а также устных разговоров через призму ТРАЖ (такими были

уже первые опыты да и исследовательский стиль Бахтина-лингвиста). Зато этого стиля, как известно, полностью лишена ТРА, начиная от первых моделей Остина, Серля, Грайса¹.

Следует добавить, что если формальная лингвистика в России действительно развита недостаточно (по уже приводившемуся утверждению В. М. Алпатова), то функционализм распространен и у нас, и на Западе, что, однако, не привело к распространению на Западе жанроведения, – данный феномен еще предстоит осмыслить.

1.4. Но больше всего жанроведение дает лингвистике **коммуникативной**, изучающей **диалогические** явления языка и текста. Современная лингвистика речи (речеведение, коллоквиалистика, конверсационный анализ, дискурс-анализ) опирается на понятие РЖ в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении порождения и интерпретации речи. ТРЖ является одной из немногих действующих на практике моделей речевой коммуникации, учитывающих такие важнейшие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации. В этом состоит выгодное отличие понятия речевого жанра от единиц языка, осмысляемых «вне» ситуации общения, и от речевых актов, осмысляемых как элементы этой ситуации.

В этой связи следует вспомнить концепцию принципов членения лингвистики, предложенную К. Ф. Седовым: (1) лингвистика языка (изучение «языка-системы»), (2) лингвистика речи (то же, что коммуникативная лингвистика = социолингвистика с главным разделом – жанроведением), (3) психолингвистика (с примыкающей к ней когнитологией) и (4) лингвопоэтика. К. Ф. Седов включал жанроведение в лингвистику речи, причем считал ее важнейшей частью [7: 14–21].

1.4.1. Речевой жанр как конститутивная категория дискурса

Проблема речевой системности является ключевой не только для теории речевых жанров: не будет преувеличением сказать, что адекватное решение данной проблемы – задача-максимум и лингвистики текста, и теории дискурса.

Как известно, в основе лингвистики текста с момента ее возникновения на основе прагматики, стилистики и риторики лежало представление об особом – отработанных в общении, стандартных, узнаваемых речевых правилах, упорядочивающих речь и при этом отличных от правил языка. Действительно, если бы «правила текста / речи» совпадали с языковыми правилами и нормами, было бы непонятно, с одной стороны, чем отличаются друг от друга разные типы текстов на одном и том же языке (*роман, записка, протокол, письмо*); с другой стороны – чем отличался бы текст как единица речи от предложения.

В лингвистике текста установлено, что «правила текста / речи» многомерны, вариативны и обращены к многочисленным сторонам внеязыковой действительности: к языку и тем языковым / речевым единицам, из которых текст построен, к собственному содержанию, то есть отражаемой реальной или воображаемой действительности, к своему автору (соответственно – к его интенциям и мотивам, то есть к своей цели) и читателю / слушателю, к другим авторам и текстам, наконец, к культуре во всей ее совокупности (в любом тексте, «как в капле воды океан», отражается вся национальная и человеческая культура).

Естественно, текст обращен к своему жанру как к наиболее очевидному из текстовых правил.

Главным из факторов упорядочивания и нормативности коммуникации (в синергетической терминологии – *аттракторов*) выступает язык.

Но кроме языкового существует большое число различных способов упорядочения коммуникации, преодоления энтропии в ней: различные жанровые и риторические правила и предписания ведения как вербальной, так и невербальной коммуникации, коммуникативные категории.

Для осмысления жанров как средства формализации коммуникации является существенным понимание явления РЖ как переходного между языком и речью. С одной стороны, жанры – это

¹ Другими тенденциями содержательноцентризма являются, например:

- изучение **концептов**, по популярности у современных лингвистов явно стремящееся в «научный топ»: выраженный содержательноцентричный характер данных исследований нет необходимости специально подчеркивать (они охватывают самые разные содержательные компоненты: коннотативные, узуальные, потенциальные, ассоциативные); отметим, что, на наш взгляд, прежде всего это касается двух актуальных направлений концептологических исследований: (1) изучения **национально-специфических концептов** (часто в связи с культурными сценариями, «национальными характерами» и другими национальными культурами) и (2) **художественных концептов**, при этом в обоих случаях, естественно, искались закономерности, но на первый план часто выходила индивидуальность;
- изучение **непрямой коммуникации** (НК): имеет отчетливый содержательно-ориентированный характер общее **определение НК** (содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата); **модель НК**, включающая два аспекта (прочтение высказывания в НК определяется условиями ситуации общения; обязательным свойством НК является креативность); **классификация НК**, где основные типы выделяются тоже на содержательно-ориентированных основаниях – степень конвенциональности базовых диад (от ядерных предложений до нетипизируемой даже жанрово коммуникации) [44, 45].

не коммуникация, а только ее формы [1: 192]; с другой стороны – это форма речевая, хотя здесь уже очень много стандартного. РЖ, таким образом, не язык, но и «не совсем» речь: это переходное явление, обладающее гибридными свойствами. Жанр – это единица такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым. Именно речевые жанры составляют буферное пространство между «отчужденной» от человека системой языка и ее реальным использованием. Жанры привносят в речь и коммуникацию системность, стандарт и семиотическое начало (по Э. Бенвенисту), способствуя развитию и кристаллизации языка в «борьбе» с недостатками не прямой коммуникации, препятствующими эффективному обмену возможно более точными смыслами.

Важнейшими жанровыми аспектами структурирования и интерпретации коммуникации являются: существование типических жанровых форм, в которые отливаются высказывания (в том числе косвенные); существование внутрижанровой вариативности; существование переакцентуации и вторичных жанров; существование косвенных речевых жанров (жанр как носитель некоторого объема имплицитной информации); жанр как аттрактор, т. е. средство стандартизации и снятия ряда степеней «непрямоты» коммуникации.

1.4.2. Речевой жанр как единица дискурса

В логике речевых аттракторов разные единицы представляют разные типы системности дискурса. В целом, несмотря на то что объективность существования речевых аттракторов признается всеми исследователями, до сих пор не удалось представить полную картину соотношения всех таких моментов системности (тем более то, как относится системность жанровая к остальным типам) – даже если включать в модель только наиболее широко распространенные и изученные типы правил и норм, категорий, единиц.

Вот только очень приблизительный список единиц, представляющих разные типы системности дискурса, – как уже было сказано, при определенном угле взгляда почти в каждой из них можно усмотреть некоторые моменты жанровой системности (а в некоторых – даже поставить знак равенства между данным типом системности и жанровым):

- речевой жанр, субжанр (жанроид), гипержанр;
- коммуникативная категория, коммуникативный концепт (а отсюда – коммуникативная ценность), фрейм, сценарий;
- речевой акт, иллокутивный акт, речевой / коммуникативный ход, иллокутивный компонент, интенция и интенциональное состояние;
- стратегия (микростратегия и макростратегия), тактика (и внутрижанровые стратегии и тактики);
- речевое событие, диалогическое единство, трансакция;
- (функциональный) стиль, тональность, тип дискурса;
- коннектор, «петля», (тематическая) цепь, темо-рематическая прогрессия, функциональная перспектива и коммуникативный динамизм.

Как видим, список (для удобства мы разбили его на несколько относительно более гомогенных групп) включает практически все единицы и модели, используемые в современной дискурсивной теории – говоря очень огрубленно, мы включили сюда то, что так или иначе выходит за пределы синтаксического уровня языка и предложения, начиная с конкретных средств связи между двумя предложениями в тексте.

2. Жанроведение и представление речевой картины современности

Активное участие в лингвистическом изучении актуальных процессов современной речи, несомненно, является одной из главных тенденций ТРЖ. Начальный импульс такому изучению был дан еще М. М. Бахтиным, определившим РЖ как «приводные ремни от истории общества к истории языка» [1: 165].

При решении этой проблемы, актуальной для современной лингвистики, обращение лингвистики к ТРЖ представляется особенно оправданным, даже обязательным, и список «того, что дало жанроведение современной лингвистике» (возвращаясь к названию этой статьи), составляется особенно уверенно и четко:

- важнейший объект изучения: РЖ в формировании речежанровой картины той или иной страны / эпохи (отсюда – речевой картины страны / эпохи и, возможно, языковой картины страны / эпохи) и наиболее критические, в этом смысле, моменты и тенденции;
- разработанная в ТРЖ методика описания данной речежанровой картины страны / эпохи (речевой / языковой картины страны / эпохи).

(Подробнее о данных двух аспектах см. в нашем цикле статей, посвященном вопросу, как теория речевых жанров помогает описывать «речевую картину» – состояние речи, изменения, тенденции: «Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи» [46] и ее продолжении «Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров» [13].)

Для понимания изменений РЖ важно учитывать следующие оппозиции, образованные парами противоположных, но взаимосвязанных тенденций (они во многом близки к факторам языкового филогенеза, хорошо изученным в лингвистике): национально-специфическое ~ универсальное; лингвистическое ~ экстралингвистическое; «путь сверху» ~ «путь снизу»; развитие новых явлений на национальной (оригинальной) почве ~ заимствования.

При изучении лингвистического аспекта целесообразно опираться на достижения лингвистики в изучении изменений / развития языка: теории диахронических универсалий, теории неологизмов,

теории заимствований и лингвистической интерференции и т. п. (см.: [47, 48]).

При этом могут быть выделены:

- 1) «Путь снизу», который был отмечен еще Соссюром, утверждавшим, что «исторически акт речи предшествует языку» [49: 57]). Для нас важно мнение М. М. Бахтина, которое можно понимать как дополнение к этому положению Соссюра: языковой системности предшествует опыт практической коммуникации, а тем самым – системность речевая, речевая: «Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [1: 165].

И Соссюр, и Бахтин имели в виду развитие речи / языка на национальной (оригинальной) почве.

Специалисты по языковым заимствованиям тоже рассматривают, со своей точки зрения, «путь снизу» в развитии языка, при этом выделяют три стадии: 1) заимствования, 2) интерференцию (накопившееся большое количество заимствований приводит к более существенным качественным изменениям в системе), 3) закрепление изменений в системе языка.

- 2) «Путь сверху»: развитие нового в РЖ (как и нового в языке) производно от более общих изменений культуры, таких как смена социальных формаций, господствующей идеологии, эволюция государственных структур, основные тенденции в обществе.

Последовательное рассмотрение «пути сверху» ставит в центр внимания не собственно лингвистический, а **экстралингвистический** аспект, точнее, экстралингвистические факторы, действие которых может приводить к 1) появлению новых РЖ и 2) новым особенностям традиционных РЖ и их трансформации.

Ключевой для нас вопрос здесь, конечно: какое участие в формировании и закреплении всего этого нового принимают жанры?

ТРЖ дает ответ: так как жанры сами являются отчасти новыми, а главное – служат мостком от непосредственной коммуникации (психологических и коммуникативных целей и мотивов участников коммуникации, их состояний, ориентиров, как ситуационных, так и постоянных) к настоящей, т. е. языковой, системности (данная системность может быть и в литературном языке, и в нелитературных стратах), участие является значимым. (Ср. новые коммуникативные феномены: *блог, форум, чат, онлайн-конференции, интерактивные классы и семинары, теледебаты, ток-шоу, онлайн-игры и видеоигры* и др. – эффективно связать если не все, то большинство друг с другом и с языком помогают именно жанры речи.) Поэтому к положительному ответу на поставленный вопрос следует добавить: участие жанров в формировании и закреплении нового в языке и речи является в высокой степени эффективным.

3. Жанры являются средством типологического осмысления лингвокультур (типология лингвокультур на различных жанровых основаниях: тяготение к жанрам и их ти-

пам и вариантам данного типа; наполненность жанрами различных участков и сфер коммуникации внутри данных культур – см., например, фундаментальные исследования А. Вежбицкой и ее школы – К. Годдарда, Б. Питерса [50–55 и др.]).

Кроме того, жанры являются средством и исторического, и даже генетического осмысления лингвокультур. Пример первого – условно, делить культуры на те, где разработаны праздноречевые жанры, включая обращение (ты-вы обращение, а также исторические истоки этих форм), и нет (пример – современная русская). Пример второго – культуры, где приветствие обязательно включает изречение из Святого Писания, Корана, формулу упоминания Аллаха и др. (см., например, о приветствиях в арабском языке в сравнении с русским [56]; А. Вежбицкая выявила упоминание бога, духов, предков в приветствиях эве и сформулировала культурные сценарии, сложившиеся в современном эве [52: 146–149]. Выделяются и изучаются исторические этапы, когда жанры играют разную роль – ср. жанр самоуничижения у древнерусских писцов [57], проработки в раннесоветской культуре [58], *small talk* в современной англо-американской культуре [59] и т. п.). Речь идет о чем-то наподобие углубленного, со специфическими уклонами анализе эволюции коммуникативной компетенции, ее структуры, при подчеркнутom внимании к жанровым аспектам этой структуры.

Естественной является тенденция использовать для успеха общения те средства коммуникации (включая РЖ), которыми человек владеет лучше всего, увереннее всего, а также – немаловажно – которые уже зарекомендовали себя как эффективные в определенных типичных ситуациях. Так, в любовном дискурсе хороши куртуазные формы речи и поведения, которым современная коммуникация обязана романской (итало-французской) культуре (как бы мало современный средний человек ни был исторически-культурно образован, он что-то знает об этом), в праздничном, карнавальном дискурсе – не столько «карнавалы-бразильские» (что средний небразилец знает о них?), сколько разработанные в средневековой европейской (прежде всего – той же куртуазной и игривой французской), а в деловой беседе – ее этикет, включая *small talk* и др. жанры, проработанные в современной англо-американской культуре.

Точно так же, вероятно, в морском / корабельном дискурсе XVIII в. (русском) – голландские (но, конечно, о жанрах, стереотипах того «морского дискурса» осталось очень мало аутентичных памятников – основные, так сказать, следы остались в морской терминологии [60]). Если же попытаться еще больше погрузиться в глубь веков, можно предположить, что в русском крепостническом дискурсе XV–XIX вв. для задабривания и крепостников, и чиновников использовались формы и жанры (или их следы), разработанные раньше – во времена Орды (общение русских, особенно князей, с мурзами и подоб.). Русские, в общем, не могут не отдавать себе отчет, что разработанная в русской коммуникативной культуре чрезвычайно богатая и эффективная система средств и формул дружеского общения мо-

жет стать удобным инструментом для достижения различных корыстных целей – и отдельные носители русской речеведческой компетенции не могут время от времени не использовать данный инструмент: как разновидность лести, задабривания собеседника (например начальника): разговаривая с ним как с другом. Вероятно, особенно действенным, потому что не вызывающим подозрений, такой способ может быть как раз с «другим», т. е. культурным аутсайдером, – а представители власти на Руси часто были такими: «от Рюрика», ордынские баскаки и т. д. Много интересного дало бы историческое речеведческое исследование (но на каком материале?) общения с начальником, где в формировании образа начальника «на генетическом уровне» повлияли такие мурзы из Орды, которым приписывается и сила, и неспособность понять нашу систему (*Ты начальник – я дурак*).

Конечно, эти два типа структурирования культуры / культур (при возможности сопоставления) связаны: например, количество образованных людей, качество образования в данную эпоху, наиболее актуальные обсуждаемые общественные проблемы, наиболее читаемые, обсуждаемые, инсценируемые в театре, кино произведения – «субстанциональный», генетический подход, но он неразрывно связан с типологическим, абстрактно-структурным подходом: какие речевые жанры были популярны (для оформления и передачи этих и подобных текстов): сложные, «высокие», «творческие» – или «низкопробные»: «на уровне: шоу, скандалы, преступления, расследования, гороскопы»...

В этом диахроническом смысле, таким образом, ТРЖ может дать лингвистике (скорее это пожелание на будущее) материал для осмысления будущей языковой узуальности и даже системности, а именно: РЖ как основа такой системности.

Объективная трудность связана с неравномерностью представленности материала.

Эпох, о которых сохранилось достаточно сведений и в плане языка, и речи и речевых жанров, очень мало, в основном о прошлых эпохах мы имеем более-менее надежные данные, касающиеся языка, но не речи / РЖ; о современной же, наоборот, – о речи, языковые изменения, следующие за жанрами речи, ждут нас в будущем.

4. Одна из наиболее актуальных проблем здесь – речеведческие заимствования. Как уже было сказано, их удобно рассматривать (особенно на начальном этапе) в связи с языковыми заимствованиями и неологизмами.

Было бы преувеличением утверждать, что за любым неологизмом, обозначающим новое явление, стоит определенный РЖ, через который данное слово и вошло в язык. Но за новым коммуникативным явлением – видимо, всегда: или собственно жанр, или какое-то промежуточное явление с потенциями стереотипизации и конвенционализации из околожанрового пространства речи. Распределение жанров на сферы не всегда совпадает с распределением на сферы неязыковой действительности; даже распределение жанров на первичные и вторичные не всегда совпадает с распределением на сферы такие, как –

повседневная бытовая непосредственная и идеологически-социально-культурно опосредованные.

В ряде сфер, особенно новых технических, показательно появление лексических неологизмов, или собственно неологизмов, – лексем для их наименования (*ток-шоу, реалити-шоу, блогер, пиар, пиарщик, креативщик, криэйтор, рекламщик, лайкать, флеш-моб*) – в большинстве заимствованные, но не только: одни из них вошли в литературный язык, другие нет, одни являются общеязыковыми, другие принадлежат специальным жаргонам и / или терминосистемам.

Возвращаясь к понятию коммуникативного концепта и его структуры (§ 1.2), показательно распределение новейших неологизмов и заимствований, именующих компоненты $K_{om}K$, в языковом сознании современной российской молодежи. Исследование осуществлялось путем анкетирования: 100 саратовским студентам (возраст ок. 20 лет) предлагались вопросы: 1) Понимаете ли Вы значение следующих слов? Оцените их нормальность и естественность по пятибалльной шкале (*имидж-бординг, имиджбординг, стрит-рейсинг, спид-дейтинг, смоктокер, камингаутер, фейсбучиться, фейсбучик, инстаграмить, инстаграмиц, твиттерик, игнорик, флудик, комплиментинг, флиртинг, статуситься и т. п.*); 2) Прочитайте слова, расположенные по схеме «имя жанра речи – глагол (имя акта речи или процесса) – название роли / типажа и т. п.». Какие «звенья» этих цепочек являются лишними? Какие являются главными или основными? (цепочки: *троллинг ~ троллить ~ тролль; промоушен ~ промоутинг ~ промоутер; корпоратив ~ корпоративить ~ корпоративиться ~ корпоративчик; чат ~ чатиться ~ чатнуться ~ чаттинг ~ чаттер ~ чатланин; форум ~ форумить ~ форуминг ~ форумчанин ~ аскер; блог ~ бложить ~ блогить ~ блогинг ~ блогер; фейсбук ~ фейсбучик ~ фейсбучить ~ фейсбучиться ~ фейсбучинг ~ фейсбучик; инстаграм ~ инстаграмить ~ инстаграмиться ~ инстаграминг ~ инстаграмиц; игнор ~ игнорить ~ игноринг ~ игнорик; флуд ~ флудить ~ флудинг ~ флудик ~ флудильчик; твиттер ~ твитнуть ~ твититься ~ твитинг ~ твиттерик; имиджбординг ~ имиджбординг ~ имиджбординг; статус ~ статуситься ~ статусинг и т. п.); 3) Можно ли сказать: «Это случилось во время...»? (варианты: *...корпоратива, стрит-рейсинга, промоутинга, троллинга, камингаута, чата, чаттинга, форума, форуминга, блога, блогинга, фейсбука, фейсбучинга, инстаграма, инстаграминга, игнора, игноринга, флуда, флудинга, твиттера, твиттинга, имиджборда, имиджбординга, статусинга*).*

Анкетирование выявило некоторые детали конкретного языкового оформления цепочки «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр»: на первый план выходили однословные названия – существительные и глаголы; прилагательные и особенно наречия встречались в ответах очень редко (очевидна их маркированность): «действие / РА (глагол) ~ имя жанра (существительное) ~ тональность: 1) характеристика жанра (существительного) ⇒ прилагательное, 2) характеристика действия / РА (глагола) ⇒ наречие» (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Языковое заполнение цепочки «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр»
(на материале анкетирования)

The language filling of the chain “action/act ~ process/manner ~ role/type ~ tonality ~ genre”
(on the questionnaire material)

Имя жанра – существит.		Глагол – имя акта речи	Глагол – имя процесса	Существит. на -инг	Название роли или типажа (существит.)	Возможность «это случилось во время X»
party / парти		–	–	–	?	+
комплимент		–	–	комплиментинг	?комплиментицик	–
флирт		–	–	флиртинг	?	+
small talk / смол-ток		–	–	?	смолтокер	+
(speed dating / спид-дейтинг)		?	?	speed dating / спид-дейтинг	?	+
промоуш(е)н		?	?	промоутинг	промоутер	?
интервью		–	–	интервьюинг	?	+
презентация		?	?	–	?презентационцик	+
корпоратив		–	корпоративить(ся)	?	корпоративцик	+
камингаут		??камингаутить	?	?	камингаутер	–
Интернет-жанры	(троллинг)	(по-, за)троллить	троллить	троллинг	троль	–
	блог, бложик	?	?бложить	блог(е)инг	блог(е)ер	–
	форум	?	?форумить	??форуминг	форумчанин, аскер	–
	чат	(по)чатиться, чатнуться	чатиться	?чат(т)тинг	?чаттер, ?чатланин	?
	статус	? (от)статуситься	–	??статусинг	–	–
	твит, твиттер	твитнуть	твититься	твитинг	?твиттерицик	?
	LJ / ЖЖ, жежешка	–	–	–	centk ?	–
	Facebook / фейсбук	?	фейсбучить(ся)	??фейсбучинг	?фейсбучицик	?
	Instagram / инстаграм	(за)инстаграмить	инстаграмить(ся)	?инстаграминг	инстаграмицик, инстаграмицица	?
	имиджборд	–	–	имиджбординг	??имиджбордицик	?
	бан	(за)банить	?	??банинг	?	–
	игнор	игнорить	игнорить	игноринг	игнорицик	–
	кат	?	?	?	??катицик	–
	флуд	флудить	?	флудинг	??флудицик, ?флудильцик	?
	–	–	–	??модераторинг	модератор	–
	?	?	?	–	геймер	?
	коммент	комментить	комментить	?	centk ?	?
	пост	запостить	постить	?	centk ?	?
	репост	репостнуть	репостить	?	centk ?	?
	лайк	лайкнуть	лайкать	?	лайкальцик	?
спам	спамить	спамить	?	спамицик	?	

Согласно результатам анкеты, самым нормальным / устоявшимся / распространенным современные 20-летние информанты считают «игнорицик» (можно предположить, что не только в интернет-коммуника-

ции) – он получил больше всего оценок «5». Больше всего оценок «5» и «4» получили также «инстаграмить» и «фейсбучить». Наименее нормальными / устоявшимися / распространенными считают «смол-

токер» и «камингаутер» – они получили больше всего оценок «1» (и даже «0»). Больше всего оценок «1» и «2» получили также «спид-дейтинг» и «статусинг» (подробнее см.: [61]).

5. Интернет-коммуникация

За довольно короткое время существования интернет-коммуникации уже успели сложиться и полноценная интернет-лингвистика, и интернет-жанроведение, конечно, сильно связанные друг с другом.

Интернет – «новая цивилизация», «новое чудо света», роль которого в формировании и новых видов и форм коммуникации и ее жанров – и ее языка – трудно переоценить.

По нашему мнению, Интернет должен быть понят, во-первых, как *коммуникативный* феномен (главное, ради чего приходят в Интернет тысячи и миллионы пользователей, – общение), во-вторых – как феномен *гуманитарный*: как отразил – и как по-новому объяснил природу человеческого общения, малых и больших человеческих сообществ – и как изменил их.

Интернет-коммуникация изучается жанроведами с точки зрения лингвокреативности и формирования нового стандарта (даже «новой грамотности»), диалогичности, ритуализации и персонализации [10, 62–64]. Активно исследуются отдельные жанры интернет-коммуникации [10, 65]. Как и следовало ожидать, особенно велика активность западных лингвистов, изучающих жанры интернет-общения: см.: [66–70].

Рассмотрение жанров Интернета наводит на целый ряд весьма серьезных размышлений, которые затрагивают гораздо более широкие сферы, включая сферы базовых человеческих потребностей, нравственности, (новой) обрядовости, оценочности, конечно, межличностных отношений (близости) и социального статуса.

Следует подчеркнуть, что современное изучение интернет-коммуникации, где роль речевых жанров, а отсюда жанроведения, особенно значительна, также осуществляется под значительным влиянием

содержательноцентризма (см. § 1.3). Хотя интернет-коммуникации, как и коммуникации в целом, присуще стремление к влиятельности, а значит, к яркости (и в качестве иллюстраций, например, интернет-жанров исследователи выбирают не менее яркие и индивидуальные образцы, чем жанрово-ролевые сценки у исследователей устных жанров), на настоящем этапе более заметны противоположные формальные тенденции, происходящие из технической обусловленности интернет-коммуникации. Сюда относится, прежде всего, упорядоченный символический характер носителей информации в интернет-коммуникации, доступных для стандартного компьютерного анализа – опознавания, поиска и подсчета. Но и здесь уже сейчас намечаются содержательноцентричные тенденции: именно из-за того, что названные технические, формальные характеристики интернет-коммуникации являются постоянными, они менее ценятся. Если, например, найти нужную информацию, ссылку, цитату теперь очень легко, то ценятся в общении другие вещи, которые невозможно достичь таким образом, – прежде всего «нелогичное творчество»: «Соответственно, и конкуренция людей будет вестись на основе внелогического, образного мышления. Наибольшего успеха в конкуренции: как внутри обществ, так и в глобальном масштабе, – будут достигать склонные к такому мышлению люди и коллективы» [71].

6. Игровая коммуникация

В пространстве игровой коммуникации происходит настоящий расцвет игровых онлайн-жанров (возможно, сейчас мы наблюдаем лишь начало такого расцвета).

Большая степень вовлеченности пользователей, особенно молодых, в эти виды и жанры коммуникации уже привело к социопсихологическому сдвигу (некоторые социологи говорят о более жестком, чем в предыдущие периоды, противопоставлении поколений, основой которого является Интернет, онлайн-игры) (так, у современных студентов слова «игра», «правила игр» вызывают новые устойчивые ассоциации: «ролевых»), причем это противопоставление, начавшееся с игровой коммуникации, впоследствии распространяется и на неигровую коммуникацию.

²Ср., например, фантастический цикл Сергея Лукьяненко «Глубина», который составляют три произведения: романы «Лабиринт отражений» (написан в 1996–1997 гг.) и «Фальшивые зеркала» (1998) и повесть «Прозрачные витражи» (1999). В цикле Лукьяненко в Интернете появляется новая реальность – «глубина», в которой люди могут жить. В отличие от настоящего сегодняшнего Интернета, «глубина» не виртуальна, а субъективно реальна: специальная программа «deep» вводит человека в состояние гипноза, в результате происходящее на экране компьютера воспринимается им как полная реальность (включая боль, ранения и даже сытость от пищи и опьянение от алкоголя, «съеденных и выпитых» в «глубине»), недостающие детали которой автоматически «додумываются» подсознанием: авторы сайтов создают только самые общие очертания, эскизы как обстановки (здания, мебель, машины), так и внешности людей.

Перед нами фантастическая реальность, в которой, с одной стороны, «возможно всё», но с другой – используется довольно ограниченное количество возможностей, поскольку ее «творят» реальные люди – наши современники, носители «обыкновенных» умений, привычек и потребностей. В этом отношении очень интересны, с точки зрения нашего исследования, именно те новые формы коммуникации (и связанные с ними преимущества и проблемы), которые возникают в этой фантастической «глубине», творимой обычными людьми. (Подробнее см.: [72].)

Данный феномен активно осмысливается филологами, социологами, а также писателями² и изучается, прежде всего, в западной лингвистике, теории коммуникации, теории игр и т. д.: ряд интересных исследований был посвящен:

- правилам онлайн-игр и видеоигр и (иногда) формируемым в результате коммуникативно-речевым практикам и даже нормам [73–76];
- складывающимся отношениям и ролям участников онлайн-игр и видеоигр, включая аспекты цифровизации и формализации интерактивных и скриптовых взаимодействий и социальный символизм, разговоры, взаимопонимание и конфликты игроков, функции коммуникации в многопользовательских ролевых играх, социальные идентичности в виртуальных мирах, личности и сообщества, фэндомы [77];
- собственно языковым феноменам в онлайн-играх и видеоиграх: анализ английского языка как лингва-франка в видеоиграх и перевод видеоигр, креативные действия и юмор (включая языковую игру), их перевод [78; 79].

В отечественной науке данному феномену, к сожалению, были посвящены лишь единичные исследования (см., например: [80–82]), причем вообще не было жанроведческих работ.

7. Жанроведение и корпусная лингвистика

В данном случае (возвращаясь к названию этой статьи) более правомерным является вопрос, что дали корпусные методы *И* жанроведению, *И* лингвистике (объективно, на данный момент, лингвистике – гораздо больше, но вопрос о вкладе жанроведения в корпусные методики анализа языка и речи не является бессодержательным, причем имеются в виду и уточнение уже используемых методов, и ряд принципиально новых моделей).

При изучении речевых жанров корпуса и формируемые в их форматах пользовательские подкорпусы могут выступать как база / фонд материала исследования. Используя хранимые и размеченные в корпусах тексты различных жанров, можно изучать соответствующие РЖ (*рассказ, роман, очерк, интервью, фельетон* и мн. др.). Например, в **художественном** подкорпусе НКРЯ выделяются «жанры текста»: *нежанровая проза, детектив, боевик, детская, историческая проза, приключения, фантастика, любовная история, юмор и сатира, документальная проза, драматургия, перевод* [83].

Кроме того, используя материал, хранящийся в корпусах, можно изучать **жанрово-ролевые сценки**, т. е. изображенные в художественных произведениях диалоги персонажей различных жанров (*беседа, болтовня, разговор по душам, комплимент, признание в любви, флирт, ссора, угроза, оскорбление* и мн. др.).

В целом о методах корпусной лингвистики как таковых можно говорить только в тех случаях, когда лингвистические задачи решаются количественно

и с использованием технических возможностей корпусно-поисковых систем, при этом на первый план выходит проблема «ключевых фраз».

При работе с корпусами проблема таких ключевых фраз, или текстовых маркеров РЖ, по которым одним только и можно осуществлять поиск в корпусах, становится не просто важной, но критической, а главное – исследователю приходится решать данную проблему почти с нуля, ибо раньше поиском ключевых фраз для конкретных РЖ жанроведы фактически не занимались. В результате, конечно, в анализ будет привнесена доля субъективизма, что в известной степени обесценивает достоинства корпусного подхода.

В основе разных типов ключевых фраз лежат разные пути выявления таких фраз, требования, предъявляемые к ним: данные требования проистекают, **во-первых**, из природы самих речевых жанров различных типов – здесь особенно значимым является противопоставление стандартизованных и свободных, прямых и косвенных (интерпретативно сложных) жанров. Данное основание обуславливает особые технические характеристики ключевых фраз, выделяемых в корпусах: следует ли осуществлять поиск неизменной при любых обстоятельствах фразы (типа упомянутой идиомы *по душам*) или поиск должен быть более гибким и включать варианты, формы слов и фраз (типа *гламур / гламурный* + полные падежные парадигмы данных имен существительного и прилагательного), вплоть до переменных лексем. Но, как это обычно бывает, допущение варьирования формы в итоге приводит к допущению содержательного варьирования.

Во-вторых, данные требования проистекают из технических возможностей корпусов, **в-третьих** – из задач конкретного жанроведческого исследования: требуется ли, прежде всего, идентифицировать жанры речи в тексте / речевом потоке или же осуществлять тот или иной количественный анализ текста в рамках уже идентифицированных речевых жанров.

Данные три типа требований, очевидно, порождают три типа ключевых фраз. Однако даже начальный анализ показывает, что данные типы имеют самый общий характер, внутри всех возможно очень большое количество конкретных вполне пригодных для того или иного жанроведческого анализа критериев, соответственно – типов ключевых фраз.

Особенно велико разнообразие последнего типа: в рамках уже идентифицированных жанров может быть выделено множество различных дополнительных аспектов, обладающих свойством исчислимости, список которых (особенно у упоминавшихся сложных и косвенных жанров) кажется поистине безграничным, причем, кажется, каждый из таких аспектов способен дать при обращении к корпусам какую-то ценную информацию речежанрового характера.

Например, для жанра *романа*:

- количество / процент лексем «X» (исчислению может быть подвергнут текст всего романа и отдельных его частей; текст романа может быть сопоставлен с другими текстами этого же авто-

- ра разных периодов и текстами других авторов и т. д.; все это касается и следующих аспектов);
- морфологических форм «У» (в том числе – частей речи);
 - синтаксических конструкций того или иного типа «Z»;
 - стилистически маркированных лексем или идиом и т. д. (контент-анализ).

Методологически, во-первых, ключевая фраза должна отвечать **семантике** (точнее – **главной семантике**) жанра (поэтому, например, *светский* для СБ не годится, а *по душам* для РпД годится); во-вторых, в системе по этому критерию можно реально искать и находить **большое количество примеров** (так, для жанра *просьбы* в качестве ключевых фраз для идентификации жанра, вероятно, могут быть выделены две формулы: «*Не могли бы вы...?*» и «*Можно вас попросить?*», но при этом первая дает 306 вхождений в НКРЯ, а вторая – всего 10).

В случае успешного решения поставленных задач мы получим **существенную характеристику жанра**, которая присутствует в речевой компетенции носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания. С точки зрения данного описания наличие той или иной ключевой фразы / фраз представляет собой что-то вроде дополнительного параметра к разнообразным моделям РЖ типа известной «анкеты РЖ» Т. В. Шмелевой [42].

Например, для РЖ *просьба* (табл. 2).

Обсуждаемое направление пересекается с традиционной для лингвистики теоретической и практической проблемой конкретного **лексического и грамматического наполнения** текстов в рамках тех или иных жанров (подробнее см.: [84]).

8. Жанроведение и наукометрия

У нас нет сомнений, что нынешняя цифровизация культуры вызовет большое повышение активности жанроведения и даже, возможно, развитие нового направления жанроведения.

Цифровизация затронула ряд сфер словесности и культуры, некоторые весьма критично, это привело к их качественным изменениям.

Так, в сфере массовых коммуникаций (включая интернет-коммуникацию) цифровизация создает новые возможности отслеживания и поиска, рубрикации и статистического учета (часто автоматического). Ср., например, рейтинг читательского внимания / частотности просмотра (на котором основана работа контент-агрегаторов, отбирающих статьи для новостных браузеров в поисковых системах); ср. также ориентированность на симпатию пользователей социальных сетей («лайкоцентризм») и (наоборот) модерацию (она тоже иногда осуществляется автоматически).

Все это направлено на повышение удобства, в конечном итоге – свободы для авторов и читателей (за исключением модерации (иногда тоже автоматической), но ее роль вряд ли является критичной).

Иной была роль цифровизации в сфере науки: здесь она была настолько значительной, что говорят о цифровой революции, «диктатуре индексаций».

Развитие (скорее даже разрастание) систем индексации, таких как Scopus, WoS, DOAJ, РИНЦ, и одновременно рост их влияния, ужесточение и формализация требований к оформлению статей и монографий и обязательности данных требований для авторов могут быть отнесены к наиболее значительным и заметным тенденциям научной жизни начала XXI в.

Причем (этому явлению пока, на наш взгляд, не уделяется должного внимания) все эти новации являются по сути речевыми, поскольку касаются стандартизации текстовых структур и их статистического учета (и, в сущности, только их).

Таблица 2 / Table 2

Корпусные (НКРЯ) типологические характеристики РЖ
(на примере РЖ *просьба*)
Corpus (Russian National Corpus) typological characteristics of speech genre
(on the example of the *request* speech genre)

Жанр	Наличие ключевой лексики	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
Просьба	<i>прошу</i>	<i>Не могли бы вы</i>	306	<i>Буду очень благодарен</i>	32
	<i>пожалуйста</i>	<i>Можно вас попросить</i>	10	<i>Для меня это очень важно</i>	15
	<i>будьте добры</i>				

Это мы и имеем в виду, говоря о связи с ТРЖ.

Как и следовало ожидать, параллельно с развитием цифровизации осуществляется ее осмысление, в том числе самими представителями научного мира. Однако (уже довольно многочисленные) реакции на цифровизацию³ давались пока что почти исключительно в оценочном плане, попыток осмысления собственно структурной, речежанровой природы данного явления, насколько нам известно, пока не было.

Среди реакций есть и положительные, отмечающие удобства цифровизации для исследователей, например:

«<...> все делается теперь автоматически и выкладывается в России в Elibrary.ru. Основной принцип риторики (максимум заботы об адресате) в век Интернета в научной сфере дополнен максимумом удобств поиска нужной информации. И хотя ученые ворчат и жалуются, что объем новых требований только мешает их исследовательской работе, это не совсем так: выполнение помогает и адресантам, и адресатам в поиске нужной научной информации» [99: 42].

Критические высказывания в адрес новой системы многочисленнее и больше слышны:

«Журналы, претендующие на ваковский статус и международный рейтинг, диктуют автору, что должно быть в его статье и чего там быть не должно. Кто вообще имеет право за меня решать, о чем мне писать и что включать в статью, а что не включать? Кто эти люди, какова их квалификация в моей науке и чем они руководствуются в своих инструкциях?» – взволнованно спрашивает И. А. Стернин [100: 14].

Критиками также неоднократно высказывалась мысль, что новая система поощряет слабые, неинформативные, нетворческие работы: научись соблюдать сложные формальные требования – и этого достаточно для того, чтобы написать «как бы статью». При этом значительные формальные изменения, к которым приводит соблюдение данных сложных формальных требований, безболезненны для слабой статьи, а статью сильную очень часто портят:

«Необходимо бороться за качество научной продукции, спору нет. Надо поставить барьеры липовым диссертациям, липовым защитами, липовым статьям. Однако множась непомерные формальные требования (касающиеся содержания, цитирования, библиографии, перевода на английский и т. д.) к научным публикациям затрудняют работу настоящих ученых и упрощают жизнь халтурщикам и плагиаторам, которые все перечисленное тщательно соблюдают.

На их «липу» сквозь пальцы посмотрят редакторы, рецензенты и выведут заключение: хорошая работа (статья, монография, диссертация) – все требования соблюдены, можно и не читать, а публиковать или защищать» [Там же: 16].

Думается, к тревоге И. А. Стернина присоединятся многие ученые, равнодушные к судьбам нынешних научных направлений и школ.

Отвлечься от оценок нам, находящимся не вовне, а внутри данного процесса, трудно.

Но если все же попытаться отвлечься, нельзя не признать, что перед нами интересный процесс, имеющий речежанровое содержание, опирающийся на речежанровые механизмы порождения и трансформации текста, осмысление которых может быть полезно и для того, чтобы лучше понять природу, задачи и инструментарий наукометрии на данном этапе (а тем самым, конечно, помочь оптимизировать ее), и для того, чтобы лучше понять структуру научной речи, а именно: речежанровую структуру. То есть осмысление имеет значение и для ТРЖ, и наукометрии.

Речежанровое содержание цифровизации в сфере науки (точнее – огромной деятельности в данной сфере, затронувшей не только редакции периодических и непериодических изданий, но и буквально всех авторов – «обычных ученых»), как представляется, составляют два круга явлений:

- 1) утверждаются и упорядочиваются структурные требования к статьям и монографиям, индексируемым в системах (Scopus, WoS, РИНЦ и т. п.), а тем самым – увеличиваются наши знания о том, что представляет собой статья со стороны своей структуры (т. е. знания о жанре статьи);
- 2) новые требования систем индексации (Scopus, WoS, РИНЦ) приводят к тому, что тексты статей меняются, их «пишут по-другому», а иногда переделывают после соответствующих рекомендаций от издателей.

При этом, рассматривая те же процессы, о которых эмоционально говорят И. А. Стернин и его единомышленники, приходится отметить, что с точки зрения собственно жанровых процессов моделирования и актуализации такое положение вещей нормально: любой жанр, как параметрическая модель, несет потенции текстопорождения.

Данная проблема пока еще никогда, насколько нам известно, не была сформулиро-

³См., например: [85–97]. Ср. также материалы форума «Прикладная наукометрия». Участники делились своим опытом сотрудничества с этой системой и обсуждали вопросы о том, нужна ли прикладная наукометрия и если да, то как она должна работать, чтобы, решая одни проблемы в организации науки, одновременно не создавать других [98].

вана в виде самостоятельной теоретической или прикладной проблемы жанроведения или лингвистики, однако становится актуальной в связи с рядом тенденций новейшего времени и в жанроведении, и в лингвистике, и отечественной и мировой гуманитарной и негуманитарной науке в целом.

Теоретической основой данного направления исследований, по всей вероятности, можно считать результаты изучения научного стиля, дискурса и их отдельных жанров (прежде всего сюда следует отнести пермскую функционально-стилистическую школу В. А. Салимовского, М. П. Котюровой, Е. А. Баженовой и др.). Ср. одну из последних работ представителей данного направления, в которой детально разбираются компьютерные программы, работающие со структурными характеристиками научной статьи [12].

Пожалуй, главная (хотя не всегда эксплицируемая) цель данных исследований – ответить на вопрос, что есть научный стиль, дискурс и их отдельные жанры со структурной точки зрения. С одной стороны, задается параметрический список структурных характеристик, с другой – реконструируется картинка прототипного образца: говоря простыми словами, научная статья – это не столько «то, что похоже на статьи В. В. Виноградова», сколько «то, что похоже на статьи, размещаемые в Скопусе или РИНЦ». Фактически перед нами новый способ ответить на вопрос, «что такое типичная / настоящая / хорошая научная статья» (опять-таки со структурной точки зрения), причем следующий логический шаг отсюда – «что обязательно должно быть в X, чтобы этот самый X отвечал высокому званию «статьи»».

Как это довольно часто бывает в случае взаимных отношений жанроведения (и жанров) со смежными областями человеческой культуры, коммуникации (такими как педагогика, политика, медицина, реклама), сотрудничество оказывается не только естественным, но и взаимопользным в теоретическом и прикладном аспектах. В этой связи стоит вспомнить издательскую (так!) деятельность замечательного советского лингвиста А. А. Реформатского, весьма обогатившую издательское дело (и полезную и важную для жанроведения, на что указывал В. М. Алпатов [101]).

Собственно текстовых характеристик статей в РИНЦ нет вообще – и это, конечно, отличается выделяемые там признаки от настоящих речежанровых, где текстовые характеристики главные. Характеристики РИНЦ в основном экстралингвистические, но и они важны, и их, вероятно, тоже стоит включать в интегральные речежанровые описания.

(Думается, среди них близки к речежанровым, например, количество самоцитирований автора. Какое отношение к речежанровым имеет главный показатель РИНЦ – индекс Хирша – пока совершенно не понятно.)

То, что эти признаки абстрактны, тоже скорее сближает с речежанровыми, чем отличает от них.

Главное, сам факт, что статья включена в систему РИНЦ, говорит о том, что выполнен целый ряд требований – среди них есть, вероятно, совсем не речежанровые и не речевые (регистрация автора в РИНЦ с присвоением индивидуального номера, подписанный и зарегистрированный договор; прикрепленные pdf-файлы), но есть и текстовые и речежанровые, например, наличие резюме / аннотации (плюс требования к их объему и композиции) и ключевых слов на русском и английском языках, рубрикация (например выделение особых параграфов: постановка проблемы, история вопроса, методика, основная часть, выводы и т. д.), наличие определенным образом упорядоченной библиографии (часто тоже на русском и английском языках (латинизированной)) и др. требования, например, наличие положительных рецензий, доля самоцитирования и подоб.

Иными словами, можно представить вертикальную шкалу оценки научных статей в РИНЦ (через чисто количественные показатели, такие как количество цитирований, индекс Хирша и подоб.) как степень соответствия доминантам жанра (жанра научной статьи, монографии, диссертации или некоего жанра научного дискурса в целом), т. е. характеристику полевою (место по отношению к ядру-периферии соответствующего поля – а это возможно и даже обязательно при полевым представлении жанра [33]), прототипную, а тем самым – горизонтальную речежанровую.

Если перед нами не вертикальная шкала, а поле, то все пункты, выделяемые в РИНЦ, – это признаки, которым должен соответствовать текст, чтобы быть отнесенным к РЖ научной статьи. Самые большие количественные показатели по этим наукометрическим (а по сути речежанровым) пунктам являются показателями того, насколько близок к ядру жанра окажется тот или иной текст, в какой степени его можно считать каноническим / образцовым экземпляром жанра.

В рамках распространенных классификаций, членящих жанры по степени творчества (такие классификации восходят еще к Бахтину), научная статья относится к творческим жанрам, сводить все содержание которых к простому механическому следованию шаблону недопустимо, а значит, в данном случае есть опасность, что влияние наукометрии дает негативно оцениваемые результаты, в жанрово-типологическом плане.

Выводы

Как видим, теория речевых жанров обнаруживает значимые пересечения с целым рядом наиболее актуальных проблем лингвистики. Те разделы лингвистики, где ТРЖ может быть особенно полезна, не ограничиваются собственно набором жанров и их именами и структурой – в ведение обеих дисциплин попадает наиболее принципиальная часть коммуникативно-речевых компетенций на разных уровнях языка и речи в различных сферах.

Главными препятствиями на пути к собственно лингвистическому изучению жанров, безусловно, стали многообразие жанров и их вариативность. Даже если представить, что кем-то будет составлен полный список РЖ, при любой попытке применить его к речевому многообразию на практике такой список будет немедленно сведен на нет громадным числом незначительных и очень значительных отклонений от «стандарта», авторской и «слушательской» непредсказуемостью, личностной окраской и субъективной волей, участием самых разнообразных и тоже непредсказуемых компонентов ситуации общения.

Как часто бывает в период становления новых научных парадигм, развитие теории опережало развитие методов. Принципиально новые идеи, как правило, не получали (и нередко не получили до сих пор) адекватные методы для их подтверждения.

Базовые положения ТРЖ: положения, что жанры речи управляют порождением и интерпретацией текста; что есть какие-то конкретные жанры (условные *X*, *Y*, *Z*...), а также их типы, – принимаются скорее дедуктивно, между ними и настоящим лингвистическим анализом языкового материала зияет лакуна, заполнить которую лингвистическим инструментарием и методикой еще только предстоит.

Это порождает вполне обоснованный скептицизм у лингвистов – представителей индуктивного подхода: то, что может дать лингвистике ТРЖ в ее нынешнем виде, воспринимается ими как «забегание вперед», не подкрепленное конкретными лингвистическими исследованиями.

Пока неясно, сможет ли изучение речи выработать более строгие методы или же их принципиально не существует (дисциплина, не обладающая строгим методом, всегда будет вызывать неудовлетворенность (в том числе у самих ее представителей) из-за субъективности и произвольности, а выводы могут оказаться слишком далеко идущими).

Одна из самых больших теоретических проблем, не до конца решенная в данной ста-

тье, – итоги развития какого жанроведения мы пытались представить? Не описываем ли мы жанроведение искусственное, субъективное, существующее только в нашем сознании? В реальности жанроведение уже разветвилось на целый комплекс с трудом согласующихся друг с другом разнообразных дисциплин, концепций, школ, представители которых часто претендуют не только на свой особый материал (что естественно, например, для жанроведческих исследований художественной литературы, рекламы, политической коммуникации, интернет-коммуникации, научной речи и т. п.), но и на свою собственную теорию и терминологию. (Это многообразие подходов и концепций хорошо отражено уже на страницах журнала «Жанры речи».) Вероятно, не все представители этих направлений согласятся с трактовкой автором настоящей статьи их подходов и результатов, тем более – их места по отношению друг к другу, по М. М. Бахтину, в общей жанроведческой парадигме. Но именно такое положение вещей подчеркивает необходимость обобщающих работ по речевым жанрам.

Принципиальным представляется и вопрос о конкретных линиях членения лингвистики и ТРЖ с выявлением наиболее значимых мест взаимного пересечения. Нарисовать такую картину, в сущности, несложно, но она с неизбежностью будет субъективной и производной от конкретного анализа, материала и личных мнений и интересов исследователя. Так, ТРЖ наиболее пересекается с коммуникативно-социологическим направлением лингвистики (или даже является его частью) (по К. Ф. Седову [7]), хотя и для трех других ее направлений (структурно-языкового, когнитивно-психологического и художественного [Там же]; см. выше) ТРЖ очень значима.

Многие особенности современного лингвистического жанроведения определяются содержательноцентричными тенденциями, общими для ряда направлений современной отечественной лингвистики:

- отсутствие или несоразмерно малая доля лингвистического анализа конкретного материала – языковых и речевых единиц, предшествующего выводам более общего характера («перепрыгивание ступеней»), или, другими словами, преимущественно дедуктивный характер;
- принципиальная типологическая незамкнутость материала, распределяемого по анализируемым сферам, возможность (а иногда – обязательность) дополнения списка даже базовых противопоставлений (таких, например, как фатические и информативные речевые жанры; ценностно-, понятийно-, образно-ориентированные кон-

- цепты и т. п.), при этом характер данных противопоставлений нежесткий;
- анализу во многих случаях присуща опре-

деленная степень субъективизма, что сближает речежанровый анализ с литературоведческим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. С. 159–206.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
3. Кантурова М. А., Стеклова Т. И. Производность и вариативность речевых жанров. Новосибирск : Новосибир. гос. пед. ун-т, 2019. 128 с.
4. Пономаренко Е. А. Речевые жанры в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей-врачей). Симферополь : Дом писателей им. Домбровского, 2011. 208 с.
5. Рабенко Т. Г. Русский речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «личный дневник»). Кемерово : КемГУ, 2018. 171 с.
6. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 235 с.
7. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с. (Studia philologica).
8. Шарифуллин Б. Я. Речежанровое пространство современного российского города. Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2015. 195 с.
9. Шерстяных И. В. Теория речевых жанров : Лекционно-практический курс для магистрантов. М. : ФЛИНТА : НАУКА, 2013. 552 с.
10. Щурина Ю. В. Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации. Чита : Забайк. гос. ун-т, 2015. 223 с.
11. Алпатов В. М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 9–15.
12. Девяткин Д. А., Каджая Л. А., Салимовский В. А. Жанры речи как объект компьютерного анализа (на материале научных текстов) // Жанры речи. 2019. № 2(22). С. 86–104. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>
13. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире : креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1(21). С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
14. Дускаева Л. Р. О жанровых текстовых категориях // Жанры речи. 2016. № 2(14). С. 25–32. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32>
15. Красных В. В. Жанры речи сквозь призму многомерности бытия Человека говорящего // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 9–14.
16. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 151–159. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>
17. Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. № 2(18). С. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>
18. Шевченко И. С. Концепт коммуникативного поведения и жанр // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 23–29.
19. Bhatia V. K. Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries // HERMES-Journal of Language and Communication in Business. 2015. Vol. 27, № 54. P. 9–20.
20. Giltrow J. Genre and Difference: The Sociality of Linguistic Variation // Syntactic Variation and Genre / ed. by H. Dorgeloh, A. Wanner. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2010. P. 1–26.
21. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М. : Прогресс, 1978. С. 5–42.
22. Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 333–342.
23. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии : XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси ; Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica).
24. Балашова Л. В. Русская метафора : прошлое, настоящее, будущее. М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica).
25. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. 1488 с.
26. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа : Гилем, 2005. 200 с.
27. Скляревская Г. Н. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М. : Астрель, 2001. 944 с.
28. Бондаренко В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013. 339 с.
29. Матвеева Т. В. К вопросу о ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи // Жанры речи. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 44–51.
30. Балашова Л. В. Метафора в жанре жития древнерусской литературы // Жанры речи. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 112–123.
31. Сухомлина Т. А. Функционально-семантическая категория футуральности в современном английском языке : текстообразующий аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2017. 349 с.
32. Баранов А. Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // Жанры речи. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 4–12.
33. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
34. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 103–112.
35. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Русские словари, 1999. 396 с.
36. Бузальская Е. В. Лингвокогнитивная типология речевых жанров : на материале эссе // Жанры речи. 2017.

№ 1(15). С. 30–36. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-30-36>

37. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 74–80.

38. Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005. 432 с.

39. Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 7–21.

40. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.

41. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

42. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

43. Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax // Folia Linguistica. 2011. Vol. 45, № 1. P. 1–34.

44. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

45. Дементьев В. В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 22–49.

46. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.

47. Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. Языковые контакты. 536 с.

48. Баранникова Л. И. О соотношении системного и диахронического подходов к языку (к истории вопроса) // Язык и общество. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. Вып. 11. С. 3–6.

49. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

50. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.

51. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.

52. Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 118–156.

53. Питерс Б. Язык и культурные ценности: этнолингвистическая модель // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 134–150.

54. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. 502 p.

55. Wierzbicka A. Overcoming Anglocentrism in Emotion Research // Emotion Review. 2009. Vol. 1, № 1. P. 21–23.

56. Чуреева О. А., Абу Жад Анас Али Касем. Актуальные речеповеденческие этикетные формулы приветствия в русской и арабской культурах // Языки. Культуры. Перевод. 2016. № 1. С. 263–280.

57. Гольдин В. Е. Этикет и речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 112 с.

58. Данилов С. Ю. Речевой жанр *проработки* в тоталитарной культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 15 с.

59. Small talk / ed. J. Coupland. Harlow: Longman, 2000. 319 p.

60. Солнышкина М. И. Профессиональный морской язык. М.: Academia, 2005. 256 с.

61. Дементьев В. В. Структура заимствованных коммуникативных концептов (на материале анкетирования) // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М.; Саратов: Амрита, 2015. С. 201–211.

62. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1(21). С. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>

63. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2(14). С. 96–104. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>

64. Шилихина К. М. Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // Жанры речи. 2018. № 3(19). С. 218–225. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225>

65. Щипушина Л. Ю. Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // Жанры речи. 2019. № 3(23). С. 215–226. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>

66. Askehave I., Nielsen A. What are the Characteristics of Digital Genres? // Genre Theory from a Multi-modal Perspective: Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences. University of Hawaii at Manoa, 2005. P. 120–141.

67. Automatic Genre Identification // Journal for Language Technology and Computational Linguistics. 2009. Vol. 24, № 1. Automatic Genre Identification: Issues and Prospects.

68. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.

69. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet, 2007. № 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009. URL: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761> (дата обращения: 24.06.2019).

70. Herring S. C. New frontiers in interactive multimodal communication // The Rutledge handbook of language and digital communication / eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. L.: Routledge, 2015. URL: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf> (дата обращения: 06.07.2015).

71. Делягин М. Человек-трансформер // Изборский клуб. 2019. 24 января. URL: <https://izborsk-club.ru/16424> (дата обращения: 24.06.2019).

72. Дементьев В. В. Об отражении в футуристической научной фантастике проблем современной речевой коммуникации и их возможном изучении коммуникативной лингвистикой // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3 (14). С. 33–47.

73. Crawford G., Rutter J. Playing the Game: Performance and Digital Game Audiences // Fandom: Identities and Communities in a Mediated World / eds. J. Gray, C. Sandvoss, C. L. Harrington. London: New York University Press, 2007. 271–281.

74. Drachen A., Smith J. H. Player Talk: The Functions of Communication in Multi-player Role-playing games // Computers in Entertainment. 2008. Vol. 6, № 4. P. 1–36.

75. Falcão Th., Ribeiro J. C. The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds // Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games / eds. G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light. London: Routledge, 2011. P. 130–140.

76. Salen K., Zimmerman E. Rules of Play: Game Design Fundamentals. London: MIT Press, 2004. 672 p.

77. Drachen A. Analyzing Player Communication in Multiplayer Games // *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games* / eds. G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light. London: Routledge, 2011. 201–223.
78. Iai P. L. Analysing English as a Lingua Franca in Video Games: Linguistic Features, Experiential and Functional Dimensions of Online and Scripted Interactions. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2016. 139 p.
79. MacKenzie I. Lexical Inventiveness and Conventionality in English as a Lingua Franca and English Translation // *The European English Messenger*. 2013. Vol. 22, № 1. P. 47–53.
80. Антоненко А. А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 20 с.
81. Карасик В. И. Компьютерная игра «StarCraft»: лингвокультурные характеристики // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: Флинта; Наука, 2012. С. 237–254.
82. Рыбалтович Д. Г. Психологические особенности пользователей онлайн-игр с различной степенью игровой аддикции: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 20 с.
83. Оскольская С. А. Корпус письменных текстов XIX века: сферы употребления и жанровое разнообразие // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 46–51.
84. Дементьев В. В., Степанова Н. Б. Корпусная генеристика: проблема ключевых фраз // *Жанры речи*. 2016. № 1(13). С. 24–41. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41>
85. Акоев М. А., Маркусова В. А., Москалева О. В., Писляков В. В. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 250 с.
86. Анохин А. А. Базы данных и поисковые системы по научному цитированию – оценка продуктивности трудов исследователя // *Высшая школа*. 2015. № 2. С. 48–53.
87. Березкина Н., Сикорская О., Хренова Г. Использование баз данных «Web of Science» и «Scopus» для оценки результатов научной деятельности в Национальной Академии наук Беларуси // *Информационные ресурсы России*. 2011. № 4. С. 19–21.
88. Болотов В. А., Квелидзе-Кузнецова Н. Н., Лантев В. В., Морозова С. А. Индекс Хирша в российском индексе научного цитирования // *Вопросы образования*. 2014. № 1. С. 241–262.
89. Шарабчиев Ю. Т. Российский индекс научного цитирования eLibrary.ru как инструмент оценки продуктивности и значимости ученых и научных коллективов // *Медицинские новости*. 2013. № 2. С. 24–28.
90. Evaluating Science and Scientists. An East-West Dialogue on Research Evaluation in Post-Communist Europe / eds. M. S. Frankel, J. Cave. Budapest: CEU Press, 1997. 226 p.
91. Frow J. The Public Humanities // *Modern Language Review*. 2005. Vol. 100: Supplement: 100 Years of “MLR”. P. 269–280.
92. Head M. L., Holman L., Lanfear R., Kahn A. T., Jennions M. D. The Extent and Consequences of P-Hacking in Science // *PLoS Biology*. 2015. Vol. 13, № 3. P. e1002106. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.1002106>.
93. Herold E. Researchers Behaving Badly: Known Frauds Are “the Tip of the Iceberg” // *Leapsmag*. 2018. Oct. 19. URL: <https://leapsmag.com/researchers-behaving-badly-why-scientific-misconduct-may-be-on-the-rise/> (дата обращения: 24.06.2019).
94. Hicks D., Wouters P., Waltman L., Rijcke S. de, Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for Research Metrics // *Nature*. 2015, April. № 520. P. 429–431.
95. Meester W. Access to Excellent Research: Scopus in Lithuania. 2015. URL: http://serials.lt/wp-content/uploads/2015/03/Meester_Access_to_Excellent_Research_Scopus_in_Lithuania_Vilnius_20150318.pdf (дата обращения: 24.06.2019).
96. Müller J. Z. The Tyranny of Metrics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018. 240 p.
97. Müller R. Racing for What? Anticipation and Acceleration in the Work and Career Practices of Academic Life Science Postdocs // *Forum: Qualitative Social Science Research*. 2014. Vol. 15, № 3. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/2245/> (дата обращения: 24.06.2019).
98. Прикладная наукометрия // *Антропологический форум*. 2019. № 40. С. 11–84.
99. Сиротина О. Б. Факторы, влияющие на эффективность коммуникации // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2019. № 1. С. 39–47.
100. Стернин И. А. Как уважать себя заставить? Ученый-филолог размышляет о наблевшем // *Поиск*. 2017. № 8, 24 февраля. URL: <http://www.poisknews.ru/theme/publications/22732/> (дата обращения: 24.06.2019).
101. Аллатов В. М. Реформатский и Бахтин о жанрах речи // *Жанры речи*. 2018. № 1(17). С. 21–24. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-21-24>

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov. Iz arkhivnykh zapisei k rabote “Problema rechevykh zhanrov”. Problema teksta [The problem of speech genres. From archival records to the work “The Problem of Speech Genres”. Text problem]. *Bakhtin M. M. Collected works: in 5 vols.* Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1996, vol. 5, pp. 159–206 (in Russian).
2. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znack Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
3. Kanturova M. A., Steksova T. I. *Proizvodnost' i variativnost' rechevykh zhanrov* [Productivity and variability of speech genres]. Novosibirsk, Novosib. gos. ped. un-t, 2019. 128 p. (in Russian).
4. Ponomarenko E. A. *Rechevye zhanry v medicinskom disкурсе (v proizvedeniyah russkikh pisateley-vrachey)* [Speech Genres in medical discourse (in the works of Russian writers had been doctors)]. Simferopol, Dom pisateley im. Dombrovskogo, 2011. 208 p. (in Russian).
5. Rabenko T. G. *Russkiy rechevoy zhanr v paradigme lingvisticheskoy variantologii (na materiale rechevogo zhanra “lichnyy dnevnik”)* [Russian speech genre in the paradigm of linguistic variantology (based on the speech genre “personal diary”)]. Kemerovo, Kem. GU Publ., 2018. 171 p. (in Russian).
6. Salimovskiy V. A. *Zhanry rechi v funktsionalno-stilisticheskoy osveschenii* [Genres of speech in functional

and stylistic aspects]. Perm, Izd-vo Perm un-ta, 2002. 235 p. (in Russian).

7. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK, 2016. 440 p. (in Russian). (Studia philologica).

8. Sharifullin B. Ya. *Rechezhanrovoye prostranstvo sovremennogo rossiyskogo goroda* [The genre space of a modern Russian city]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2015. 195 p.

9. Sherstyanykh I. V. *Teoriya rechevykh zhanrov: Lektsionno-prakticheskiy kurs dlya magistrantov* [Theory of speech genres: Lecture and practical course for magistrates]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 552 p. (in Russian).

10. Shchurina Yu. V. *Rechevye zhanry komicheskogo v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Comic speech genres in modern mass communication]. Chita, Transbaikalian State University, 2015. 223 p. (in Russian).

11. Alpatov V. M. About two “childhood diseases” of modern linguistics (language, ideology, speech genres). *Speech Genres*, 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 9–15 (in Russian).

12. Devyatkin D. A., Kadzhaya L. A., Salimovsky V. A. Speech Genres as an Object of Computer Analysis (Based on Academic Texts). *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 86–104 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>

13. Dementyev V. V. Genres in Changing World: Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1(21), pp. 6–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

14. Duskajeva L. R. About genre text categories. *Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 25–32 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32>

15. Krasnykh V. V. Speech Genres through the Prism of the Multidimensionality of Homo Loquens. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 9–14 (in Russian).

16. Salimovsky V. A., Yarullin D. V. On a Speech Genre Identity. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 151–159 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>

17. Tarasova I. A. Genre in the Cognitive Perspective. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 88–95 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>

18. Shevchenko I. S. Concept of communicative behavior and genre. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 23–29 (in Russian).

19. Bhatia V. K. Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries. *HERMES-Journal of Language and Communication in Business*, 2015, vol. 27, no. 54, pp. 9–20.

20. Giltrow J. Genre and Difference: The Sociality of Linguistic Variation. In: H. Dorgeloh, A. Wanner, eds. *Syntactic Variation and Genre*. Berlin, New York, De Gruyter Mouton, 2010, pp. 1–26.

21. Nikolayeva T. M. *Lingvistika teksta. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Text Linguistics. Current state and prospects]. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Iss. 8. *Lingvistika teksta* [Text Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 5–42 (in Russian).

22. Bulygina T. V. O granitsakh i soderzhanii pragmatiki [On the boundaries and content of pragmatics]. *Izv. AN SSSR OLYA* [News of Academy of Sciences of the USSR, series literature and the language], 1981, vol. 40, no. 4, pp. 333–342 (in Russian).

23. Balashova L. V. *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitiy: XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, Znak Publ., 2014. 632 p. (Studia Philologica) (in Russian)..

24. Balashova L. V. *Russkaya metafora: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Russian metaphor: past, present, future]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 496 p. (Studia Philologica) (in Russian).

25. *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka. Pod red. Y. D. Apresyana* [Apresyan Yu. D., ed. New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow; Vienna, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 1488 p. (in Russian).

26. Vasiliev L. M. *Sistemnyy semanticheskiy slovar' russkogo yazyka. Predikatnaya leksika* [Systemic semantic dictionary of the Russian language. Predicate vocabulary]. Ufa, Gilem Publ., 2005. 200 p. (in Russian).

27. Sklyarevskaya G. N. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovyye izmeneniya kontsa XX stoletiya* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. Language changes at the end of the 20th century]. Moscow, Astrel Publ., 2001. 944 p. (in Russian).

28. Bondarenko V. T. *Otvetnyye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi: slovar'* [Response cues in Russian dialogical speech: a dictionary]. Tula, Izd-vo Tul. gos. ped. unta im. L. N. Tolstogo, 2013. 339 p. (in Russian).

29. Matveeva T. V. K voprosu o ritme kak zhanroobrazuyushchem priznake v razgovornoy rechi [On the question of rhythm as genre-forming sign in oral speech]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 44–51 (in Russian).

30. Balashova L. V. *Metafora v zhanre zhitiya drevnerusskoj literatury* [The metaphor in the genre of the lives of ancient literature]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works], Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 112–123 (in Russian).

31. Sukhomlina T. A. *Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya futural'nosti v sovremennom angliyskom yazyke: tekstoobrazuyushchiy aspekt* [Functional-semantic category of futurism in modern English: text-forming aspect]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Samara, 2017. 349 p. (in Russian).

32. Baranov A. G. Kogniotipichnost teksta. K probleme urovney abstraktsii tekstovoy deyatel'nosti [Cogniotypicality of the text. To the problem of levels of abstraction textual activity]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works], Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 4–12 (in Russian).

33. Fedosyuk M. Yu. *Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).

34. Gajda S. *Zhanry razgovornykh vyskazyvaniy* [Genres of spoken utterances]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, iss. 2, pp. 103–112 (in Russian).

35. Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvicej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* [Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1999. 396 p. (in Russian).

36. Buzalskaya E. V. Linguocognitive Typology of Speech Genres: on the Basis of an Essay. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 30–36 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-30-36>
37. Ermakova O. P. Is irony a speech genre? (Once again, about some features of irony). *Speech Genres*, 2014, no. 1-2 (9-10), pp. 74–80 (in Russian).
38. Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 432 p. (in Russian).
39. Alpatov V. M. What and how studies linguistics. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 2015, no. 3, pp. 7–21 (in Russian).
40. Karasik V. I. *Yazykovaya matritsa kul'tury* [The language matrix of culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2013. 320 p. (in Russian).
41. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).
42. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhany rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
43. Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax. *Folia Linguistica*, 2011, vol. 45, no. 1, pp. 1–34 (in Russian).
44. Dementyev V. V. *Nepriyamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 376 p. (in Russian).
45. Dementyev V. V. Actual problems of indirect communication and its genres: the view from 2013. *Speech Genres*, 2014, no. 1-2 (9-10), pp. 22–49 (in Russian).
46. Dementyev V. V. The theory of speech genres and actual processes of the modern speech. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).
47. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1972. Iss. 6. Yazykovyye kontakty [Language contacts]. 536 p. (in Russian).
48. Barannikova L. I. O sootnoshenii sistemnogo i diahronicheskogo podkhodov k yazyku (k istorii voprosa) [On the relationship of systemic and diachronic approaches to language (to the history of the issue)]. *Yazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1997, iss. 11, pp. 3–6 (in Russian).
49. Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977. 695 p. (in Russian).
50. Wierzbicka A. Rechevye zhanry [Speech Genres]. *Zhany rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).
51. Wierzbicka A. Russkiye kul'turnyye skripty i ikh otrazheniye v yazyke [Russian cultural scripts and their reflection in the language]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage], 2002, no. 2 (4), pp. 6–34 (in Russian).
52. Wierzbicka A., Goddard K. Diskurs i kul'tura [Discourse and Culture]. *Zhany rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, iss. 3, pp. 118–156 (in Russian).
53. Peeters B. Yazyk i kul'turnyye tsennosti: etnolingvisticheskaya model' [Language and cultural values: the ethnolinguistic pathways model]. *Zhany rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, ITs "Nauka", 2011, iss. 7, pp. 134–150 (in Russian).
54. Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1991. 502 p.
55. Wierzbicka A. Overcoming Anglocentrism in Emotion Research. *Emotion Review*, 2009, vol. 1, no. 1, pp. 21–23.
56. Chureyeva O. A., Abu Zhad Anas Ali Kasem. Aktual'nyye rechapovedencheskiye etiketnyye formuly privetstviya v russkoy i arabskoy kul'turakh [Actual speech-behavioral etiquette formulas of greeting in Russian and Arabic cultures]. *Yazyki. Kul'tury. Perevod* [Languages. Culture. Transfer], 2016, no. 1, pp. 263–280 (in Russian).
57. Goldin V. Ye. *Etiket i rech'* [Etiquette and speech]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1978. 112 p. (in Russian).
58. Danilov S. Yu. *Rechevoy zhanr prorabotki v totalitarnoy kul'ture* [Speech genre elaboration in a totalitarian culture]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Yekaterinburg, 2001. 15 p. (in Russian).
59. Coupland J., ed. *Small talk*. Harlow, Longman, 2000. 319 p.
60. Solnyshkina M. I. *Professional'nyy morskoy yazyk* [Professional marine language]. Moscow, Academia Publ., 2005. 256 p. (in Russian).
61. Dementyev V. V. Struktura zaimstvovannykh kommunikativnykh kontseptov (na materiale anketirovaniya) [The structure of borrowed communicative concepts (on the material of the survey)]. In: O. Yu. Kryuchkova, L. P. Krysin, eds. *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiyu V. Ye. Gol'dina* [Language in the space of speech cultures: On the 80th anniversary of V. Ye. Goldin]. Moscow, Saratov, Amirit Publ., 2015, pp. 201–211 (in Russian).
62. Karasik V. I. Genres of Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>
63. Kolokoltseva T. N. Dialogism in the genres of internet communication (chat, forum, blog). *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 97–105 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>
64. Shilikhina K. M. Lexical Markers of the Online Communication Genres. *Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 218–225 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225>
65. Shchipitsina L. Yu. Web Lecture as an Oral Internet Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 215–226 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>
66. Askehave I., Nielsen A. What are the Characteristics of Digital Genres? *Genre Theory from a Multi-modal Perspective. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences*. University of Hawaii at Manoa, 2005, pp. 120–141.
67. Automatic Genre Identification. *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*, 2009, vol. 24, no. 1. Automatic Genre Identification: Issues and Prospects.
68. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 272 p.
69. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*, 2007, no. 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009. Available at: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761> (accessed 24 June 2019).
70. Herring S. C. New frontiers in interactive multi-modal communication. In: A. Georgopoulou, T. Spilloti, eds. *The Rutledge handbook of language and digital com-*

munication. London, Rutledge, 2015. Available at: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf> (accessed 06 June 2015).

71. Delyagin M. Chelovek-transformer (Transforming Man). *Izborsk Club*, 2019, January 24 (in Russian). Available at: <https://izborsk-club.ru/16424> (accessed 24 June 2019).

72. Dementyev V. V. On the reflection in the futuristic science fiction of the problems of modern speech communication and their possible study of communicative linguistics. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2018, no. 3 (14), p. 33–47 (in Russian).

73. Crawford G., Rutter J. Playing the Game: Performance and Digital Game Audiences. In: J. Gray, C. Sandvoss, C. L. Harrington, eds. *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World*. London, New York University Press, 2007, pp. 271–281.

74. Drachen A., Smith J. H. Player Talk: The Functions of Communication in Multi-player Role-playing games. *Computers in Entertainment*, 2008, vol. 6, no. 4, pp. 1–36.

75. Falcão Th., Ribeiro J. C. The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011, pp. 130–140.

76. Salen K., Zimmerman E. *Rules of Play: Game Design Fundamentals*. London, MIT Press, 2004. 672 p.

77. Drachen A. Analyzing Player Communication in Multiplayer Games. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011, pp. 201–223.

78. Iaia P. L. *Analysing English as a Lingua Franca in Video Games: Linguistic Features, Experiential and Functional Dimensions of Online and Scripted Interactions*. Bern, Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2016. 139 p.

79. MacKenzie I. Lexical Inventiveness and Conventionality in English as a Lingua Franca and English Translation. *The European English Messenger*, 2013, vol. 22, no. 1, pp. 47–53.

80. Antonenko A. A. *Internet-zavisimost' podrostkov ot komp'yuternykh igr i onlayn-obshcheniya: kliniko-psikhologicheskiye osobennosti i profilaktika* [Internet addiction of adolescents to computer games and online communication: clinical and psychological features and prevention]. Thesis. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2014. 20 p. (in Russian).

81. Karasik V. I. Komp'yuternaya igra "StarCraft": lingvokul'turnyye kharakteristiki [Computer game "StarCraft": linguistic and cultural characteristics]. In: T. N. Kolokol'tseva, O. V. Lutovinova, eds. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya: Kollektivnaya monografiya* [Internet communication as a new speech formation: Collective monograph]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, pp. 237–254 (in Russian).

82. Rybaltovich D. G. *Psikhologicheskiye osobennosti pol'zovateley onlayn-igr s razlichnoy stepen'yu igrovoy addiksii* [Psychological features of users of online games with varying degrees of game addiction]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). St. Petersburg, 2012. 20 p. (in Russian).

83. Oskol'skaya S. A. *Korpus pis'mennykh tekstov XIX veka: sfery upotrebleniya i zhanrovoye raznoobrazie* [The corpus of written texts of the XIX century: the scope

of use and variety of genres]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009, pp. 46–51 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41>

84. Dementyev V. V., Stepanova N. B. Corpus genistics: a problem of key phrases. *Speech Genres*, 2016, no. 1 (13), pp. 24–41 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41>

85. Akoyev M. A., Markusova V. A., Moskaleva O. V., Pisyakov V. V. *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii* [Guide to scientometrics: indicators of the development of science and technology]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2014. 250 p. (in Russian).

86. Anokhin A. A. Databases and search engines for scientific citation – an assessment of the productivity of a researcher's work. *Higher School*, 2015, no. 2, pp. 48–53 (in Russian).

87. Berezkina N., Sikorskaya O., Khrenova G. Using the databases "Web of Science" and "Scopus" to evaluate the results of scientific activities at the National Academy of Sciences of Belarus. *Information Resources of Russia*, 2011, no. 4, pp. 19–21 (in Russian).

88. Bolotov V. A., Kvelidze-Kuznetsova N. N., Laptev V. V., Morozova S. A. The Hirsch Index in the Russian Science Citation Index. *Educational Studies*, 2014, no. 1, pp. 241–262 (in Russian).

89. Sharabchiyev Yu. T. The Russian Science Citation Index eLibrary.ru as a tool for assessing the productivity and significance of scientists and research teams. *Medical News*, 2013, no. 2, pp. 24–28 (in Russian).

90. Frankel M. S., Cave J., eds. *Evaluating Science and Scientists. An East-West Dialogue on Research Evaluation in Post-Communist Europe*. Budapest, CEU Press, 1997. 226 p.

91. Frow J. The Public Humanities. *Modern Language Review*, 2005, vol. 100: Supplement: 100 Years of "MLR", pp. 269–280.

92. Head M. L., Holman L., Lanfear R., Kahn A. T., Jennions M. D. The Extent and Consequences of P-Hacking in Science. *PLoS Biology*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. e1002106. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.1002106>.

93. Herold E. Researchers Behaving Badly: Known Frauds Are «the Tip of the Iceberg». *Leapsmag*, 2018, Oct. 19. Available at: <https://leapsmag.com/researchers-behaving-badly-why-scientific-misconduct-may-be-on-the-rise/> (accessed 24 June 2019).

94. Hicks D., Wouters P., Waltman L., de Rijcke S., Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for Research Metrics. *Nature*, 2015, April, no. 520, pp. 429–431.

95. Meester W. *Access to Excellent Research: Scopus in Lithuania*. 2015. Available at: http://serials.lt/wp-content/uploads/2015/03/Meester_Access_to_Excellent_Research_Scopus_in_Lithuania_Vilnius_20150318.pdf (accessed 24 June 2019).

96. Müller J. Z. *The Tyranny of Metrics*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2018. 240 p.

97. Müller R. Racing for What? Anticipation and Acceleration in the Work and Career Practices of Academic Life Science Postdocs. *Forum: Qualitative Social Science Research*, 2014, vol. 15, no. 3. Available at: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/2245/> (accessed 24 June 2019).

98. Prikladnaya naukometriya [Applied Scientometry]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2019, no. 40, pp. 11–84 (in Russian).

99. Sirotinina O. B. Factors affecting the effectiveness of communication. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2019, no. 1, pp. 39–47 (in Russian).

100. Sternin I. A. Kak uvazhat' sebya zastavit'? Uchenyy-filolog razmyshlyayet o nabolevshem (How to

respect yourself to force? A scholar-philologist reflects on painful). *Poisk* (Search), 2017, no. 8. Available at: <http://www.poisknews.ru/theme/publications/22732/> (accessed 24 June 2019) (in Russian).

101. Alpatov V. M. Reformatskiy and Bakhtin on Speech Genres. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 21–24 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-21-24>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>

For citation

Dementyev V. V. What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics?. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>

Поступила в редакцию: 29.01.2020 / Принята: 28.03.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Received: 29 January 2020 / Accepted: 28 March 2020 / Published: 31 August 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК 82.0:316.772

ББК 83+60.524

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-195-204>

В. В. Прозоров
Саратов, Россия

Valery V. Prozorov
Saratov, Russia

О надёжности и состоятельности речежанровой коммуникации

On the Reliability and Consistency of Speech-Genre Communication

Статья посвящена таким универсальным антропологическим характеристикам речевых жанров, как надёжность и состоятельность коммуникативного события, его целенаправленный интерактивный потенциал. Осуществляется попытка экстраполировать разработанный ранее психолого-филологический подход к словесно-художественному тексту с точки зрения его внутренней читательской направленности (уровни внимания, соучастия, открытия) на нечеткое множество известных нам речевых жанров. При этом имеются в виду прежде всего такие речежанровые образования, сценарий которых прямо или косвенно, отчетливо или едва заметно строится *крецендо* – как некое восхождение от изначально спокойного, привычного, по видимости нейтрального – к сильному, звучному, эмоционально насыщенному, предельно напряженному и неожиданному исходу. При этом в самой композиции речевого жанра запечатлевается преднамеренная или невольная забота о сосредоточенном ситуативном внимании, о живо пульсирующем сопереживании – соучастии и, при выходе на проникновенно глубокий (в комических сценариях – внезапный) уровень общения, о почти что нечаянном и вместе отчетливом открытии, которое способно быть по достоинству оценено адресатом коммуникативного события. В совокупности своей все отмеченные аттестации являются несомненными свидетельствами надёжности и состоятельности речежанрового общения.

Ключевые слова: речевые жанры, надёжность – состоятельность коммуникации, интерактивные ресурсы текста, особенности читательского восприятия художественной литературы, внимание, соучастие, открытие, коммуникативный контакт, коммуникативный сценарий, коммуникативное событие.

The article deals with such universal anthropological characteristics of speech genres as the reliability and consistency of a communicative event, its targeted interactive potential. The author attempts to extrapolate the previously developed psychological-philological approach to the verbal-fictional text from the point of view of its internal reader orientation (levels of attention, involvement, discovery) to an indeterminate set of speech genres known to us. This refers primarily to such speech-genre formations, the script of which directly or indirectly, clearly or hardly noticeably builds a *crescendo* – as a kind of ascent from an initially calm, habitual, apparently neutral – to a strong, sonorous, emotionally saturated, extremely tense and unexpected outcome. At the same time, the composition of the speech genre captures intentional or involuntary concern for concentrated situational attention, for a vibrantly pulsating empathy – involvement and, upon reaching a penetratingly deep (in comic scenarios – sudden) level of communication, about an almost unexpected and at the same time distinct discovery, which is able to be appreciated by the addressee of the communicative event. Taken together, all the noted certifications are indisputable evidence of the reliability and consistency of speech-genre communication.

Keywords: speech genres, reliability – consistency of communication, interactive resources of the text, features of the reader's perception of fiction, attention, involvement, discovery, communicative contact, communicative scenario, communicative event.

Сведения об авторе: Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: prozorov@info.sgu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

About the author: Prozorov Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor, Scientific Adviser of the Institute of Philology and Journalism, Saratov State University.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: prozorov@info.sgu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

По мере постижения феномена речевых жанров (РЖ) становится ясно: их как звёзд на небе – бесчисленное множество, что делает невероятно сложными совершенно необходимые попытки их регистрации, систематизации, классификации, параметризации и т. д. Тем более трудно определимы общие, универсальные антропоцентрические признаки, характеризующие саму неуловимую материю-природу РЖ в её многообразно-реальном функционировании [см: 1: 6–21]. К подобным необходимым характеристикам, обнимающим собой весь диапазон РЖ, можно отнести надёжность речежанровой коммуникации или, почти что на правах объёмно-семантически уточняющего и дополняющего синонима, её состоятельность. «Толковый словарь русского языка» даёт такие определения интересующим нас ключевым понятиям: *надёжный* – 1. внушающий доверие, верный. 2. прочный, крепкий, хорошо сработанный; *состоятельный* – доказательный, обоснованный [2: 379, 751]. Указанные значения в своей сложной совокупности определяют предмет нашего внимания.

Под надёжностью и состоятельностью в рассматриваемом контексте мы уговариваемся понимать желанную для носителей (меняющихся ролями инициаторов и адресатов) речи интерактивную устремленность, действенность, результативность, успешность, точность речежанровой коммуникации во всей целостной вербальной и невербальной разнородности её живых ситуативных проявлений. Надёжность и состоятельность коммуникации – убеждающая её участников целенаправленная добротная полнота и эффективность конкретной речежанровой осуществлённости, ощущение достигнутой коммуникативной цели [3: 88–98]; об эффективности коммуникации см.: [4: 6–30].

В архивных записях к работе «Проблема речевых жанров» М. М. Бахтин размышляет о трёх «определяющих моментах высказывания»: предметно-смысловом («предмет сообщения, то, что сообщается»), экспрессивном («оценивающее отношение говорящего к предмету сообщения») и отношении высказывания к собеседнику-слушателю-читателю и его слову («уже сказанному или предвосхищенному»), к чужой мысли в процессе общения. М. М. Бахтин задаётся вопросом: находит ли «третий момент», т. е. осознанная или преднамеренная направленность высказывания на реального или вероятного адресата, «материальное, определяющее отражение в высказывании?» [5: 238].

Вопрос во все времена в высшей степени интересный и актуальный для филолога – лингвиста и литературоведа. Существуют ли

в самом коммуникативном тексте некие осязаемые, реальные, зримые, способные быть обозначенными и описанными характерные приметы обращённости высказывания к адресату? Можно ли утверждать, что более или менее внятные следы присутствия адресата оказываются запечатленными в направленном на него (к нему) высказывании? Верно ли, что здесь мы встречаемся с чем-то действительным, способным быть воспринятым, выделенным и отмеченным, а не, всего-навсего, искомым, желанным, выдуманным, но практически не наблюдаемым и не реализуемым в самих процессах коммуникаций?

Ответ на эти и подобные вопросы мы даём, поначалу имея в виду вторичные РЖ – прежде всего, искусство слова, словесно-художественные произведения любого из трех литературных родов – эпоса, лирики, драмы, а затем осторожно переносим наши наблюдения на другие РЖ [6]. И вместе с тем мы исходим из справедливого заключения М. М. Бахтина о том, что «в слове говорящего всегда есть момент обращения к слушателю, установка на его ответ» [5: 209].

К подобным намерениям и колебаниям мысли подвигло меня счастливое профессионально-творческое общение с Н. И. Формановской. Познакомившись в 2010 году с моей работой «Интерактивные ресурсы художественного текста» [7: 9–43], Наталья Ивановна похвально отозвалась о ней в телефонной беседе, а затем и в своей последней, увы, книге «Коммуникативный контакт» [8: 27–29]. В обстоятельных наших разговорах (при памятной встрече в Институте русского языка им. А. С. Пушкина в 2012 году и в последующих продолжительных общениях по телефону) она настоятельно побуждала меня экстраполировать выводы этой работы, посвященной прежде всего словесно-художественному искусству, на всё необозримое нечёткое многообразие речежанровой коммуникации. Настоящей статьёй я пробую приступить к осуществлению её наказа.

* * * * *

В упомянутой работе «Интерактивные ресурсы художественного текста» мне приходилось уже отмечать, что настоящее искусство покоряет очевидностью явленного, почти реальной осязаемостью представленного, неопровержимостью переживаемого. Искусство – поистине сфера недоказуемого, но в высшей степени убедительно предъявляемого. Смысл поэтического текста с позиций автора – в целостном предъявлении нам иллюзорной, искусственной, «другой» (а для поэта более чем действительной) реальности; для нас –

читателей, слушателей, зрителей – в полноценном и вольном переключении в неё. Текст искусства («душа в заветной лире») обладает удивительным универсальным свойством – заражать «пользователя» чувствами и мыслями, которые запечатлел и запечатал в тексте его создатель-автор.

Поразителен сам эффект передачи авторской воли – на расстоянии и во времени. Я открываю книгу (всё равно, на бумажных носителях или в электронном воплощении: в последнем случае экран живой, подвижный, он дышит и светится) и, если я владею языком, на котором книга написана, я пробую проникнуть во внутренние, исподволь открывающиеся мне смыслы произведения. По сути равноправны два зеркально явленных суждения: «*Я воспринимаю текст*» («Я читаю книгу, слушаю музыкальное произведение, разглядываю картину») и «*Текст воспринимает меня*» (соответственно: «Книга, музыкальное произведение, картина вчитываются, вслушиваются, вглядываются в меня»). В той же мере, в какой я выбираю текст, пробую его обживать – осваивать, сам текст не безразличен ко мне. Он приоткрывается мне или, напротив, «свёртывается», «уходит в себя», «обнаружив» мою неприготовленность (или нерасположенность) к его пониманию. Как замечал А. Ф. Лосев, «стало обычаем трактовать художественное произведение и его стиль как нечто живое, одушевленное, жизнеспособное, жизнеутверждающее. Было бы очень плохо, если бы кто-нибудь стал оспаривать такой жизненный подход к области искусства» [9: 195].

Продолжая избранную линию размышлений, скажем так: если мне, читателю, не нравится признанный миром литературный классик, то, стало быть, в первую очередь это я ему, создателю совершенного текста, не пришелся по вкусу, показался скучным, вялым, рассеянным, неинтересным собеседником. Это он со мной не вступил в надёжный контакт и не впустил в свой художественный мир. Или, пристрастно вглядевшись, выставил за порог поэтического дома – книги, спектакля, фильма. Захвачены мы чтением Льва Толстого или Фёдора Достоевского, Андрея Платонова или Михаила Булгакова, Михаила Шолохова или Александра Солженицына – совпали до какой-то степени наши с ними нравственно-поэтические ориентиры. Зеваю за книгой – сама она меня отторгает. Мила дешёвая подделка – её автор нашёл во мне родственную душу и готов заключить меня в свои крепкие объятия. Чтобы подобные проявления обратной связи не показались лишь вольным метафорическим допущением, обратимся к конкретике самой обратной связи «текст – читатель».

Реальность текста – реальность смиренного **ожидания** текстом своего «потребителя». Вспоминается крохотная, добродушно-лукавая рецензия Гоголя на повесть «Убийственная встреча» неустановленного автора (А. Я.): «Эта книжечка вышла, стало быть где-нибудь сидит же на белом свете и читатель её» [10: 203].

Мы рассуждаем о тексте с точки зрения заключённых в нём надёжных готовностей к диалогу с предполагаемым собеседником. Первую ступень постижения художественного текста обозначим как **внимание**. Внимание обусловлено органичным (часто подсознательным) стремлением автора эффективнее (а бывает, и эффектнее), внезапнее, прочнее вписать текст в естественное течение жизни вероятного читателя. Аккумулируя прежний эстетический опыт, читатель постепенно вырабатывает установку на восприятие определенного набора характеристик (приёмов организации) внимания, заключённых в тексте. Внутренние возможности и «правила» данного текста сложно (подчас драматически сложно) соотносятся с эстетическими притязаниями читателя. Сфера внимания в тексте возбуждает, как говорят психологи, временный или ситуационный интерес, возникающий в процессе восприятия и угасающий с его окончанием.

Факторы, способствующие сосредоточению читательского внимания в самой структуре текста, разнообразны. Это, разумеется, весь заголовочный комплекс; предисловия, прологи, вступления, предупреждения; первые строфы и строки; начальные абзацы повествовательного текста; система слов и словосочетаний – сигналов к повышенной читательской зоркости («вдруг», «однажды», «внезапно», «но тут как раз», «однако», «и вот» и мн. др.). Дело сейчас не в перечислении всех без исключения примет непринуждённой авторской установки на внимание адресата, а в принципиальном согласии с тем, что в самом тексте заключены свои невольные или вольные способы (приёмы) организации читательского внимания, свои правила «включения в игру» с читателем, зрителем, слушателем.

Автор может сосредоточить читательское внимание на фабуле, намеренно заманивая вглубь повествования. В основе фабулы многих гоголевских текстов различима давно уже замеченная и описанная занимательная анекдотическая версия. Тонкие детективные сети раскинуты в романах Достоевского. Автор способен в самый напряжённый момент оборвать внешне фабульное течение. Так поступает Пушкин в финале своего «романа в стихах». Демонстративный отказ от изобретательной фабулы (минус-приём) или неожиданный обрыв повествования – это тоже очевидная

ориентация на читательское внимание. Пушкинская проза неразлучна с острой интригой, с внезапностями (многочисленными «вдруг»), подстерегающими героев. Уровень внимания в лирике обнаруживает себя в предощущениях, связанных с испытанными готовностями метра. Об этом убедительно писал М. Л. Гаспаров: «Когда мы приступаем к стихотворению, то, воспринимая метр, угадываем сразу некоторый набор обычных в нём тематических ожиданий, а воспринимая лексику, устанавливаем, какой вариант из этого набора избран автором» [11: 283].

Овладевая вниманием предполагаемого адресата, текст исподволь возбуждает активное читательское **соучастие**, вызывает разного рода прямые и косвенные сближения, сопоставления, ассоциации, параллели с собственным жизненным и житейским опытом воспринимающего. Сфера соучастия создаёт у адресата длительное заинтересованное отношение к текстовому сюжету, к основным и побочным его мотивам, деталям, к распознаванию в тексте «своего», «близкого», «трогающего за душу», «так похожего на правду». Имеются в виду содержащиеся в самом тексте предельно сжатые и распространенные сравнения и аналогии, лирические, философские признания и прозрения, прямые и косвенные апелляции автора к жизненным впечатлениям, к общекультурной памяти адресата и мн. др. В широком смысле сфера соучастия проявляется на всём поле сюжета со всем богатством его переплетающихся и образующих сюжетное целое мотивов. Если поэтический ряд внимания предполагает погружение читателя в правила игры, не поняв и не приняв которые не войдёшь в текст, то уровень соучастия знакомит с авторским отношением к изображаемому.

Эффект соучастия предполагают взволнованные авторские раздумья в поэме «Мёртвые души». В «Евгении Онегине» подобную функцию выполняют так называемые лирические отступления-признания (хотя, говоря точнее, лирический пафос озаряет каждую строфу пушкинского романа). То, что мы условно называем соучастием – не что иное, как многофункциональная система внутритекстовых характеристик, принадлежащая авторской воле (расчету, замыслу, интенции). Но в то же время именно уровень соучастия даёт воспринимающему беспрепятственный и неоглядный простор для благодарных и своевольных субъективных переживаний, осмыслений, интерпретаций текста, для его (и послушных, и дерзких) пересозданий и переводов на другие языки и на языки других искусств (иллюстрации, инсценировки, экранизации и т. п.).

Если перед нами действительно большой художник, он нехоженными путями поведёт своего читателя к неизведанным глубинам миропонимания. **Открытие** – высший поэтический уровень восприятия. Приобщение к авторскому пафосу выводит читателя из привычного, будничного состояния, пробуждает чувство и волю, возвышает над суетой быстротекущей жизни, не внушая при этом брезгливо-самодовольного безразличия к «суете сует», но повелевая пристрасно и честно в неё вглядеться и вдуматься. Уровень открытия, как он обнаруживает себя в структуре текста, связан с самыми заветными, «невыразимыми» смысловыми глубинами авторского мироотношения. Сфера открытия приобщает адресата к тайнам бытия, угаданным, выстраданным автором и как бы самостоятельно переживаемым в процессе читательского восприятия.

Вот как, к примеру, все три характеристики совершенного текста наглядно обнаруживают себя в одном из самых коротких в мировой словесной практике рассказов «Стук в дверь» (пер. М. Ю. Тарасьева), принадлежащих перу американского писателя-фантаста Фредерика Брауна: «Последний человек на земле сидел в своей комнате в полном одиночестве. В дверь постучались...» Вот и весь текст. Название настраивает на восприятие некоего сюжета, исполненного внезапности, боязливой нежданности. Наше внимание завораживает начальная фраза: последний-распоследний? единственный? и больше никого вокруг? нигде? никогда? во веки веков? Вызывает заинтересованное соучастие само состояние героя (замкнутое безмолвное пространство, полная покинутость, потерянности, сиротство, пустота). И внезапный финал – открытие чего-то, исполненного тайны, непонятного, неведомого нам, читателям...

Ограничусь ещё одним конкретно-текстовым примером выявления-реконструкции обозначенной триады внимания – соучастия – открытия. Случайный выбор падает на короткое стихотворение для детей (разного возраста) Николая Рубцова «Коза». Напомню его: «Побежала коза в огород // Ей навстречу попался народ // Как не стыдно тебе, егоза! // И коза опустила глаза. // А когда разошёлся народ, // Побежала опять в огород». Всё пространство заглавия отдано главной героине, хорошо знакомой нам по другим, прежде всего, сказочным текстам. Там коза – заботливая мать-кормилица, трудолюбивая, находчивая, смелая. Здесь сама прыть, резвость, живость. Стихотворение Рубцова покоряет стремительно и последовательно чётким трёхстопным анапестом. Первый стих захватывает своим порывом, стихией быстрого, безоглядного движения – порыва. Исходное намерение Ко-

зы не объяснено: за крайне необходимым прокормом побежала, а может, и за лакомством каким. Короче, за своим интересом. Внимание маленького читателя или слушателя сразу же захвачено этим молниеносно разворачивающимся бегом. И вдруг – стоп! Второй стих – в резком контрасте с первым: на пути – досадная помеха, преграда, бег прерван. И не какая-то там одинокая фигура объявляется – их несколько – народ! Третьим стихом положение Козы ещё более усугубляется и сочувствие к ней возрастает (мы почти всегда, в любом возрасте, на стороне осуждаемых и гонимых): намерение Козы встречает всеобщее, единодушное порицание, народ принимается её с досадой увещевать, распекать, честить! Кому это может понравиться! Силы неравные, ничего не поделаешь, пусть говорят, придется, наверняка, всё вытерпеть! И четвертым стихом эта переживаемая читателем-слушателем безнадежная ситуация подтверждается: рубцовская Коза внешне – сама покорность, смирение, краткое безмолвие! Что ей ещё остаётся! Главное – выдержка. И пятый стих сообщает этой повествовательно-драматической истории новое дыхание – счастливую возможность нового поворота: «А когда разошёлся народ...». И шестой стих – победительный, исполненный облегчения и озорства, с благополучно-поучительным, бодрым, ликующим финалом-открытием: претерпела и несмотря ни на что своё всё-таки взяла!

Движение от внимания к соучастию, а затем к открытию – движение читателя от внешнего к внутреннему в тексте, движение *вглубь текста*. Каждая из трёх интерактивных составляющих читательского восприятия, прописанных в художественном тексте, связана обычно с *протяженностью* произведения. Внимание особенно активно проявляется на начальных стадиях текста. Соучастие явно или тайно обнаруживает себя на всём повествовательном пространстве. Пафос открытия не может исчерпать себя до самого конца, к финалу по воле автора заметно усиливаясь: в финалах заключается авторское «последнее слово», способное предсказать читательское открытие произведения. И ещё: в совершенном тексте все три уровня предстают в неделимой целостности и существуют по законам формосодержательного единства-сплава, предполагающего многозначное и многоступенчатое восприятие.

Подытоживая приведенные выше рассуждения, обстоятельно изложенные в моей статье «Интерактивные ресурсы художественного текста», Н. И. Формановская уверенно заявляла: «вне фактора контакта с адресатом нет текста» и последовательно развивала пред-

ложенную мной психолого-филологическую триаду (внимание – соучастие – открытие) применительно к научным, научно-популярным, публицистическим, рекламным и другим РЖ [11: 27–36]. «Адресат, – писала она, – является невольным соавтором для автора дискурса / текста при стремлении к адекватному восприятию максимума информации. Несоответствие же текста адресату приводит к непониманию и отторжению»; «Контакт автора с адресатом проходит как по линии специфики дискурса / текста с точки зрения функционально-стилевой, жанровой и языковой организации, так и по линии интереса и других психических свойств воспринимающего» [11: 27]. Запомнилось, как в беседах со мной по поводу интерактивных возможностей поэтических текстов и РЖ в целом Н. И. Формановская часто прибегала к таким понятиям, как «коммуникативный комфорт или его полное / частичное отсутствие», «коммуникативная результативность», «всегда желанная, но далеко не часто достигаемая коммуникативная надёжность и состоятельность». «Степенью надёжности, – примерно так говорила она, – определяется доверительная прочность процесса коммуникации; состоятельность означает безусловный коммуникативный успех; в совокупности надёжность и состоятельность характеризуют коммуникативный акт как целое». В подобном ключе мы и используем эти понятия, вынесенные в заголовки статьи.

Открытым, однако, остается вопрос о степени корректности распространения определенных сигналов последовательного интерактивного возбуждения, присутствующих в словесно-художественных текстах, на всё многообразие РЖ. Здесь есть и свои достаточно веские резоны, и свои вероятные ограничители.

* * * * *

Размышляя о природе РЖ, М. М. Бахтин утвердил в нас с новой силой зазвучавшее представление о кровных, родственных соприкосновениях и связях искусства и жизни, искусственной и бытийной, «вторичной» и «первичной» реальности в их одновременной пронзительной нераздельности и принципиальной дистанцированности. Универсальное понятие РЖ покрывает собой, вбирает в себя всё многообразие жанров поэтических. И как представлялось Н. И. Формановской, справедливые, хотя и широкоохватные аттестации, характеризующие интерактивную энергию мира искусства (представления о внутритекстовых уровнях внимания, соучастия и открытия), могут быть осторожно перенесены и на необозримый массив РЖ с целью обнаружения

и обсуждения критериев надёжности и состоятельности диалогических процедур и «единой плоскости их изучения» [5: 160].

Говоря о некоторых принципах подобия, мы имеем в виду, что жанры в искусстве и РЖ при всей многовариативности их исполнения и при всей зыбкости и текучести внутренних границ относительно строго структурированы, протяжённые, включают в свой состав, как правило,

момент (акт) зачина, введения, вступления, побуждающий в свою очередь адресата к ответному, более или менее адекватному **вниманию**, зону интенсивного и разнопланового содержательного наполнения (**соучастия**), инициированную адресантом и по возможности поддерживаемую адресатом, и фазу необходимого завершения (а если завершение бесспорно удаётся, то и некоего откровения – **открытия**, в нем заключенного-затаённого).

Мы отдаем себе отчет в том, что касаемся чрезвычайно тонкого и ломкого плана выражения, запечатленного в самой пластичной и хрупкой фактуре РЖ. О содержательном объёме гибких и вместе прозрачных категорий «выражения» и «выразительного» А. Ф. Лосев размышлял так: «Выражение всегда является слиянием каких-нибудь двух планов, и прежде всего внутреннего и внешнего. Если мы, рассматривая что-нибудь внутреннее, начинаем это внутреннее видеть внешне, т. е. своими обыкновенными физическими глазами, то это значит, что изучаемое нами внутреннее получило для себя своё выражение. И если мы, рассматривая что-нибудь внешнее своими физическими глазами, изучаем при этом то, что для данного предмета является его внутренним содержанием, это значит, что наше внешнее стало выражением внутреннего, стало выразительным» [9: 184]. Соотношение внешнего и внутреннего, обозначенное здесь А. Ф. Лосевым, пронизывает собой интересующие нас антропологические категории «внимания», «соучастия» и «открытия» применительно к большому разнообразию РЖ.

При этом нас одновременно интересуют универсальные конститутивные особенности РЖ:

- с точки зрения предполагаемого инициатором высказывания влияния, воздействия, направленности данного высказывания на собеседника, на аудиторию,
- и с точки зрения спровоцированной текстом «интенсивности интерпретативной деятельности адресата речи» [12: 192]. Интенсивность, как правило, ведет к выразительной надёжности (состоятельности) речежанрового осуществления.

Как отмечал М. М. Бахтин, «высказывание с самого начала строится с учетом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается. Роль других, для которых строится высказывание, как мы уже знаем, исключительно велика. <...> эти другие, для которых моя мысль впервые становится действительной мыслью (и лишь тем самым и для меня самого), не пассивные слушатели, а активные участники речевого общения. Говорящий с самого начала ждет от них ответа, активного ответного понимания. Все высказывание строится как бы навстречу этому ответу» [5: 200]. Ключевое понятие – «как бы навстречу». Во взаимодействии адресанта и адресата возникает-закипает напряженное поле особого, надежного благоприятствования намерениям первично-инициативной стороны и ответным реакциям стороны другой, активно воспринимающей и настроенной на понимание высказывания. Сам РЖ может считаться надёжно состоявшимся, если происходит движение *как бы навстречу* друг другу, т. е. случается искомый коммуникационный контакт, напрямую связанный, прежде всего, с высоким уровнем жанровой компетенции участников общения.

Яркий пример надёжной коммуникативной состоятельности находим в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» («Княжна Мери»). Автор от лица Печорина так передает случившийся при самом первом его знакомстве с доктором Вернером глубокомысленный и вполне себе завершённый диалог двух сразу же друг друга отличивших в толпе героев: «я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление; толковали об убеждениях: каждый был убежден в разных разностях.

– Что до меня касается, то я убежден только в одном... – сказал доктор.

– В чем это? – спросил я, желая узнать мнение человека, который до сих пор молчал.

– В том, – отвечал он, – что рано или поздно в одно прекрасное утро я умру.

– Я богаче вас, сказал я, – у меня, кроме этого, есть еще убеждение – именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастье родиться.

Все нашли, что мы говорим вздор, а, право, из них никто ничего умнее этого не сказал. С этой минуты мы отличили в толпе друг друга».

Короткое и многозначительное словесное соприкосновение: в нем и предельное взаимное внимание, и сразу же обнаружившееся соучастие – сочувствие друг к другу и ревнивое желание друг другу соответствовать. Всё

это подводит к неожиданному открытию: обоим участникам диалога внушается приятное ощущение близости. Счастливая, надёжная состоятельность диалога позволяет Печорину найти себе по-настоящему близкого приятеля в этом «многочисленном и шумном круге молодежи».

В русле триады «внимание – соучастие – открытие» мы готовы рассматривать не только словесно-художественные жанры (и многочисленные примеры, в них содержащиеся), устно (фольклор) и письменно (художественная литература) выраженные. К этому ряду стоит отнести и методически целесообразно организованную и ориентированную на слушателей лекцию, и умело написанный публицистический очерк, и безукоризненно выстроенный, четко аргументированный научный доклад, и занимательную статью (видеосюжет) по итогам головокружительного журналистского расследования, и остросюжетные видеоролики в повсеместно размножившихся в наше время рубриках «мобильный репортер», и толково, захватывающе составленный пост – реакцию на последние, всех занимающие в интернет-сети известия, и мн. др. Триада проявляет себя в композиции РЖ, в «организации целого, своеобразном метатексте, сети (метатекстовых) перформативов, которая и способствует связи высказывания с действительностью» [12: 36].

По-видимому, распространение тернарной модели направленности/восприятия художественного текста на большой массив РЖ имеет и свои очевидные ограничители, связанные в том числе и со шкалой композиционной «жесткости vs свободы». Во всяком случае, «интенсивность интерпретативной деятельности адресата речи» обратно пропорциональна степени жесткости речи [12: 192]. Рече-жанровое высказывание в своём реальном контекстовом воплощении всегда существует как некая пространственно-временная протяжённость. Чем протяжённее «свободное» высказывание, тем нагляднее можно обнаружить в нем следы отмеченных интерактивных фаз: «Жанры сложного культурного общения в большинстве случаев рассчитаны именно на <...> активно ответное понимание замедленного действия» [5: 169]. В любом случае чрезвычайно важны ситуация (контекст) общения, степень близости, понятливости, компетенции общающихся, градус взаимной их заинтересованности в данном общении. Абсолютно прав В. В. Дементьев: «Любое высказывание погружено в конкретную ситуацию и зависит от неё. Понять, что имеется в виду, если неизвестна ситуация, невозможно» [12: 196].

Триада может объявляться в РЖ фабульных, «многоходовых», последовательно разворачивающихся в любом по продолжительности отрезке времени. Речь о коммуникативной тональности РЖ (В. И. Карасик). Главное – не монотонная, размеренно гладкая продолжительность жанрового разворота, как это имеет место в словарях и энциклопедиях, приказах, постановлениях, циркулярах, инструкциях, кулинарных рецептах, во многих юридических, политических, медицинских, справочно-информационных, библиографических и других специальных текстах.

С учетом ситуации общения, действительности и событийности высказывания можно обнаружить все элементы отмеченной триады даже в самом словесно-наикратчайшем высказывании. Например, в зависимости от ситуации – в восклицании «О!». Восклицательный способен невербально, ещё до произнесения слова-звука обратить жестом или мимикой **внимание** собеседника, скажем, на кого-то, кто вдруг, неожиданно попал в поле его зрения, но еще, в какую-то долю секунды не замечен собеседником в процессе коммуникации: «Вот это сюрприз!» или «Ты только погляди, кто к нам пожаловал!». Сам невербальный жест или едва уловимый, но понятный собеседнику мимический акцент содержит в себе и элемент экспрессивно окрашенного отношения-**соучастия** к объявившемуся и внезапно пополнившему круг общения субъекту («Досадно, нам только его не доставало!» или в зависимости от общего контекста: «Как кстати он сюда пожаловал!»). Экспрессивная же окраска восклицания призвана донести до собеседника некое **открытие** – (радостную, давно ожидаемую, или, напротив, досадливую, сильно огорчительную и т. п.) отчётливую перемену в их более или менее устоявшемся, ровном диалоге – появление третьего!

Или в простом, на первый взгляд, обыденном, *обращенном к самому себе* и тревожно произнесенном про себя вопросе «Который час?». Вопрос-толчок может быть порожден самыми разными ситуациями вдруг встревожившегося человека, всё **внимание** которого (невербальное: «Совсем закрутился-замотался!») переключается на необходимость определения точного времени из-за необходимости куда-то и зачем-то поспешать к заранее установленному сроку. В этом внутренне тревожном состоянии тут же подключается энергия **соучастия**: мысленно и эмоционально насыщено мелькают наложенные друг на друга кадры (непроизвольный монтаж) предполагающегося дела, ответственной встречи, приятного свидания и т. п. И мгновенно рождается потребность в **открытии**-установлении для себя неумолимой правды: в поиске лю-

бого ближайшего циферблата: есть ли ещё время? не сильно ли опоздал? поправима ли ситуация? (варианты: «Нет, времени еще достаточно!» / «Кажется, еще успеваю!» / «Эх! Опоздал безнадёжно!»).

В любом, к кому-то обращенном (пусть даже к самому себе) речежанровом тексте содержится сознательно, а ещё чаще неосознанно, вербально оформленная или невербально заявленная-дополненная (жестом, мимикой, взглядом, как угодно) – всё равно! – забота о непременно и по возможности скором прекращении **внимания адресата** на данное высказывание.

В любом, к кому-то обращенном (пусть даже к самому себе) речежанровом высказывании по мере его развёртывания и развития внятно, шаг за шагом проявляется потребность в пробуждении **соучастия адресата**. Это может быть и предвкушение сочувственного отклика, и ожидание, напротив, возражения, отторжения, спора, раздражения, отпора и т. д.

Надёжно инициированное адресантом речежанровое высказывание по достижении своей более или менее внятно осознанной обеими сторонами коммуникативной цели содержит некое потенциальное, до поры – до времени не проявленное **открытие**: озарение – откровение – обретение – обнаружение – разоблачение – обвинение и т. д.

Но ещё раз отметим, что указанная триада в полной мере способна проявиться лишь в успешно случившемся, обнаружившем свою результативную надёжность и состоятельность жанровом воплощении, что, кстати сказать, является одним из важнейших признаков «хорошей речи» (О. Б. Сиротина). Внимание (авансовое ожидание) может сопутствовать коммуникации почти что постоянно. Соучастие вызывают те внутренние составляющие РЖ, которые явно способствуют целесообразно упорядоченному сюжетному продвижению. Общение бывает ярким и тусклым, импульсивным и рационально выверенным, обнадёживающим и безнадёжным (с точки зрения искомой надёжной состоятельности). По сути дела истинными открытиями отмечены немногие, по-настоящему яркие, часто импульсивные, импровизационные, самобытные, личностно окрашенные и притом надёжно следующие законам (неписаным правилам) коммуникации речежанровые проявления, на пределе возможного осуществляющие свой, показанный им внутренний потенциал.

В каждом языке есть немало (по большей части эмоционально окрашенных) слов-понятий, обозначающих носителей человеческих способностей, отмеченных высокоразвитыми компетенциями в сфере РЖ. Причем чаще

всего эти понятия несут в себе не одну только положительную коннотацию, но всякий раз дают внятное представление о личностных коммуникативных склонностях и предпочтениях характеризуемого. Примеры из русской речи: говорун, спорщик, скандалист, анекдотист, юморист, насмешник, пересмешник, весельчак, шутник, балагур, душа компании, заводила, брызга, доносчик, демагог, разговорщик, переговорщик, уговорщик, балаболка, баламут, краснбай, льстец, утешитель, тролль и др. У людей этих и подобных аттестаций (совсем не обязательно, разумеется, носителей «хорошей речи») сохраняется наибольшая вероятность достижения заветных «открытий» в процессе реализации близких им РЖ. Хотя не меньше шансов в полноценном речежанровом триумфе может быть и у тех, кто бесспорно отмечен «хорошей речью» и способен ненавязчиво, умно, тонко, тактично и проникновенно входить в речевую коммуникацию.

Далеко не всегда три отмеченные характеристики (внимание – соучастие – открытие) получают благоприятное для всех участников коммуникации разрешение. Яркий классический пример простодушно-иронического «облапошивания» в процессе односторонне «удачного» коммуникативного общения продемонстрирован И. А. Крыловым в басне «Ворона и Лисица». Тут есть и сконцентрированное внимание одной стороны общения на то, что внезапно привлекло её в другой участнице коммуникации: «Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил». Есть и широчайший верев безмерно пёстрой комплиментарной лести, вскружившей голову Вороне (уровень игрового озорного соучастия, которое всецело захватывает читателей-слушателей басни). И есть плачевный для Вороны, и более чем желанный для «инициаторши общения» лукавый поучительно-басенный финал-открытие: «Сыр выпал – с ним была плутовка такова!»

Можно предположить, что в любом отчаянно остром диалоге-споре одна из сторон, а то и обе оказываются в проигрыше вопреки даже внешне явленным, очевидным признакам. Вспомним напряженный обмен репликами – речевую дуэль Чацкого и Молчалина в третьем явлении третьего действия комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Их откровенный разговор наедине, начавшийся по инициативе задиристого и колкого Чацкого, всё внимание сконцентрировавшего на своем вероятном и, как ему представляется, ничтожно жалком сопернике, постепенно разворачивается таким образом, что, вызывая, по воле автора, сочувствие к Чацкому, оставляет его, однако, в полнейшем заблуждении относительно сердечных предпочтений

Софьи Фамусовой. Чацкий обманут в своих пристрастных наблюдениях и скоропалительных выводах: «С такими чувствами, с такой душой // Любим! Обманщица смеялась надо мною!»

Надёжных и состоятельных речевых актов и РЖ, в которых достижима триада, много. Это, к примеру, молитва, убеждение, внушение, поучение, совет, порицание, негодование, разоблачение, беседа как взаимный поиск согласия, блог в электронной коммуникации, выражение восхищения, послание официального лица своим поданным, инаугурационная речь, клятва, очередь за дефицитом, поздравление, разговор по душам, слухи, теледебаты, ток-шоу, тост, экзамен, юбилейная речь и мн. др. Мы говорим при этом об успешно осуществляемых РЖ, сценарии которых прямо или косвенно, отчетливо или едва заметно строятся *крецендо* – как некое восхождение, как подъём от изначально тихого, слабого, малого, спокойного, привычного, едва заметного, по видимости даже нейтрального тона – к сильному, звучному, сохранённому про запас, эмоционально насыщенному, предельно напряжённому исходу-звучанию.

Частый наглядный пример надёжного осуществления триады – бегущая строка как РЖ. К примеру: «Грипп ожидается в Россию в этом году раньше срока, но есть ещё у каждого шанс привиться». Первые 2-3 слова способны сразу же овладеть вниманием потенциальных зрителей-читателей. Затем происходит немедленное подключение живого интереса-соучастия к сообщаемому. И, наконец, завершение короткого, быстро исчезающего из виду текста достраивает самое главное в предлагаемой, грамотно (в том числе и с точки зрения психологии восприятия) составленной информации.

По законам постепенного разогрева – восхождения развиваются и умелые интервью, по мере диалогического общения выходящие на всё более актуальные, острые, заветные для обоих участников темы... Вспоминаются и пресловутые тривиальные ток-шоу, типовые сценарии которых строятся по всем внешним канонам драматургии: начало – провокативный вброс, быстро овладевающий вниманием реальной (в студии) и потенциальной аудитории, затем – скандальные и шумные, разногласные, рассчитанные на соучастие вероятных адресатов продолжения дискуссий и, как правило, редкие итоговые открытия-откровения. Их «успешно» заменяет-имитирует «кстати» рассказанный ведущим заурядный анекдотец или банальное обещание скорого, ещё более резвого продолжения напряжённого спора на самые по видимости острые, захватывающие публику темы.

Надёжность и состоятельность речевжанровой коммуникации зависит от способностей её участников: от реальных возможностей её инициатора, от требовательных и чутких запросов внемлющей (ответной) стороны. Успешность / провал реализации триады, заключённой в самом тексте РЖ, особенно заметны на примере анекдота. Есть великолепные мастера его воспроизведения. Их искусство неизменно увенчивается смехом слушателей. Есть и своего рода неудачники в этом деле, упорно однако и настойчиво пробующие себя в нём. Начало исполнения короткого, как правило, анекдотического текста встречается повышенным вниманием слушателей, продолжение (динамичное развитие сюжета) сопровождается всё возрастающим сочувственным интересом. Но что касается вождёленного финала, то либо взрыв смеха случается при удачном исполнении, либо – конфузное смущение слушателей при отсутствии у исполнителя надёжных компетенций, необходимых для успешного представления анекдота. В любом случае мы свидетели того, как реальные особенности речевжанрового текста в большей или меньшей степени осуществляются и сопровождаются соответствующей реакцией адресатов при его (текста) естественном устном оживлении. Примерно то же отношение в разных ситуациях вызывают и попытки вполне серьёзного исполнения песен, романсов, арий при относительно полном отсутствии музыкального слуха.

Интересующая нас триада особенно органично может осуществляться в малых формах комических по своей эмоционально-экспрессивной окраске РЖ. Один только пример из социальной сети [см.: 13: 230]: «Мало кто знает, что для украшения квартиры на новый год достаточно бросить петарду в винегрет». Начало фразы, обращающее на себя внимание, – в духе распространенного жанра полезных советов, забавных секретов, необходимой информации. Невозмутимое продолжение услужливо подсказывает-уточняет время и место настоятельно рекомендуемого действия. Взрывной и броский финал-открытие представляет собой озорное, парадоксальное сочетание несочетаемого, своего рода забавный оксюморон.

Преднамеренная или невольная забота о сосредоточенном ситуативном внимании, о живо пульсирующем сопереживании – соучастии и, при выходе на проникновенно глубокий уровень общения, о почти что нечаянном и вместе отчетливом открытии, которые способны быть по достоинству восприняты и оценены адресатом коммуникативного события, являются, на наш взгляд, несомненными свидетельствами надёжности и состоятельности речевжанрового общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
3. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
4. Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приёмы её достижения / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов: ИЦ «Наука», 2019. 435 с.
5. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – 1950-х годов. М.: Русские словари, 1996. 751 с.
6. Проzorov В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // *Жанры речи*. 2017. № 2(16). С. 142–150. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>
7. Проzorov В. В. Интерактивные ресурсы художественного текста // Проzorov В. В. До востребования... Избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. 208 с.
8. Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. М.: ИКАР, 2012. 200 с.
9. Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля. Киев: «Collegium», «Киевская Академия Евробизнеса», 1994. 288 с.
10. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 434 с.
11. Гаспаров М. Л. Семантический ореол метра // *Лингвистика и поэтика* [сборник статей]. М.: Изд-во АН СССР, 1979. 308 с.
12. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 412 с.
13. Карасик В. И. Комические аттрактивы как устный жанр интернет-коммуникации // *Жанры речи*. 2019. № 3 (23). С. 227–233. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-227-233>
- 2019, no. 1(21), pp. 6–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. 4-ye izd., dop. [Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed.]. Moscow, OOO "A TEMPI" Publ., 2006. 944 p. (in Russian).
3. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98.
4. *Effektivnost' kommunikatsii: ponyatiye, rol' adresanta i adresata, osnovnyye priyomy yeyo dostizheniya*. Pod red. O. B. Sirotininoi, M. A. Kormilitsinoi [Sirotinina O. B., M. A. Kormilitsina, eds. The effectiveness of communication: the concept, the role of the addressant and addressee, the main methods of its achievement]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2019. 435 p. (in Russian).
5. Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 5. Raboty 1940–1960 godov* [Collected works: in 7 vols. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).
6. Prozorov V. V. Typology of Speech Genres in Terms of Fiction-Writing Modes Theory. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>
7. Prozorov V. V. Interaktivnyye resursy khudozhestvennogo teksta [Interactive resources of the literary text]. In: Prozorov V. V. *Do vostrebvaniya... Izbrannyye stat'i o literature i zhurnalistike* [Demand ... Selected articles on literature and journalism]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2010. 208 p. (in Russian).
8. Formanovskaya N. I. *Kommunikativnyy kontakt* [Communicative contact]. Moscow, IKAR Publ., 2012. 200 p. (in Russian).
9. Losev A. F. *Problema khudozhestvennogo stilya* [The problem of art style]. Kiyev, "Collegium", "Kiyevskaya Akademiya Yevrobiznesa" Publ., 1994. 288 p. (in Russian).
10. Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch.: v 14 t. T. 8* [Complete collection of works: in 14 vol. Vol. 8]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1952. 434 p. (in Russian).
11. Gasparov M. L. Semanticheskiy oreol metra [The semantic halo of the meter]. In: *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1979. 308 p. (in Russian).
12. Demytyev V. V. *Teoriya rechevyh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p.
13. Karasik V. I. Comical Attractives in Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 227–233. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-227-233>

REFERENCES

1. Demytyev V. V. Genres in Changing World: Creationist Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*,

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Prozorov V. V. О надёжности и состоятельности речевых жанровой коммуникации // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 195–204. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-195-204>

For citation

Prozorov V. V. On the Reliability and Consistency of Speech-Genre Communication. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 195–204 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-195-204>

Поступила в редакцию: 25.01.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Received: 25 January 2020 / Accepted: 25 March 2020 / Published: 31 August 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ПЕРЕВОДЫ

УДК 811.112.2'38+811.162.1'38

ББК 81.2Пол

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-205-213>

М. Войтак
Люблин, Польша

Maria Wojtak
Lublin, Poland

Генология как когнитивное пространство

Автор характеризует прежде всего когнитивную ситуацию в польской генологии, указывая на разброс генологических исследований по дисциплинарным областям и появление литературной, лингвистической и журналистской (медиа) генологии, а также множество предложений, выдвигаемых отдельными исследователями.

Вторая часть статьи представляет собой попытку развить авторскую концепцию генологии как открытого когнитивного пространства, разработанного в форме стиля мышления, рассматриваемого как набор коллекций стиля. Этот стиль состоит из компонентов богатой исследовательской традиции (не только филологической), избранной генологами (ассимилированной или переосмысленной).

Исследовательница рассматривает генологию как науку о конвенциях, формирующих поведение человека в общении, о типах и моделях этого поведения, реализованных в различных семиотических кодах.

Автор предлагает разделить когнитивное пространство генологии на следующие разделы (области исследований): теоретическая, описательная, историческая, практическая и сравнительная генология. В статье представлены только концептуальный аппарат и задачи описательной исследовательской генологии. Совокупность концепций упорядоченной когнитивной генологии, описывающих себя, представляет собой различные концепции, взятые из богатой традиции генологических исследований, а также предложения по авторизации. В список этих понятий (и терминов) входят следующие компоненты: жанр высказывания, жанровый образец, аспекты образца (структурный, когнитивный, прагматический, стилистический), варианты образца (канонический вариант, альтернативные и адаптивные варианты), стиль жанра, жанровый стиль, коллекция жанров, жанр в виде коллекции, жанровая копия.

Ключевые слова: генология, жанр, жанровый образец, аспекты образца, варианты образца.

Genology as a Cognitive Space

The author characterizes, first of all, the cognitive situation in Polish genology, pointing to the scatter of genology studies in disciplinary fields and the emergence of literary, linguistic and journalistic (media) genology, as well as many proposals made by individual researchers.

The second part of the article is an attempt to develop the author's concept of genology as an open cognitive space designed in the form of a style of thinking, considered as a set of style collections. This style consists of the components of a rich research tradition (not only philological), chosen by genologists (assimilated or rethought).

The researcher considers genology as the science of conventions that shape human behavior in communication, of the types and models of this behavior, implemented in various semiotic codes.

The author suggests dividing the cognitive space of genology into the following sections (areas of research): theoretical, descriptive, historical, practical, and comparative genology. The article presents only the conceptual apparatus and tasks of descriptive research genology. The set of concepts of ordered cognitive genology that describes itself represents various concepts taken from the rich tradition of genology research, as well as authorization proposals. The list of these concepts (and terms) includes the following components: genre of utterance, genre pattern, pattern aspects, sample variants (canonical variant, alternative and adaptive variants), style of genre, genre style, collection of genres, genre in the form of collections, genre copy.

Keywords: genology, genre, genre sample, aspects of the sample, sample versions.

Сведения об авторе: Войтак Мария, профессор филологии, профессор кафедры истории польского языка и диалектологии.

About the author: Wojtak Maria, Professor of the Department of History of the Polish Language and Dialectology.

Место работы: Институт польской филологии
Университета Марии Склодовской-Кюри, Люблин.
E-mail: maria.wojtak@neostrada.pl
<https://orcid.org/0000-0003-4537-2732>

Place of employment: Institute of Polish Philology of
University n.a. Maria Curie-Skłodowska, Lublin.
E-mail: maria.wojtak@neostrada.pl
<https://orcid.org/0000-0003-4537-2732>

1. Контур когнитивной ситуации в польской генологии

Генология как наука о жанрах высказываний (речи) не имеет установленной идентичности. Она позиционируется в рамках различных филологических наук – литературоведения (литературная генология), лингвистики (лингвистическая генология), а также нефилологических (например, журналистская генология, или, как ее называют некоторые исследователи, медиагенология). Кроме того, возможно размещение генологии не в рамках определенной дисциплины, а в рамках субдисциплины (например, генология как компонент текстологии).

Как дисциплина (или субдисциплина) генология находится на карте других дисциплин, образующих сеть корреляций, которые вытекают из генезиса дисциплины, ее истории, доминирующих исследовательских течений, предмета исследования, целей и методов исследования. Например, лингвистическая генология рассматривается как субдисциплина современной лингвистики, локализованная некоторыми исследователями более конкретно в рамках текстологии. При этом подчеркивается ее родство с прагмалингвистикой, стилистикой, социолингвистикой, лингвокультурологией, а также с литературоведением [1: 13–15; 2: 128–155; 3: 86–93].

Основные области автономии, охватывающие литературоведческую, лингвистическую генологию и медиагенологию, не имеют резких границ, а поля интерференций складываются в различные конфигурации (подробнее в [3: 38–55, 79–102]).

Хотя они в разной степени автономны и имеют разные эпистемологические потенциалы, они производят впечатление концептуального богатства и трудно контролируемого разнообразия.

Итак, что можно считать фоном (и даже причиной) дисциплинарной и авторской дифференциации генологических исследований? Начать стоит, наверное, с истории генологии. Поскольку понятие жанра долгое время было связано с литературным творчеством, генология локализовалась среди литературоведческих дисциплин (термин «литературный жанр» проник даже в библеистику – см. [4]; эскизное описание когнитивной ситуации в литературной генологии см. в [3: 80–85]). Двум филологам, выступающим независимо друг

от друга, – Михаилу Бахтину и Стефании Скварчинской, мы обязаны постулатом объединения понятия *жанра* с коммуникативной деятельностью, также находящейся вне литературы.

С тех пор идентичность генологических подходов определяется больше не предметом исследования, а методологией. Важным становится концептуальный аппарат, состоящий из основных понятий и операционных понятий. В настоящее время отношение конкретных исследователей определяется: (1) способом определения понятия *жанра* (в частности, имеется в виду *жанр речи* (*gatunek mowy*) или *жанр высказывания* (*gatunek wypowiedzi*) – к этому вопросу я еще вернусь), (2) разграничением литературных и обиходных жанров, (3) выбором концептуального контекста, в частности понятий стиля, текста и дискурса, (4) методами описания (моделирование, например, герменевтические подходы), (5) вопросами типологии (типологическими моделями – см. обсуждение правомерности использования иерархической модели или поиска других, гибких отношений между жанрами), (6) определением границ жанров и поиском их идентичности. Каждая из перечисленных выше частных проблем могла бы стать началом модификации концепции (особенно авторских концепций – см. [1; 3: 38–55]). В этом контексте значимы исходные предположения, касающиеся целей и областей генологических исследований, исследовательские традиции, когнитивные школы с конкретными программами и т. д. Упрощая вопрос, я могу указать в польской генологии следующие области исследований, имеющие статус субдисциплин (иногда исследовательских течений): литературоведческая, лингвистическая генология, медиагенология, развивающиеся отчасти автономно, хотя они связаны (по крайней мере, в определенных областях) как предметом исследования, так и избранными методами (подробнее в [3: 25–106]).

Фундаментальные положения генологии (не только польской) разработаны, как известно, Михаилом Бахтиным. Продемонстрировав филологам необходимость обнаружения жанров во всей логосфере и во всех типах коммуникативного поведения человека, введя понятие *жанра речи*, предложив различать простые и сложные, первичные и вторичные жанры, Бахтин со временем стал монументальной фигурой. Его достижения, однако,

не застыли в когнитивной матрице, а функционировали (и функционируют) как живой источник вдохновения для последующих авторских и дисциплинарных подходов – в Польше от литературной генологии до лингвистических и антропологических подходов (подробнее в [3: 86–93; 103–105]).

С 90-х годов XX века генологические исследования в Польше проводились с огромным размахом. Эпистемологически значимыми и привлекательными для целых групп исследователей оказались концепции следующих генологов: уже упоминавшейся Стефании Скварчинской, Михаила Гловиньского, Стефана Савицкого, Анны Вежбицкой, Станислава Гайды, Александра Вилкона, Божены Витош, Марии Войтак, Ежи Бартминского и Станиславы Небжеговской-Бартминской (подробности и замечания о достижениях других исследователей см. в [3: 38–55]). Авторские подходы показывают, как важны общие положения, направляющие исследователя по определенному когнитивному пути. Эти положения касаются, кратко напомним, концепции генологии, ее статуса, а отсюда – места на карте дисциплин или субдисциплин, концептуализации ключевого понятия, то есть понятия *жанра*, характера и объема исследований (здесь может быть предложено только направление исследований или создана исследовательская программа для группы генологов, некритично принимающих эти положения в качестве теоретической основы собственного анализа).

2. Генология как когнитивное пространство

Представленное в этой статье, а более подробно – в книге «Введение в генологию» предложение интеграции генологических исследований не означает обесценивания (или отрицания) ни упомянутых выше авторских концепций, ни подходов, связанных с конкретными дисциплинами или исследовательскими течениями. Наоборот, в книге эти исследования я довольно подробно характеризую, учитывая заложенный в них когнитивный потенциал. Я убеждена, что эти подходы могут стать источником вдохновения для последующих исследователей. Однако нет никаких оснований для прекращения поиска новых интерпретаций генологии как таковой и ее когнитивного инструментария. Во «Введении в генологию» [3: 11] я писала:

Интеллектуальный климат последних лет, а также когнитивная ситуация в гуманитарных науках, по-видимому, имеют большое значение, что способствует расширению областей исследований и поиску новых методов для сложных предметов исследований для достижения наилучших когнитивных результатов. Предпочтение отдается междисциплинарности, что

означает не случайный контакт с различными дисциплинами, а «множество мнений и анти-авторитарный взгляд на научные проблемы» [5: 35]. В связи с этим речь идет о методологическом эклектизме [...] или полиметодологичности [...].

Поэтому я предлагаю рассматривать генологию как науку о конвенциях, формирующих человеческое коммуникативное поведение, о типах и моделях этого поведения, реализованных в различных семиотических кодах, хотя филолог имеет право сосредоточиться только на вербальных произведениях. Однако также представляется возможным считать генологию наукой о типах продуктов культуры, которые человек до некоторой степени дублирует, ради сохранения традиции, культурной самобытности и создания сообществ по убеждениям, поведению и ценностям.

Изменение перспективы и отход от размещения генологических исследований в рамках одной дисциплины позволяют мне проектировать генологию как когнитивное пространство, наполненное, прежде всего, традициями литературоведческих, лингвистических и медийных исследований и открытое для импульсов, протекающих из других нефилологических наук. Наиболее важной первоначальной предпосылкой моего предложения является постулат о придании теоретическим основам генологических исследований статуса стиля мышления (в значении Людвика Флека – см. [6], а также [3: 15–16]). Стиль мышления я рассматриваю как совокупность относительно согласованных теоретических положений (с определенным концептуальным аппаратом) и их аналитических приложений. Этот стиль состоит из выбранных генологами компонентов богатой исследовательской традиции (ассимилированных или переосмысленных). На мой взгляд, множество методологических импульсов, теоретических идей и разнообразная аналитическая практика – обстоятельства, делающие генологию когнитивным пространством, привлекательным для представителей различных дисциплин.

В оставшейся части настоящей статьи я вкратце представлю основные положения генологической теории, которая приобретает статус стиля мышления, общего для меня и группы исследователей, заинтересованных в адаптации компонентов этого стиля в своих собственных теоретических рефлексиях и анализе. Я называю эту среду *сообществом генологов* (*społeczność genologów*) (подробности в [3: 15–16]; Флек говорил о *когнитивном коллективе*). Это группа ученых, в первую очередь лингвистов, которые с 1990-х гг. XX в., а прежде всего – в первом десятилетии XXI в., опираясь на правильно истолкованное наследие, заложили основы

теории, согласовав (неформально) инструментарий исследования, применяемый в анализе различных конфигураций, касающихся литературных и утилитарных текстов (современных и исторических), служащих характеристике отдельных жанров или их разнообразных групп [3: 16].

Здесь следует отметить, что установление в некоторой степени нового когнитивного порядка не означает разрушения известных концепций или отказа от них. Напротив, напомним еще раз, что стиль мышления по своей природе должен быть соткан из существующих концепций, генетически разнообразных – с точки зрения дисциплины (субдисциплины), исследовательского течения или взглядов отдельных исследователей. Не генезис понятийного аппарата и методов, не говоря уже о предмете исследования, определяет пространство исследования, очерченное формой стиля мышления. По моему мнению, стиль мышления будет состоять из такого исследовательского материала, который будет выглядеть как теоретически единое, интегрированное целое, с четкими взаимоотношениями между элементами, и аналитически обоснованное, обеспечивающее наличие инструментальной, пригодной для характеристики непредсказуемо богатой текстовой эмпирики [3: 20]. Понятийный аппарат, который я предлагаю, был использован при анализе жанров религиозного стиля (см. [3: 222–239; 7; 8: 345–349; 9] и библиографию в настоящей статье), официально-деловых и юридических жанров (см. например, описание конституции [10], судебного заседания (*rozprawa sądowa*) [11], завещания [12], медиажанров [13, 14], обиходных жанров [15, 16: 239–246])¹.

Общие положения предпочитаемого мною стиля мышления, формирующего когнитивное пространство генологии, включают следующие тезисы (см. [3: 20–22]): (1) Генологические исследования не обязательно должны быть включены в рамки определенной дисциплины или субдисциплины. (2) В такого рода исследованиях можно, однако, учитывать определенные исследовательские директивы, относительно точно очерченный предмет исследования, методы и цели исследования, которые были проверены в достижениях одной дисциплины, обращающейся к генологическим проблемам. (3) Понятийный аппарат генологии может содержать компоненты, определяемые в рамках различных дисциплин или авторских концепциях. (4) Генология может получить разнообразный исследовательский статус. Ей может быть присвоен: (а) статус субдисциплины (литературная, лингвистическая или медиаге-

нология), (b) исследовательской программы, основанной на единообразных и строго соблюдаемых методологических принципах и реализованной конкретной группой исследователей в должным образом разработанном исследовании, (с) стиля мышления, основанного на некритично принимаемых положениях различного генезиса, что означает готовность определенного принятия теоретических представлений и способов анализа, на основе как богатых исследовательских традиций, так и на их модификации, (d) авторских концепций (такие концепции обычно становятся компонентами дисциплин, программ или стилей мышления). (5) Представленная здесь генология задумана как авторская концепция, вписанная в рамки стиля мышления. Она также может проявиться как стиль мышления, охватывающий несколько авторских концепций. (6) Она произрастает из традиций лингвистических генологических исследований, которые с самого начала были открыты для других концепций (дисциплинарных, авторских). В ней есть рефлексии литературной генологии и отдельные компоненты нефилологических исследований. (7) Генология разделена на несколько исследовательских групп (разделов), охватывающих теорию, принципы описания жанров из разных пространств логосферы (с возможностью расширения до семиосферы), исторические и сравнительные исследования, с учетом применения генологических знаний в формировании редакционной (исполнительной, коммуникационной) практики. (8) Исследование разнообразия логосферы, человеческой коммуникативной деятельности не является прерогативой генологии. Она может пользоваться достижениями многих наук, включаясь в стиль мышления, организующий ее исследовательское пространство адаптированными (не только механически переносимыми, но и часто переосмысливаемыми) компонентами дисциплин, смежных по отношению к филологическим наукам. (9) Основные понятия генологии образуют когнитивные цепочки, организованные в виде коллекций, то есть собраний, встречающихся в рамках определенной когнитивной концепции, выполняющих по отношению друг к другу экспликационную функцию и одновременно объясняющих значимые феномены коммуникации. (10) В каждом из разделов генологии когнитивная цепочка может быть организована особым образом, что означает, что в стиле мышления не существует единого способа выражения одних и тех же понятий. Более того, концептуальная сетка становится более плотной в разделах, находящихся ближе к изучению текстовой эм-

¹Я упоминаю только монографии, обширный список статей содержится во «Введении в генологию» [3: 247–267].

пирики, чем в теоретическом разделе. Уплотнение концептуальной сетки также означает дополнение ее новыми концепциями и внедрение терминологических инноваций. (11) Набор базовых понятий данного раздела генологии должен проявлять оперативность, возможность семантического затенения и ретуширования посредством понятий, придающих всей коллекции аналитическую востребованность и/или эффективность объяснения соответствующих явлений на основе теории, или, скорее, теоретических основ отдельных отделов. (12) Один жанр может быть портретирован по-разному в зависимости от раздела генологии.

Проектируя в наиболее общем виде генологию как открытое когнитивное пространство, формируемое методологически различными стилями мышления, взаимодополняющими, взаимосвязанными или отдельными, учитывающее ситуацию современной культуры (укорененной в традиции, но динамичной и инновационной), я разделяю в рамках своего стиля мышления это пространство (за Станиславом Гайдой [16: 135–146]) на следующие области исследований (разделы): теоретическая, описательная, историческая, практическая и контрастная (сравнительная) генология.

Важнейшей задачей теоретической генологии является разработка теории, содержащей основной инструментарий исследования, устанавливающей методы описания предмета исследования (включая его спецификацию), указание целей исследования и сферы применения традиций генологических исследований. Основным понятием становится *жанр*, трактуемый широко и абстрактно, включающийся в понятийную цепочку: *дискурс, стиль, жанр, текст* (подробнее в [3: 109–113]).

Самые общие интерпретационные рамки понятия, ключевого для генологии, т. е. понятия *жанра*, я представила в более ранних работах следующим образом (см. [17: 8; 3: 110]):

Было бы полезно при упорядочении исследовательского инструментария генологии различать жанр как таковой, то есть абстрактную категорию с разнообразным параметризационным, динамическим и емким потенциалом, и жанр X, категорию с определенной степенью специфичности схемы, принимаемую в качестве модели организации текстов (высказываний). Из существующего богатства предложений описания следует, что этой категории может быть присвоен статус регулярного или нерегулярного жанра с различными источниками норм (фиксированные, узловые).

Следовательно, в рамках теоретической генологии может функционировать понятие *жанра* с очень широкими границами. На ее основе существует возможность восприятия жанра как нечеткой категории с размытыми границами, динамичной, но обусловленной коммуникационными потребностями

(и культурным контекстом) конкретной эпохи. Следовательно, это будет полиморфная категория со специфическими детерминантами параметризации (аспекты) и внутренне дифференцированная (варианты). [...] Она функционирует как гибкая категория с различной степенью нормативности или только как рекурсивное явление. В рамках более низкого уровня конкретизации – как открытая категория с трансграничными имплицитными и эксплицитными зонами. Онтологически это неоднородная категория (культурная, историческая, когнитивная, коммуникативная). Она не является естественной категорией, хотя может быть представлена радиально – с применением эффектов прототипа.

В рамках генологии как стиля мышления могут функционировать как более абстрактные, так и конкретизирующие способы интерпретации понятия *жанра*. Оно при этом не разрушается, а призматически модифицируется, входя в коллекции понятий, еще раз напоминая, семантически освещающих друг друга.

В рамках описательной генологии могут быть размещены исследования по жанрам высказываний, понимаемым более конкретно, чем жанр как таковой (подробнее в [3: 114–132]). Понятийный и терминологический инструментарий состоит из понятий, взятых из традиций, переосмысленных генологами, а также предлагаемых мною понятийных и терминологических инноваций. Он включает в себя следующие понятия: **жанр высказывания** (*gatunek wypowiedzi*), **жанровый образец** (*wzorzec gatunkowy*), **аспекты образца** (**структурный, когнитивный, прагматический, стилистический**) (*aspekty wzorca* (*strukturalny, poznawczy, pragmatyczny, stylistyczny*)), **варианты образца** (**канонический вариант, альтернативные и адаптивные варианты**) (*warianty wzorca* (*wariant kanoniczny, warianty alternacyjne i adaptacyjne*)), **стиль жанра** (*styl gatunku*), **жанровый стиль** (*styl gatunkowy*), **коллекция жанров** (*kolekcja gatunków*), **жанр в виде коллекции** (*gatunek w formie kolekcji*), **жанровая копия** (*przebitka gatunkowa*).

Отправной точкой теории, на основе которой я формулирую свои собственные взгляды, является понятие *жанра высказывания*, определяемое в перспективе: (1) динамической – как набор коммуникативных (или даже дискурсивных) правил, (2) статической – как модель организации высказывания, (3) конкретизирующей – как совокупность высказываний, близких с формальной, семантической и стилистической точек зрения, а следовательно, реализующих определенный образец. Я последовательно использую термин *жанры высказывания*, хотя в генологической традиции функционирует также термин *жанры речи*,

имеющий различные понятийные связи. В целом, однако, понятие *жанра речи* выделяет в потоке речи единицы, функционально детерминированные (интенционально), концептуализированные как семантико-прагматические явления (см. концепцию Анны Вежбицкой), а я (за Бахтиным, который первым использовал это понятие) понимаю жанры многоаспектно, уделяя особое внимание формальной и стилистической структуре (ср. [3: 122–123]), о чем подробно пишу в дальнейшей части этой статьи. Здесь я добавлю, что идентичность жанров может быть определена различными аспектами. Портретирование же жанров, или характеристика отдельных жанров, охватывает все аспекты (см. [3: 133–156]).

Рассмотрение жанра как модели организации высказываний становится основой для выделения понятия *жанрового образца*, то есть «набора правил, определяющих важнейшие уровни организации жанровой схемы, отношения между уровнями и способы их функционирования» [13: 16]. Жанровые образцы возникают и закрепляются на основании конвенции, поэтому они связаны с феноменом имитации в коммуникативном поведении, его модификации и/или введения новых схем.

Комплексно определенный жанровый образец охватывает четыре аспекта (организационные плоскости): (1) структуру (композиционную модель), то есть текстовую рамку (типичное начало и конец), разделение на структурные компоненты (сегменты) и отношения между ними, то есть различные явления из области типичных для жанра горизонтальных систем, а также текстовой архитектоники, (2) прагматику, то есть способ ввода в текст отправителя и получателя, отношения приемника-передатчика и набор коммуникативных намерений (иллокутивный потенциал), а также типичный для жанра *жизненный контекст* (его первоначальное использование в коммуникации), (3) тематику (когнитивный аспект), отсюда – выбор тем (проблем), способ их представления (точка зрения, объем, степень детализации, отношение субъекта к избранной тематике), а также иерархию ценностей и других компонентов мировоззрения, (4) стилистику, то есть набор экстралингвистических особенностей, определенных структурно, детерминированных прагматически и содержательно и связанных с генезисом используемых языковых средств, включая формы устойчиво маркированные, а следовательно, кодированные, что отражается в соответствующих лексикографических квалификациях (см. [3: 115–116; 8: 11; 13: 16–17]; подробное описание упомянутых аспектов образца см. в [3: 120–123]).

Жанры, понимаемые таким образом, являются емкими категориями, а жанровые образцы обычно функционируют как гибкие схемы.

Полиморфизм жанра охватывает не только вышеупомянутые аспекты образца. Жанровые образцы поляризуются, создавая варианты. В моей концепции жанра заключена рефлексия о трех вариантах образца: (1) канонический вариант, то есть тот, который наиболее устойчив и определяет идентичность жанра, с указанием всех параметров образца, то есть структуры, прагматики, темы и стиля, что не означает, что каждый жанр формирует его; (2) альтернативные варианты, то есть количественные и/или качественные модификации канона. Редукция компонентов, добавление нового компонента, субституция – наиболее важные проявления альтернативных трансформаций. Тем не менее, они ассоциируются с соответствующими модификациями не только структурных аспектов образца. Структурные преобразования обычно сопровождаются преобразованиями: (а) в иллокутивном потенциале (изменение числа интенций и/или их иерархии или лингвистических способов выражения планируемых интенций), (б) в образе мира (например, может измениться перспектива взгляда, особенно точка/точки зрения или способы оценки). Альтернативы могут быть мелкими (включать одну модификацию) или глубокими, когда мы наблюдаем весь диапазон преобразований канона; (3) в адаптивных вариантах, то есть жанровых заимствованиях – отсылках к моделям, чуждым данному жанру, без потери жанровой идентичности. Я предлагаю разделять эти адаптации на глобальные (если они способствуют значительным преобразованиям жанрового образца) и частичные (если модификации касаются отдельных сегментов высказывания) (см. [3: 116–117]).

Варианты жанрового образца взаимосвязаны и создают характеризующееся предсказуемостью *жанровое поле* (*pole gatunkowe*). Мой аналитический опыт позволяет сформулировать следующую закономерность: ядро поля занимает канонический образец, зону, близкую к ядерной, – альтернативные образцы, а в периферийных зонах, то есть наиболее удаленных от ядра и находящихся вблизи границ полей, типичных для других жанров, расположены адаптивные образцы. Однако, поскольку набор вариантов образца может меняться у отдельных жанров, форма поля конкретного жанра составляет его характеристику, специфическую для него. Для полной характеристики жанра также важно определение *поля жанровых пересечений* (*pole gatunkowych odniesień*), т. е. в той или иной степени отчетливых связей с другими жанрами.

Картины вариантов жанрового образца определяют также типичный для жанра *масштаб парадоксов* (*skala paradoksów*) (это понятие было введено в генологию Стефанией Скварчинской). Основной набор парадоксов может быть связан с вариантами жанрового образца. В канонических образцах диапазон появления противоположных качеств невелик. Они функционируют только в альтернативных образцах, и масштаб изменений зависит от того, являются ли альтернативы мелкими или глубокими. Аналогично обстоят дела в случае адаптивных образцов. Колебания между различными структурными, прагматическими, когнитивными или стилистическими явлениями обуславливаются некими межжанровыми связями (подробнее в [3: 118–120]).

Чтобы не увеличивать размер статьи, я представлю еще только понятие *жанра в виде коллекции*, потому что это мое авторское предложение, а само понятие оказалось очень полезным при характеристике сложных жанровых образований из нескольких областей коммуникации и использовалось в исследованиях, проведенных несколькими генологами (см. [3: 125–129] и ссылки там).

Жанр в виде коллекции образует единое целое (это отдельная генологическая единица), потому что он состоит из различных постоянно сочетающихся жанров и имеет композиционную (структурную) и функциональную завершенность. Структурная завершенность означает, прежде всего, наличие четкой текстовой рамки (особенно в инициальной части текста) и определенного композиционного принципа. Установленные и повторяющиеся композиционные закономерности включают: (1) силуэтную композицию, в рамках которой сгруппированы монотематические и изофункциональные высказывания, представляющие разные жанры, (2) блочные системы (при этом наблюдается не только сочетание генологически однородных высказываний в открытые или закрытые блоки, но и параллелизм некоторых блочных систем), (3) структуру, основанную на контаминации. Важной особенностью структурной завершенности является появление названия, содержащего название жанра или его парафразу, которая не менее точно идентифицирует жанр.

Функциональная завершенность состоит в возможности приписать жанру, а также его текстовым реализациям определенную глобальную функцию (общую коммуникативную цель), которая обычно не является простой суммой функций жанров, входящих в коллекцию. Коммуникативные цели, приписываемые отдельным компонентам жанра в виде коллекции, могут создавать иерархические, конъюнкционные или вспомогательные системы.

Особенность прагматического аспекта образца должна быть связана с отсутствием одного правила упорядочения отношений отправителя-получателя и других коммуникативных параметров.

С точки зрения стиля жанр в виде коллекции не отличается от стандартных обиходных жанров. Это мультистилевое произведение, обычно основанное на парадоксах с антиномическим соотношением признаков обширной и богатой, при этом открытой сферой показателей. Однако эта глобальная открытость сопровождается группировкой показателей в наборы, определяемые правилами жанровых образцов тех высказываний, которые составляют коллекцию. Стилистический ландшафт жанра конкретизируется в результате применения правил выбора и подбора средств, которые имеют свой первичный (базовый) характер или совместно создают новые стилистические качества в рамках феномена синкретизма. В случае жанра в виде коллекции особенно важна кристаллизация этого типа регулярности в коммуникативной практике.

В качестве примеров жанров в виде коллекции можно назвать календарь, молитвенник, четки, литанию, так наз. дидактические дорожки, определенные виды нормативных актов, газетные гороскопы и некоторые подборки объявлений, телевизионные спортивные трансляции, телевизионный журнал, школьный урок. Я упоминаю только жанры, описанные исследователями (см. библиографию в [3: 126]).

Развитием этой концепции является характеристика генологических сущностей, называемых *коллекциями жанров*, и их текстовых реализаций [см. 3: 127–129].

В моем подходе понятийный аппарат описательной генологии также включает понятие *жанровой копии* (подробнее в [3: 129–132, 227]). *Жанровая копия* имеет место, когда в тексте, реализующем правила определенного жанра, обнаруживаются следы другого жанра. Копии представляют собой разновидность транстекстуальности. В жанровых образцах они являются только потенциальной. В высказываниях они проявляются как интерпретирующее (или просто аналитическое) задание для получателя. Неучет такой копии в структуре текста существенно обедняет его восприятие. К настоящему времени описаны копии в жанрах СМИ – в интервью и пользовательских профилях.

Наконец, следует отметить, что когнитивное пространство описательной генологии в моем подходе должно быть обогащено результатами нефилологических наук. Трансдисциплинарная адаптация понятийных категорий

и методов исследования позволяет более многоаспектно понимать жанры со сложными формами, например, жанры религиозного дискурса (подробнее в [3: 133–160; 8]) или жанры юридического дискурса [11].

Задачи описательной генологии включают в себя не только упорядочивание понятий и методов исследования, но и характеристики отдельных жанров высказываний или их разнообразных групп и разработку принципов генологического анализа высказываний [3: 205–246].

Когнитивное пространство генологии как стили мышления заполнено исследовательскими задачами исторической, практической и контрастивной генологии. Они могут быть соотнесены по разным принципам с теоретической и описательной генологией. В данной статье нет места для подробных характеристик упомянутых разделов генологии (см. описание в [3: 161–203]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Witosz B. *Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2005. 258 s.
2. Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S. *Tekstologia*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. 382 s.
3. Wojtak M. *Wprowadzenie do genologii*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2019. 292 s.
4. Lohfink G. *Rozumieć Biblię. Wprowadzenie do krytyki form literackich*. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1987. 141 s.
5. Pastuch M. *Metoda czy metodologia? Współczesne potrzeby historii języka* // *Historia języka w XXI wieku. Stan i perspektywy* / red. M. Pastuch, M. Siuciak przy współpracy K. Wąsińskiej i W. Wilczek. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2018. S. 32–43.
6. Fleck L. *Powstanie i rozwój faktu naukowego. Wprowadzenie do nauki o stylu myślowym i kolektywie naukowym*. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1986. 221 s.
7. Wojtak M. *Współczesne modlitewniki w oczach językoznawcy. Studium genologiczne*. Tarnów: Wydawnictwo Biblos, 2011. 286 s.
8. Wojtak M. *Do Boga..., O Bogu..., Przed Bogiem... Gatunki przekazu religijnego w analizie filologicznej*. Tarnów: Wydawnictwo Biblos, 2019. 279 s.
9. Grześkiewicz E. *Modlitwa indywidualna w analizie genologicznej*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 2016. 260 s.
10. Malinowska E. *Konstytucja jako gatunek tekstu prawnego*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2012. 188 s.
11. Gmerek K. *Rozprawa sądowa jako zdarzenie komunikacji społecznej*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2019. 416 s.
12. Dunin-Dudkowska A. *Testament jako zwierciadło kultur. Polsko-amerykańskie studium komparatystyczne*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014. 349 s.

Как в этой статье, так и в упомянутой выше книге я пытаюсь показать генологию как пространство исследований с гуманитарным профилем [3: 23]. Это создает, на мой взгляд, возможность познания человека, который осваивает окружающий его мир, делая его миром культуры, создает конвенции, более или менее долговечные и строгие, что позволяет посредством этих конвенций эффективно взаимодействовать всем культурным сообществам (точно, экономично и этично). Однако это не превращает членов сообщества в рабов – напротив, позволяет им не только совершенствовать умения, составляющие коммуникативную способность (репродуктивную), но и дает возможность для коммуникативного творчества, а значит, проявления субъектности в инвенционных (инновационных) коммуникациях.

13. Wojtak M. *Gatunki prasowe*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. 327 s.

14. Grochala B. *Telewizyjna transmisja sportowa w ujęciu genologii lingwistycznej na materiale transmisji meczów piłki nożnej*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. 320 s.

15. Ficek E. *Poradnik. Model gatunkowy i jego tekstowe aktualizacje*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2013. 196 s.

16. Gajda S. *Gatunki wypowiedzi i genologia* // *Lingwistyka tekstu w Polsce i w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy* / red. Z. Bilut-Homplewicz, W. Czachur, M. Smykała. Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT, 2009. S. 135–146.

17. Wojtak M. *Sporne i bezsporne problemy współczesnej genologii* // *Poradnik Językowy*. 2014. Z. 8. S. 7–22.

REFERENCES

1. Witosz B. *Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki* [Linguistic genology. Outline of issues]. Katowice, University of Silesia Publishing House, 2005. 258 p.
2. Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S. *Tekstologia* [Textology]. Warszawa, Polish Scientific Publishers PWN, 2009. 382 p.
3. Wojtak M. *Wprowadzenie do genologii* [Introduction to genology]. Lublin, Maria Curie-Skłodowska University Publishing House, 2019. 292 p.
4. Lohfink G. *Rozumieć Biblię. Wprowadzenie do krytyki form literackich* [Understand the Bible. Introduction to criticism of literary forms]. Warszawa, PAX Publishing Institute, 1987. 141 p.
5. Pastuch M. *Metoda czy metodologia? Współczesne potrzeby historii języka constitution* [Method or methodology? Contemporary needs of language history]. In: *Historia języka w XXI wieku. Stan i perspektywy*. Red. M. Pastuch, M. Siuciak przy współpracy K. Wąsińskiej i W. Wilczek [M. Pastuch, ed., M. Siuciak in cooperation with K. Wąsińska and W. Wilczek. Language history in the

21st century. State and perspectives]. Katowice, University of Silesia Publishing House, 2018, pp. 32–43.

6. Fleck L. *Powstanie i rozwój faktu naukowego. Wprowadzenie do nauki o stylu myślowym i kolektywie naukowym* [The emergence and development of a scientific fact. Introduction to the science of thought style and science collective]. Lublin, Lubelskie Publishing House, 1986. 221 p.

7. Wojtak M. *Współczesne modlitewniki w oczach językoznawcy. Studium genologiczne* [Contemporary prayer books in the eyes of a linguist. Genological study]. Tarnów, Biblos Publishing House, 2011. 286 p.

8. Wojtak M. *Do Boga..., O Bogu..., Przed Bogiem... Gatunki przekazu religijnego w analizie filologicznej* [To God., About God., Before God. Species of religious transmission in philological analysis]. Tarnów, Biblos Publishing House, 2019. 279 p.

9. Grześkiewicz E. *Modlitwa indywidualna w analizie genologicznej* [Individual prayer in genological analysis]. Kraków, Institute of Polish Language, Polish Academy of Sciences, 2016. 260 p.

10. Malinowska E. *Konstytucja jako gatunek tekstu prawnego* [Constitution as a genre of legal text]. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2012. 188 p.

11. Gmerek K. *Rozprawa sądowa jako zdarzenie komunikacji społecznej* [Court hearing as a social communication event]. Szczecin, University of Szczecin Scientific Publisher, 2019. 416 p.

12. Dunin-Dudkowska A. *Testament jako zwierciadło kultur. Polsko-amerykańskie studium komparatystyczne* [Testament as a mirror of cultures. Polish-American comparative study]. Lublin, Maria Curie-Skłodowska University Press, 2014. 349 p.

13. Wojtak M. *Gatunki prasowe* [Press genres]. Lublin, Maria Curie-Skłodowska University Press, 2004. 327 p.

14. Grochala B. *Telewizyjna transmisja sportowa w ujęciu genologii lingwistycznej na materiale transmisji meczów piłki nożnej* [Television sports broadcast in terms of linguistic genology on the material of football matches]. Łódź, University of Łódź Publishing House, 2016. 320 p.

15. Ficek E. *Poradnik. Model gatunkowy i jego tekstowe aktualizacje* [Guide. Genre model and its textual updates]. Katowice, University of Silesia Publishing House, 2013. 196 p.

16. Gajda S. *Gatunki wypowiedzi i genologia* [Genres of utterance and genology]. In: *Lingwistyka tekstu w Polsce i w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy. Red. Z. Bilut-Homplewicz, W. Czachur, M. Smykała* [Z. Bilut-Homplewicz, W. Czachur, M. Smykała, eds. Linguistics of the text in Poland and Germany. Concepts, problems, perspectives]. Wrocław, ATUT Publishing House, 2009, pp. 135–146.

17. Wojtak M. *Sporne i bezsporne problemy współczesnej genologii* [Disputable and indisputable problems of modern genology]. *Poradnik Językowy* [Language Guide], 2014, vol. 8, pp. 7–22.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Войтак М. Генология как когнитивное пространство // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 205–213. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-205-213>

For citation

Wojtak M. Genology as a Cognitive Space. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 205–213 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-205-213>

Поступила в редакцию: 23.12.2019 / Принята: 20.01.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Received: 23 December 2019 / Accepted: 20 January 2020 / Published: 31 August 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'42:316.72

ББК 81.1+60.524

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-221>

Н. Н. Кошкарлова
Челябинск, Россия

Natalya N. Koshkarova
Chelyabinsk, Russia

Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра

Public Apology: Yesterday, Today, Tomorrow

Статья посвящена анализу жанра публичного извинения в диахроническом и синхроническом аспектах. Материалом для исследования послужили данные различных типов дискурса: художественный, диссидентский, судебный, политический, массмедийный. В качестве ведущего при анализе функционирования жанра публичного извинения в разных типах интеракции использовался метод дискурсивного анализа, применение которого сопровождалось контекстуальным изучением коммуникативных ситуаций. В статье рассматривается коммуникативная цель публичного извинения как жанра, проводится граница между извинением и покаянием, определяется место публичного извинения в ряду других жанров применительно к судебному дискурсу. Выделяются когнитивно-дискурсивные особенности жанра публичного извинения при функционировании в рамках политического дискурса. Представлен обзор форм публичного извинения на внутри- и межгосударственном уровне. Описывается жанр публичного извинения как актуализация ценностей дискурса новой чувствительности. В качестве отдельного формата анализируемой жанровой разновидности исследуются ролики в жанре публичного извинения. Делается вывод о том, что жанроведческий подход к анализу коммуникативных практик в диахронии и синхронии позволяет не только описать существующее положение дел с номенклатурой жанров, но и прогнозировать развитие жанрового пространства.

Ключевые слова: речевой жанр, публичное извинение, диахрония, синхрония, аксиогенная ситуация, эмоции, когнитивно-дискурсивные особенности, жанроведческий подход.

The article describes the genre of public apology in the diachronic and synchronic aspects. The data from different types of discourse serve as the material for the analysis: belles-lettres, nonconformist, judicial, political, mass-media. The method of discourse analysis was the leading one while analyzing the functioning of public apology in various types of interaction. The method of contextual study of communicative situation was also applied. The article defines the communicative aim of the public apology, draws a boundary line between an apology and penitence, and identifies the position of public apology among other genres of judicial discourse. Within the framework of political discourse the author singles out cognitive and discourse peculiarities of public apology and describes the forms of public apology on the national and international levels. The genre of public apology is viewed as representation of values in the discourse of new sensibility. The videos in the format of public apology are analyzed as a separate genre mode. There is a conclusion that the genre approach to the study of the communicative practices in the diachronic and synchronic aspects allows to describe not only the current situation with the genre nomenclature, but also to forecast the development of genre forms.

Keywords: speech genre, public apology, diachrony, synchrony, axiogenic situation, emotions, cognitive and discursive peculiarities, genre approach.

Сведения об авторе: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет, Челябинск.

E-mail: nkoshka@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8861-0353>

About the author: Koshkarova Natalya Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor of the International Relations, Political Science and Regional Studies Department.

Place of employment: South-Ural State University, Chelyabinsk.

E-mail: nkoshka@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8861-0353>

Введение

Жанр публичного извинения не так часто становился объектом научных изысканий лингвистов. Из наиболее известных работ по заявленной проблематике следует выделить главы Р. Лакофф *“Apologies as Language Politics; The Un-Apology”* в книге *“The Language War”* (пер. в «Жанрах речи» [1]), в которой автор проводит демаркационную линию между публичным и межличностным извинением. Разграничению функциональных особенностей извинения в публичной речи и бытовом общении посвящена статья Л. О. Чернейко, И. Юй [2]. Опыт реализации политики извинения государства перед социальными группами проанализирован в публикации Е. В. Ерохиной [3]. В своей работе [4] мы описывали структуру жанра публичного извинения, рассматривали его связь с такими коммуникативными феноменами, как клевета, диффамация и слухи. Однако, как показывает анализ речевого материала и ретроспективный взгляд на речевое поведение носителей русского языка, жанр публичного извинения возник не сегодня и не 3–5 лет назад. Так, в рамках судебного дискурса как один из элементов речевого поведения обвиняемого публичное извинение функционирует «в институциональной обстановке, накладывающей определенные ограничения на речевое поведение участников общения» [5: 5]. При этом необходимо отметить, что зарубежные ученые более пристально анализируют жанр публичного извинения: как средство восстановления имиджа [6], структуру эффективного публичного извинения [7], кросс-культурные аспекты публичного извинения на материале английского и французского языков [8]. В то же время отечественные исследователи языка не уделяют столь пристального внимания жанру публичного извинения, который нуждается в более строгой дефиниции, описании структурных и когнитивно-дискурсивных особенностей, сопоставительном изучении в аспекте синхронии и диахронии.

Материал и методы исследования

С целью комплексного изучения жанра публичного извинения в настоящем исследовании в качестве эмпирической базы использовались материалы художественной литературы, представляющие авторскую, но основанную на реальных исторических событиях интерпретацию указанной жанровой разновидности. Как уже было указано, жанр публичного извинения функционирует прежде всего в правовой сфере, следовательно, обращение к судебному и шире официальному дискурсу является необходимой частью теоретико-методологической базы анализа. Наконец, массмедийный

дискурс и интернет-коммуникация как фиксирующие речевое поведение носителей языка не постфактум, а в момент функционирования в рамках той или иной социальной общности, являются благодатным источником данных по изучению модифицированных вариантов публичного извинения, детерминированных аксиологическими и ценностными приоритетами определенной эпохи.

Действительно, языковая и речевая система, представленная определенной номенклатурой жанров, вербализованная в наборе текстов, построенная на тех или иных когнитивных принципах, находится в тесной взаимосвязи с коммуникативными ценностями, которые В. В. Дементьев определяет как коммуникативную категорию, которая «регулярно и закономерно проявляется в языковой и речевой системе системы языковой оценки, аспекты лексической номинации, нормы конкретных речевых жанров и др.), в тексте (оценочная деятельность) и в общих когнитивных отношениях человека с миром (аспекты оценочной культурно-языковой картины мира)» [9: 28]. Одновременно с этим публичное извинение вполне правомерно трактовать как аксиогенную ситуацию (термин В. И. Карасика [10]), так как основное содержание анализируемого жанра – это всегда раскаяние за поступки, находящиеся на отрицательном полюсе вектора «порок-добродетель».

Выбор материала для исследования определяет репертуар методов, применяемых для анализа эмпирической базы: с целью изучения функционирования жанра публичного извинения в диахроническом и синхроническом аспектах в качестве ведущего использовался метод дискурсивного анализа, применение которого сопровождалось контекстуальным изучением коммуникативных ситуаций. Дискурсивный анализ позволяет рассмотреть жанр во всей совокупности его проявлений: как социолингвистическое явление, с точки зрения прагмалингвистики и в деятельностном аспекте. Контекстуальный анализ дает возможность интерпретировать языковой элемент «с опорой на его окружение» [11: 110]. В случае жанра публичного извинения контекст может быть социолингвистическим (советская эпоха vs постсоветский период), ситуативным (извинение за поступок vs извинение за словесное оскорбление), статусным (извинение от имени государства vs извинение от имени отдельного человека).

Извинение: чувства или приказание?

Прежде чем дать характеристику публичному извинению как жанру в типологии РЖ, необходимо сказать несколько слов об извинении

как таковом. Напомним, что Дж. Серль относил извинение к экспрессивам, иллокутивная сила которого состоит в том, чтобы «выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» [12: 183]. Аналогичной трактовки придерживается Т. В. Ларина, которая основную функцию извинения определяет следующим образом: «восстановить социальный баланс или гармонию между коммуникантами» [13: 347]. Однако Р. Ратмайр ставит под сомнение статус извинения как экспрессивного речевого акта и интерпретирует его как директив [14]. Вероятно, статус извинения как речевого акта будет зависеть от культуры, в рамках которой он функционирует, и от лексических способов его выражения.

Вместе с тем приходится констатировать тот факт, что извинение, функционируя на уровне речевой коммуникации, выступает не как речевой акт, а как речевой жанр, так как главным жанрообразующим признаком, по мнению Т. В. Шмелевой, является коммуникативная цель [15]. Коммуникативная цель извинения как речевого жанра заключается в регулировании межличностных (а в случае публичного извинения – межгосударственных) отношений, восстановление имиджа человека и(или) государства, возобновление сотрудничества (коммуникативного или межличностного, межгосударственного). Безусловно, такой коммуникативной цели отвечают не все случаи использования лексических маркеров извинения. Так, в русском языке существуют десемантизированные формулы *прости(те)*, *извини(те)*: *Никакого центра нет, поэтому сплошной, извините меня за известное выражение, волюнтаризм в этом деле* [16].

Диахронический аспект публичного извинения

Несмотря на тот факт, что время, в которое мы живем, нередко называют «эпохой извинения», анализируемый жанр был широко распространен в советскую эпоху, когда официальному дискурсу противостоял так называемый диссидентский дискурс, «основанный на бинарных оппозициях “нонконформисты” – “власть”, “социально активный индивид” – “общественно пассивное население”, “духовно свободный диссидент” – идеологически поработанный народ» и т. д.» [17: 21]. Одним из пенитенциарных инструментов официального дискурса в то время было стремление власти заставить человека извиняться за противопоставление себя обществу, интеллектуальное свободомыслие, творческое самовыражение, идущее в раз-

рез с официальной идеологией. В единое дискурсивное пространство жанра публичного извинения при советской власти были вплетены другие события и жанровые образования: психологическое давление, шантаж, угрозы, запугивание. Вот как описывает принуждение к публичному извинению один из основателей и активный участник диссидентского движения в СССР В. К. Буковский в своей книге «И возвращается ветер ...»: *Работники КГБ в разговорах со мной признавали теперь, что судили меня неправильно – не надо было судить. И готовы они сейчас исправить эту ошибку – выпустить меня. Но я, видите ли, должен им помочь – письменно покаяться, попросить помилования. Получалось совсем смешно: мы виноваты, а ты извинись. Убедившись, что такой выход для меня неприемлем, они еще больше снизили требования. По их словам, достаточно мне отказаться от какой-либо общественной деятельности в будущем, не говоря ни слова о прошлом или об убеждениях, и в лагерь ехать не придется. – Ну, если вам так не нравится слово «помиловать», напишите: «Прошу освободить»* [18: 215].

«Призывы к совести» и моральные терзания субъекта диссидентского дискурса иногда достигали своей цели, и в обмен на смягчение наказания власти удавалось добиваться «покаянных» речей от диссидентов. Так, например, произошло с грузинским общественным, политическим и государственным деятелем Звиадом Гамсахурдия, который 7 апреля 1977 г. выступил с покаянным заявлением. Приведем текст речи: *В 1974 г. через своих московских знакомых я установил и поддерживал контакты с рядом сотрудников дипломатических представительств буржуазных государств в Москве и в частности с первым секретарем внутриполитической секции посольства США в СССР Игорем Белоусовичем. От него я получил антисоветскую литературу, изданную за границей и привезенную в нашу страну для распространения. На следствии я подробно рассказал о совершенном мною преступлении. Хочу отметить, что после долгого раздумья я понял, что глубоко заблуждался и что моя деятельность во многом была вредной. Поэтому я искренне сожалею о содеянном мною, раскаиваюсь в содеянном и осуждаю совершенные мною преступления. Желая также отметить, ибо обязан это сделать, что моему отцу Константину Гамсахурдия ничего не было известно о моей антисоветской деятельности. Отец всегда внушал мне мысль о превосходстве советской общественно-политической формации над другими государственными системами*

и доказывал это на конкретных примерах. Он старался привить мне любовь и преданность к советскому народу. Сейчас я глубоко сожалею, что не прислушался к голосу моего отца и встал на путь антисоветской деятельности. Я никогда не забуду слова моего отца: «Служить преданно нашему народу, культуре, языку можно только открыто и честно» [19].

С лингвистической точки зрения приведенная речь – это яркий пример жанра покаяния, который, по мнению В. А. Масловой «проявляется при реконструкции духовных ценностей (грех, стыд, вина и др.), концептов (сожаление, совесть, нравственность)» [20: 98]. Действительно, в речи диссидента эксплицированы такие духовные ценности, как сожаление (я искренне сожалею о содеянном мною), почитание отца (я глубоко сожалею, что не прислушался к голосу моего отца), служение отчизне (служить преданно нашему народу, культуре, языку). В аксиологическое пространство анализируемой речи включены также и антиценности: заблуждение (я понял, что глубоко заблуждался), ослушивание (я глубоко сожалею, что не прислушался к голосу моего отца). На концептуальном уровне аксиологическим и содержательным центром покаянного заявления выступают семья и семейные ценности, предательство которых синонимично антисоветской деятельности. Таким образом, мы видим, что «религиозный жанр речи “покаяние” претерпел трансформацию под влиянием исторических и культурных изменений в XX веке» [21: 27], что проявляется в динамике его смыслового содержания от соотношения своих поступков с церковными нормами до самобичевания и самокритики.

Публичное извинение в судебном дискурсе

Судебный дискурс, выступая институциональным типом интеракции, по справедливому замечанию Т. В. Дубровской, «ритуализован, а повторяющиеся ситуации взаимодействия закреплены в специфических жанровых формах» [5: 20]. На наш взгляд, одним из нормативно обусловленных жанров судебного дискурса, выходящим за рамки юридического общения и функционирующим в массмедийном пространстве, является жанр публичного извинения. Одна из причин такой взаимообусловленности дискурсов видится нам в том, что нередко на скамье подсудимых оказываются селебрити, ищущие славу через скандальные истории и становящиеся героями криминальных сводок. Так, во время судебного процесса над нападающим петербургского

«Зенита» А. Кокориным и полузащитником «Краснодара» П. Мамаевым от обоих участников громкой истории последовали публичные извинения. Следует отметить, что А. Кокорин принес извинения не только пострадавшему Д. Паку, но и болельщикам, одноклубникам и тренерскому штабу: *Здравствуйте! Я, Александр Кокорин, хочу принести извинения своим болельщикам, ребятам из команды и тренерскому штабу. За то, что подвел их и не могу помочь своим участием в тренировочном процессе и соревнованиях. Как спортсмен и человек публичный, я не должен был так поступать, извиняюсь, не сдержался. Признаю, что моя реакция на оскорбления меня, моего брата и остальных присутствующих была чрезмерной, но после конфликта я публично извинился и готов загладить причиненный вред. Урок я полностью усвоил, тюрьма этому способствует, очень хотелось бы выйти на волю, активно заняться спортом и все свободное время посвятить своей семье. Огромное спасибо за поддержку, она всегда для меня важна как в изоляторе, так и на свободе. Ваш Саша.*

Как видно из приведенного текста письма, основными тактиками, используемыми в жанре публичного извинения согласно риторическому канону судебного дискурса, является тактика интимизации общения (*Ваш Саша*), тактика апеллирования к общечеловеческим ценностям (*за то, что подвел их и не могу помочь своим участием в тренировочном процессе и соревнованиях*), тактика солидаризации с целевой аудиторией (*Огромное спасибо за поддержку, она всегда для меня важна как в изоляторе, так и на свободе*). Реализация аксиологического компонента характерна и для речи извинения, произнесенного в суде: *Хотелось бы по-человечески примириться, прошло много времени. Понимаю, конфликт неприятный. Мы бы друг друга поняли, я думаю.* В жанре публичного извинения применительно к анализируемому типу дискурса важная роль принадлежит суперсегментным единицам языка (интонация, тон, ритм) и невербальной коммуникации (мика, поза, жесты). Так, известно, что во время произнесения указанной речи А. Кокорин читал ее по бумажке, несколько раз запнулся, что не добавляет аргументов в пользу искренности публичного извинения.

Семантическим центром публичного извинения другого фигуранта судебного процесса, П. Мамаева, стала личность самого обвиняемого: *Я не собираюсь скрываться, мешать следствию вести дело, я готов помогать. Хочу публично извиниться перед пострадавшими в связи с моими вопиющими действиями, я не имел права, я это признаю.*

Персонализация, доминирующая в данном высказывании, позволяет преодолеть формализованный характер судебного дискурса, а с точки зрения лингвопрагматики для жанра публичного извинения характерно «позиционирование субъекта как носителя свободной воли, который берет персональную ответственность за высказывания» [22: 112]. Прием синтаксического параллелизма усиливает иллокутивную силу речи и делает публичное извинение в совокупности с другими риторическими приемами эффективным инструментом воздействия на целевую аудиторию.

Как извиняются государства и их лидеры

При функционировании в рамках политического дискурса публичное извинение обрывает новыми когнитивно-дискурсивными характеристиками: во-первых, анализируемый нами жанр переходит с уровня межличностных в формат межгосударственных отношений; во-вторых, принося извинение, государство и(или) его лидер должен осознавать, является ли это демонстрацией силы или слабости; наконец, публичное извинение от имени государства или его главы должно быть произнесено в нужный момент, так как лишь своевременное извинение способно вывести отношения с народом и другими странами в конструктивное русло.

Во многих случаях извинения государства или отдельных государственных лиц вплетены в исторический контекст. Так, в 2014 г. правительство Тюрингии (одной из федеральных земель на востоке Германии) возглавил Бодо Рамелов, приверженец левых ценностей. В своей речи по случаю вступления в новую должность Б. Рамелов принес извинения жертвам диктатуры Социалистической единой партии Германии за нарушение их прав со стороны властей ГДР. В данном случае политик взял ответственность за преступления, совершенные в далеком прошлом, однако восстановление исторической истины представляется куда более важным дивидендом от искреннего извинения, чем сиюминутная политическая выгода.

В целом на межгосударственном и внутригосударственном уровнях можно выделить следующие формы публичного извинения: 1) мирные договоры; 2) сатисфакции, которые могут «состоять в официальном признании совершенного нарушения, в выражении сожаления, в устных или письменных официальных извинениях» [3: 62] наряду с материальной компенсацией; 3) устные заявления государства и отдельных политиков; 4) деятельность государственных и межгосударственных органов по восстановлению прав той или иной

этнической, социальной или правовой группы (например, Постоянная палата международного правосудия); 5) личные поступки государственных деятелей.

Как людей заставляют извиняться публично

В Интернете как воплощении компьютерно-опосредованной коммуникации в последнее время набирает популярность публичное извинение, которое иногда может быть вынужденным и принудительным. Полагаем, что жанр публичного извинения стал активно распространяться в связи с формированием дискурса новой чувствительности, когда «задается такая эмоциональная модель общения, при которой главным становится выражение чувств и эмоций индивида» [23: 148]. Извиняются публично все: от руководителей различного уровня до рядовых граждан.

18 февраля 2019 г. тогда еще врио главы Республики Башкортостан Радий Хабиров решил попросить прощения у жителей Башкирии за мэра Сибая Рустэма Афзалова, назвавшего митингующего жителя города «козлом и экскрементом»: *Вы совершили серьезную ошибку. Оскорблять человека нельзя. Я вместо вас извиняюсь, перед тем, кого вы имели в виду, и считаю, что на этом инцидент исчерпан.* В приведенном высказывании наличествуют признаки языка официального дискурса (*на этом инцидент исчерпан*), который стремится выйти за рамки делового стиля и переходит в разряд личностно ориентированной коммуникации.

Отдельной формой жанра публичного извинения стали ролики, в которых людей заставляют извиняться за совершенные ими поступки. Вот лишь некоторые из них: 1) в 2017 г. вышел ролик с извинениями директора компании – владельца издания «Петербургская газета» по следам интервью о том, что ингуши должны «благодарить Сталина» за депортацию 1944 года; 2) в том же году в сети появилось видео со студентом РАНХиГС О. Терещенко, которого однокурсники заставили просить прощения за оскорбительные, по их мнению, комментарии во «ВКонтакте»; 3) 18 декабря 2015 г. на чеченском государственном телеканале «Грозный» вышел сюжет о встрече главы республики Р. Кадырова с жительницей Чечни А. Инаевой, которая извиняется за свое обращение в WhatsApp'e о бедности обычных чеченцев и с критикой Кадырова.

Анализ речевого и видеоматериала позволяет нам дать характеристику определенному канону, по которому строится ролик в жанре публичного извинения: 1) ролик предваряет

скриншот или фрагмент оригинального ролика, который подтверждает распространение оскорбительных высказываний, жалобы или обиды; 2) в случае с роликами, вышедшими на правительственный уровень, собирается специальная комиссия, в которую входят высокопоставленные люди; 3) «виновник» озвучивает мотивы, побудившие его распространить оскорбительные высказывания: привлечение внимания, обогащение, улучшение жилищных условий; 4) в некоторых случаях к извинению привлекают родственников героя репортажа, которые объясняют, что у него все в порядке, а жалобы – надуманные; 5) если была создана специальная комиссия для разбирательства дела, то они негодуют, что люди распространяют ложные сведения; 6) герой ролика в жанре публичного извинения признает свою неправоту, извиняется и делает это с пристыженным видом; 7) в конце ролика звучит нравоучение его автора о том, что нельзя распространять непроверенные сведения, оскорблять кого-то или наживаться за чей-либо счет.

Таким образом, основной прагматический потенциал ролика в жанре публичного извинения можно определить как компенсацию за сообщение клеветнического, диффамационного или оскорбительного характера. Как уже было сказано выше, ролики в жанре публичного извинения функционируют в рамках дискурса новой чувствительности, субъектом которого является жертва – человек, которого

обидели или оскорбили. Публичное извинение в этой связи актуализирует одно из главных чувств нового типа дискурса – обиду и уязвимость.

Заключение

Анализ функционирования жанра публичного извинения на материале различных типов дискурса (художественный, диссидентский, судебный, политический, массмедийный) позволяет нам прийти к выводу о том, что люди извинялись всегда и по разным поводам. Безусловно, варьировалась степень искренности подобных извинений, но современная речевая ситуация дает основания говорить о том, что в связи с доминированием эмоций в языке количество извинений будет только увеличиваться. Жанроведческий подход к анализу коммуникативных практик в диахронии и синхронии, использованный в настоящем исследовании, дает возможность не только описать существующее положение дел с номенклатурой жанров, но и прогнозировать развитие жанрового пространства. Так как в ядерной зоне носителей языка находятся средства различных уровней, описывающие эмоции и чувства, то можно предположить, что инструменты для выражения эмоционального состояния будут расширяться и приобретать новые формы. Возможно, жанр публичного извинения модифицируется в плане своих структурно-семантических и когнитивно-дискурсивных особенностей.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00192).

ACKNOWLEDGEMENTS

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-012-00192).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакофф Р. Прагматика публичного извинения // Жанры речи: сб. науч. тр. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 183–192.
2. Чернейко Л. О., Юй И. К вопросу о функционировании извинения в бытовом и публичном типах речи // Вестн. Башкир. ун-та. 2017. Т. 22, № 4. С. 1141–1146.
3. Ерохина Е. В. Публичное извинение государства: российский и зарубежный опыт // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты. Челябинск: Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018. С. 60–63.
4. Кошкарлова Н. Н. Публичное извинение как жанр интернет-коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 62–67.

5. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
6. Sandlin J. K., Gracyalny M. L. Seeking sincerity, finding forgiveness: YouTube apologies as image repair // Public Relations Review. 2018. Vol. 44. P. 393–406.
7. Lewicki R. J., Polin B., Lount Jr. R. B. An Exploration of the Structure of Effective Apologies // Negotiation and Conflict Management Research. 2016. Vol. 9, № 2. P. 177–196.
8. Ancarno C. When are public apologies 'successful'? Focus on British and French apology press uptakes // Journal of Pragmatics. 2015. Vol. 84. P. 139–153.
9. Деметьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.
10. Карасик В. И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 384 с.
11. Москвин В. П. Методы и приемы лингвистического анализа. М.: Флинта, 2015. 224 с.

12. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170–195.
13. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
14. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
15. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. тр. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
16. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. М., 2012. Т. 29(197). 784 с.
17. Серебрякова Е. Г. Литературно-публицистическое наследие диссидентов как объект культурологического исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2015. № 3(19). С. 17–25.
18. Буковский В. И возвращается ветер Нью-Йорк: Хроника, 1978. 390 с.
19. Гамсахурдия З. Фрагмент д/ф «Грузия – одна» (1994). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wViYjZD5wac> (дата обращения: 09.01.2020).
20. Маслова В. А. Покаяние: жизнь человека, действительный концепт или жанр? // Жанры речи. 2016. № 1. С. 94–99. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-94-99>
21. Карманова С. В. Об особенностях исторических изменений жанра покаяния // Язык и социальная динамика. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, 2014. С. 23–28.
22. Крапивкина О. А. О способах вербализации субъекта в юридическом дискурсе // Вектор науки ТГУ. 2015. № 2 (32-1). С. 111–114.
23. Кошкарлова Н. Н., Яковлева Е. М. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 147–152.
5. Dubrovskaja T. V. *Sudebnyi diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na material russkogo i angliiskogo iazykov)* [Judicial discourse: the judge's speech behaviour]. Moscow, Akademiya MNEPU, 2010. 351 p. (in Russian).
6. Sandlin J. K., Gracyalny M. L. Seeking sincerity, finding forgiveness: YouTube apologies as image repair. *Public Relations Review*, 2018, vol. 44, pp. 393–406.
7. Lewicki R. J., Polin B., Lount Jr. R. B. An Exploration of the Structure of Effective Apologies. *Negotiation and Conflict Management Research*, 2016, vol. 9, no. 2, pp. 177–196.
8. Ancarno C. When are public apologies 'successful'? Focus on British and French apology press uptakes. *Journal of Pragmatics*, 2015, vol. 84, pp. 139–153.
9. Dementyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury: kategoriia personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of the Russian culture: the category of personality in lexicon and pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ., 2013. 336 p. (in Russian).
10. Karasik V. I. *Iazykovoe proiavlennye lichnosti* [Language manifestation of the personality]. Moscow, Gnosis Publ., 2015. 384 p. (in Russian).
11. Moskvina V. P. *Metody i priemy lingvisticheskogo analiza* [Methods and means of the linguistics analysis]. Moscow, Flinta Publ., 2015. 224 p. (in Russian).
12. Serl' Dzh. R. Klassifikatsiia illokutivnykh aktov [The classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1986, iss. 17, pp. 170–195 (in Russian).
13. Larina T. V. *Kategoriia veshlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [The category of politeness and the style of communication: Comparison of English and Russian linguo-cultural tradition]. Moscow, Pukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009. 512 p. (in Russian).
14. Ratmair R. *Pragmatika izviniia: Sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo iazyka i russkoi kul'tury* [Pragmatics of apology. Comparative study on the material of Russian language and Russian culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 272 p. (in Russian).
15. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [The model of speech genre]. *Zhanyri rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. Saratov, GosUNTs "Kollidzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98. (in Russian).
16. Gosudarstvennaia Duma. *Stenogramma zasedanii* [State Duma. Short-hand notes]. Moscow, 2012, vol. 29 (197). 784 p. (in Russian).
17. Serebriakova E. G. The literary-publicistic heritage of dissidents as object of culturological studies. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2015, iss. 3, no. (19), pp. 17–25 (in Russian).
18. Bukovskii V. I. *I vozvrashchaetsia veter ...* [And the wind returns ...]. New York, Khronika Publ., 1978. 390 p. (in Russian).
19. Gamsakhurdia Z. *Fragment d/f "Gruzii – odna"* (The fragment of the documentary "There is only one Georgia"). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=wViYjZD5wac> (accessed 09 January 2020.)
20. Maslova V. A. Repentance: human life, activity concept or genre? *Speech Genres*, 2016, no. 1 (13), pp. 94–99 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-94-99>
21. Karmanova S. V. Ob osobennostiakh istoricheskikh izmenenii zhanra pokayaniia [About features of historical changes of the genre repentance]. In: *Iazyk i sotsial'naia dinamika* [Language and social dynamics]. Krasnoyarsk,

REFERENCES

Sibirskii gosudarstvennyi universitet nauki i tekhnologii imeni akademika M. F. Reshetneva, 2014, pp. 23–28 (in Russian).

22. Krapivkina O. A. On the way of subject verbalisation in juridical discourse. *Science Vector TGU*, 2015,

no. 2 (32-1), pp. 111–114 (in Russian).

23. Koshkarova N. N., Iakovleva E. M. Discourse of new emotionality: communicative practices of digital reality. *Political linguistics*, 2019, no. 5 (77), pp. 147–152 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кошкарлова Н. Н. Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 214–221. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-221>

For citation

Koshkarova N. N. Public Apology: Yesterday, Today, Tomorrow. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 214–221 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-221>

Поступила в редакцию: 15.01.2020 / Принята: 15.03.2020 /
Опубликована: 31.08.2020

Received: 15 January 2020 / Accepted: 15 March 2020 /
Published: 31 August 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 81'42:316.72

ББК 81.1+60.524

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-222-228>**В. Н. Базылев**
Москва, Россия**Vladimir N. Bazylev**
Moscow, Russia**Притча: переосмысление жанра**

Статья посвящена притче как жанру. Актуальность обращения к притче обусловлена тем, что интерес к притче не ослабевает, и каждый автор, используя традиции жанра, привносит что-то новое, выступая как новатор. Первое, что обращает на себя внимание, – это отличия современной притчи как жанра. Сегодня в ней нет поучительности и наставлений. Она не дает готового ответа, а заставляет размышлять на предложенную тему. Притча легко соединяется с другими жанрами литературы, углубляя их смысл. В современной художественной литературе популярность притчи как жанра заставляет обращающихся к притче размышлять о ее сути, границах, возможностях их расширения или, напротив, сужения, о путях жанровой контаминации и трансформации. Широта применения наименования «притча» и разброс суждений о ее возможностях впечатляют. Для исследователей притч становятся важны не только базовые черты ее поэтики, но и ее дополнительные дефиниции, содержательная типология. Материалом для нашей статьи мы выбрали отечественную художественную литературу второй половины XX века. Прежде всего, в этих текстах бросаются в глаза попытки молодых героев выносить целостную оценку об окружающем их мире, а художественные конфликты основываются на демонстративном протесте. Функционально притча продолжает изображать ситуации с предложением возможных способов их решения и указанием на последствия, а также продолжает оставаться носителем традиций и посредником культурных отношений. Наше исследование было сосредоточено на таких категориальных признаках жанра, как потребность всепостигающего объяснения, оценка поведения человека, амбивалентность моральной ситуации и обобщающие суждения.

Ключевые слова: притча, жанр, светская притча, функция притчи, категории притчи, русская советская литература XX века.

Reconsideration of the Parable

The article deals with the parable as a genre. The attention to the parable is determined by the fact that the interest in the subject does not wane, and each author, using the traditions of the genre, brings something new, acting as an innovator. The first thing that attracts our attention is the differences of the modern parable as a genre. Today there is no edification and instruction in it. It does not give a ready answer, but forces to reflect on the proposed topic. The parable easily connects with other genres of literature, deepening their meaning. In modern fiction, the popularity of the parable as a genre makes those who turn to the parable reflect on its essence, boundaries, the possibilities of their expansion or, conversely, narrowing, on the ways of genre contamination and transformation. The breadth of the application of the nomination "parable" and the variation of judgments about its possibilities are impressive. Not only the basic features of its poetics become important, but also its additional definitions and typology. This article is based on Russian fiction of the second half of the twentieth century. First of all, in these texts one can see striking attempts of young heroes to make a complete assessment about the world around them. All conflicts are based on demonstrative protest. Functionally, the parable continues to display situations with a proposal of possible ways of solving them and indicating the consequences, and also continues to be the bearer of traditions, and the mediator of cultural relations. Our research is focused on such basic features of the genre as the need for an all-comprehending explanation, the evaluation of human behavior, the ambivalence of the moral situation and generalizing judgments.

Keywords: parable, genre, secular parable, function of parable, categories of parable, Russian Soviet literature of the twentieth century.

Сведения об авторе: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой грамматики и истории немецкого языка. Место работы: Московский государственный лингвистический университет.

About the author: Bazylev Vladimir Nikolayevich, Doctor of Philology, Head of the Department of German Studies. Place of employment: Moscow State Linguistic University.

E-mail: v-bazylev@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>

E-mail: v-bazylev@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>

Введение в тему

Любой жанр со временем претерпевает формальные и содержательные изменения. Относительно устойчивая картина жанров литературного творчества характеризует лишь короткий отрезок культуры. Затем она приходит в движение: меняется иерархия жанров, идет активный эксперимент, затрагивающий их и приводящий в ряде случаев к новой трактовке жанров, введению в литературную практику как жанров забытых, так и совершенно новых.

По словам В. В. Дементьева, «развитие языка неверно было бы представлять себе только как “выпрямление” не прямой коммуникации: если научный и деловой дискурсы подтверждают это положение, то художественный и обиходно-бытовой дискурс иллюстрирует скорее то, что выпрямление есть лишь временный момент в развитии изгиба» [1: 497].

Из небольшого повествовательного произведения назидательного характера, содержащего религиозное или моральное поучение в иносказательной (аллегорической) форме, притча преобразовалась в эпический жанр, в основе которого лежит принцип параболы. Это произошло в веке XX и нашло свое отражение в серии проблемных публикаций в рамках актуальных исследовательских парадигм. Интерес вызвал феномен художественного сознания в зеркале притчи и притчи как условной художественной формы.

С позиций когнитивного подхода внимание привлекла притча в контексте религиозной когнитологии. Не была обойдена вниманием притча в семиологических исследованиях: исследовались ее архетипические корни, ее функции в музыкальном и драматическом театре, ее инициационные функции. Психология, психолингвистика и социоллингвистика интересовались притчей с позиций потенциальных и реальных возможностей ее использования в психологической поддержке, мотивации и профориентации [2–6].

В парадигме исследования речевых жанров притча вызвала пока фрагментарный интерес. Укажем на две работы, которые были целевым образом написаны в названной парадигме: статья Е. Ю. Балашовой, посвященная евангельской притче, и статья С. Г. Воркачева, посвященная притче в произведениях А. Платонова.

По мнению Е. Ю. Балашовой, жанр евангельской притчи является неотъемлемой частью системы жанров и в то же время

представляет собой своеобразный подтип, занимающий промежуточное положение между первичными и вторичными религиозными жанрами. Таким образом, исследование жанра притчи вносит существенный вклад в изучение жанровых образцов религиозного дискурса, а также его жанровой специфики в целом. Е. Ю. Балашова предлагает лингвофилософский анализ евангельской притчи о неводе на материале русскоязычного и англоязычного Нового Завета, а также анализ православных и протестантских толкований упомянутой притчи.

С. Г. Воркачев же сосредоточил свое внимание на оппозиции утопии притче. По его словам, юродивость, профетичность, иносказательность – это те признаки, которые сегодня в большей мере выступают жанровыми признаками именно притчи. Наставления заимствуются из подобий окружающей природы или из обыкновенной жизни человеческой. В притче-повести или в притче-романе реализуется попытка автора заставить читателя поинтересоваться жизнью и усвоить совершенно новый подход, способный изменить то, как мы живем [7: 55–59; 8: 313–326].

При всем том, что исследование притчи носит не единственный характер, когда читаешь вышеупомянутые работы, остается впечатление недосказанности. Недосказанность о притче как современном жанре литературы подсказывает актуальность обращения к ней как пока не исчерпанной до конца теме исследования.

Притча: потребность всепостигающего объяснения

Материалом для нашей статьи мы выбрали отечественную художественную литературу второй половины XX века. Прежде всего, в этих текстах бросаются в глаза попытки молодых героев выносить целостную оценку об окружающем их мире, а художественные конфликты основываются на демонстративном протесте. В основе этого лежит опыт переосмысления принципов юным поколением, придание морализирующих, философских черт конфликтной ситуации. Идею содержания проявляется при этом, в том числе, в поэтизирующих, обобщающих формах притчи.

Обостряющую конфликтную силу поэтическим средствам жанра притчи придает подающаяся разгадке параллель между индивидуальным и общим, опирающаяся на утверждение логической и нравственной ценностей. В этой игре взаимосвязей из социально-пси-

холологических аспектов, конфликтных ситуаций главным и решающим является психологическая аргументация – ей подчинен жизненный материал. В повестях И. Мераса, в коротких исторических зарисовках Ю. Щербака, в легендах Ч. Айтматова, в исторических произведениях Я. Красса личностные судьбы изнутри возвышают рассказанное до уровня притчи. В переживаемых конфликтах сталкиваются и разряжаются противоположные полюсы идеального и действительного, родового и индивидуального.

Выраженное в личности, психологизированное общественное содержание является в некоторой степени художественной реакцией на мнимый и реальный антипсихологизм, на «экстериоризованный» реализм литературы предшествующих лет. В притче стремление охватить все бытие в целом проникает в действие, которое, освободившись вследствие этого от условностей конкретной ситуации, завершается в своей отвлеченной многозначности, подобной иконическому изображению.

Для притчи как жанра не характерен социальный критицизм, в прошлом она ищет не причины, а всеобъемлющего объяснения жизни и смерти как аргумента.

В поисках этого всепостигающего объяснения притча прибегает к экспериментальным случаям интериоризации заведомо положительных идеалов. Поэтому она отсеивает, устраняет из действия посторонние моменты, сохраняя лишь стержневые.

Это отнюдь не означает ухода, отстранения от постоянно воспроизводимых конфликтов современной советской действительности, речь идет лишь о привнесении некоторой опосредованности.

Человеческая личность, принимая на себя разрешение этих противоречий, пробует определить свои способности и возможности и приобрести необходимые знания. Жизненные условия российского общества вполне пригодны для освещения крупных, уже разрешенных коллизий, для выведения синтеза на основе аналитически раскрытых отдельных ситуаций. При разрешении задач, поставленных судьбой нации, в притче с моралью сталкивается не общественная законность, а альтернативы морали: как определять и претворять в жизнь положительные идеалы? В этом отношении притча последовательна: герой сам по себе олицетворяет добро, утверждает его самим собой и стремится не уничтожить зло, а обойти его, избежать. Поэтому часто встречаем мы «слабых героев», себя приносящих в жертву: в притчах ударение ставится на ответственность человеческой личности за свои действия, на этическую

гуманность, дополняющую обстановку идеологически-политической гуманности.

В 1974 г. Г. Владимов опубликует повесть «Верный Руслан» с подзаголовком «История караульной собаки». Руслан – овчарка, охранявшая эков. Мир в повести увиден как бы глазами собаки и показан через ее ощущения и переживания. Судьба Руслана – история о том, как люди превратили милого щенка, предназначенного пасти овец, в страшного караульного пса. Не случайно повести предпослан эпиграф: «Что же вы наделали, господа!» – реплика из пьесы М. Горького «Враги». Пес символизирует покорность, верность службе и Хозяину – черты, присущие несвободным людям. Но собака лучше людей-охранников, в ней нет злобы, свойственной человеку. Когда начальник лагеря стал обливать водой эков, отказавшихся в жестокий мороз выйти на работу, все овчарки вцепились в шланг и с остервенением начали грызть его. После смерти Сталина лагерь закрыли, и Руслан, как все собаки из лагерной охраны, оказался никому не нужен. Но он боготворит Хозяина – охранника, вспоминает о нем как о высшем существе и тоскует по прежней «работе». День за днем пес бежит на станцию, проверяя, не прибыл ли эшелон с новыми заключенными. И вот однажды на станцию приходит состав с молодыми строителями – они должны возвести на месте лагеря комбинат. Руслан и другие караульные собаки окружают колонну, как когда-то они окружали строй арестантов, и не дают людям выйти. В завязавшей схватке Руслан смертельно ранен. Эта сцена – символическое напоминание, а в целом – притча об обществе [9].

Основной задачей в конфликтах идей, ситуаций и характеров, как мы видим в вышеприведенном фрагменте, является создание возможного синтеза. Аргументационная цепь создания синтеза может развиваться в двух направлениях: как нацеленная в будущее или как обращенная в прошлое. В притчах в основном встречается последняя. Не вымышленный идеал образует действие, а из самих конфликтов вырастает осознание ценности человеческого выбора, поведения. Однако развертывание действия уравнивается, «заранее продумано», как в «эзоповой речи». Событийная, хронологическая пресуппозиция менее важна, чем подготовка «рассуждения», в интересах повествовательной реализации этически выдержанного сюжета.

В этом смысле притчу можно рассматривать как прием, противоположный пародии. Пародия строится как обнажение несоответствия между содержанием и формой жанра, ее главный аргумент – отрицание, как и у литературных эпох, находящихся в процессе

экстенсивного развития. Притча более тесно связана с интенсивным развитием литературы и аргументирует – в противовес отрицанию – утверждением. Историческую правду, архиправду этических случаев она удостоверяет не в качестве вызова, а как призыв.

Притча удваивает состояние конфликта и его разрешение, и в действии реализуется в сложных взаимоотношениях между персонажами, героями. В нарративном плане к этому присоединяется авторская ценностная позиция, выражаемая в эмоциональной окраске повествования и свидетельствующая о самоотжествлении с утверждаемыми ценностями.

Осознание значительности выраженных в действии ценностей в повестях Ч. Айтматова, произведениях В. Шефнера, Ю. Щербака осуществляется именно в таком двойственном ключе. Актуализирование, произведенное повествователем, придает конфликтам больший вес. Как раз актуализирование дает повестям-притчам возможность избежать переоценки действительности «вневременных» этических категорий, поисков какого-то неподдающегося изменения вечного морального кредо. Ситуация складывается, моральный выбор происходит не сам по себе, а как определенный момент общественного развития, как особый случай распознавания и вынашивания противоречий. Конечную точку на этом пути, самый высокий накал борьбы являет собой личность, олицетворяющая ту или иную ценность бытия.

Притча: оценка поведения человека

Основная функция действия в притче, направленного нарочитым пафосом к одному фокусу, заключается в том, чтобы создать такую ситуацию, в которой человеческое поведение легко поддавалось бы измерению и оценке. Достижению этой цели служит герой и переживаемый им конфликт во всех перипетиях.

Наиболее распространенный прием, когда герой выступает, словно особое сигнальное устройство, инстинктивно распознающее ценности. С помощью чувств и эмоций он отфильтровывает из событий всякую социальную нагруженность. Качества, полученные, таким образом, в чистом виде, – Добро и Зло, Полезное и Вредное, Прекрасное и Безобразное – он противопоставляет друг другу, находя в них конфликт и в тех случаях, когда общество легко склоняется к компромиссам.

В качестве примера можно сослаться на повесть Даниэля «Говорит Москва», на тот ее притчевый фрагмент, в котором правительство официально объявляет о «Дне открытых

убийств», когда каждый человек имеет право убить любого человека. Чувство страха возникает не из-за фантастического указа как такового, а из-за безразличия и спокойствия, с которым он воспринимается обществом.

В повести Синявского «Любимов» притчевый поступок, чуждый даже и тени компромисса, разрешает конфликт путем перенесения его из сферы непосредственного действия в лишенный случайностей мир ценностей, чтобы, дав ему там подходящую оценку, обратно спроецировать в действительность.

Напомним, что велосипедный мастер Лень Тихомиров, овладевший даром чудотворца, пытается построить «правильное» общество на территории провинциального городка Любимова, не прибегая к насилию и запугиванию. Но попытка терпит полный крах: правление «хорошего» Лени Тихомирова удручающе напоминает повседневную действительность своей эпохи. Не случайно появление в тексте такого индексального персонажа как Нелин – оборотня, который может преобразовываться в волка. Перед смертью он воеет в Горках (аллюзия на последние дни первого вождя советского государства В. И. Ленина, окончившего свой жизненный путь в одноименном поместье под Москвой) на Луну и признается: «Мы крупно просчитались в своих расчетах» [10: 106].

Основной чертой моральной ситуации, как и моральной ситуации вообще, в данном случае является альтернативность. Человеческим фактором усугубляется здесь то, что рассчитывать на успех, сопротивляясь, противоборствуя с таких позиций, едва ли представляется возможным. Поэтому и герой, чтобы изъять из мира зло, вынужден себя изымать из зла. Этическая ценность действует у него непосредственным рычагом поведения и принуждает его к выбору, к тому, чтобы остаться самим собой, отторгнув злое окружение.

Так, в рассказе «Районный чемпионат по домино» вокруг участников турнира происходят природные бедствия, идет война, мир гибнет в глобальной катастрофе, а ключевой фразой становится реплика: «Всегда нужно выбирать главное!». А главное на фоне разрушения мира – сделать так, чтобы в чемпионате победили свои [11: 73].

Как видно, верность этому воображаемому идеалу находит опору в жизненных потребностях большего коллектива, чем его непосредственное окружение.

Притча: амбивалентность моральной ситуации

В условиях конфликта между давящей, унижающей атмосферой существования и стой-

ким характером, способным принести в жертву даже себя самого, герой притчи по основному закону психологически-нравственной энтропии, обращается за поддержкой к энергиям сказок и древних легенд этногенеза.

Для иллюстрации сказанного позволим себе привлечь материал повести-сказки «Белый пароход» Ч. Айтматова, который является как бы увертюрой к такой художественной установке. Пафос его жертвы, воспринимаемой с болью и как обвинение обществу, заключается в актуализированном воспроизведении мотива «Мессии», общеизвестного подвига горьковского Данко. Человеческое жертвоприношение совершается в обстановке низведенного до уровня конформистской действительности сказочного мира во имя восстановления этической цельности мироздания.

Историческая глубина, которую придает повести легенда, сохраняющая память о прошлом, обеспечивается, в первую очередь, не за счет дистанции, существующей и во времени и в культурном развитии, а благодаря показу непреходящей нравственности. Соответственно этому Ч. Айтматов распределяет повествовательные перспективы и установки. Сказки принадлежат мальчику – об этом ясно говорится в самом начале повести, – а оценки выносит повествователь. Важно, что мир значительности собственной сказки и той, другой, которую рассказывал дед, будет формироваться и переживаться мальчиком. Зато указание на потерю делает очевидной и авторскую перспективу: «У него были две сказки. Одна своя, о которой никто не знал. Другая та, которую рассказывал дед. Потом не осталось ни одной. Об этом речь» [12: 7].

Чувство раздробленности мира можно изжить лишь путем трагедийного избавления. Лишенность сказки укрепляет в душе мальчика принятую на детскую веру зависимость от мифов. Отсюда черпает он идеал Добра и, опираясь на сказки, эвфемически переосмысливает его как данное природой человеку убежище.

При этом рассказчик будто упраздняет роль непрерывного процесса действия, чтобы подчеркнуть притчевый характер повествования, его поучение. Манера писателя идти в ногу с разворачивающимися событиями или иногда забегать вперед и на основании знания всей истории делать предостерегающие намеки и комментирующие отступления – эта полная напряжения игра пронизывает всю ткань произведения.

«С этого, пожалуй, все и началось», – отмечает повествователь о покупке школьного портфеля, чтобы полной предчувствий немногословностью придать ситуации напря-

жение, а приближаясь к концу третьей главы, завершает свое горькое от сочувствия предсказание: «Мальчик не знал еще, узнает потом, что такие в точности портфели будут почти у половины класса. Но и это все равно не смутит его, его портфель останется самым необыкновенным, совсем особенным портфелем. Он не знал также, что его ждут новые события в его маленькой жизни, что наступит день, когда он останется один на всем белом свете и с ним будет только портфель. И причиной всему явится его любимая сказка о Рогатой матери-оленихе...» [12: 36].

Беспрерывно направляющее читательскую интерпретацию, корректирующее и дополняющее ее авторское присутствие несет в себе двойную установку: с одной стороны, в нем отражается впечатление от заново переживаемой истории, с другой стороны, скрытый за формой монолога читатель, которому рассказываются и объясняются события. Айтматов сохраняет убедительность интерпретации тем, что растворяет ее в действии, поэтому кажется спорной эффективность и «правомерность» прощального монолога, приуроченного к произведению интекстуально, т. е. поставленного вне текста повести. В этой вылившейся в нравоучительную зарисовку концовке трагедийный финал получает оптимистическое переосмысление, приобретает героический оттенок.

Благодаря слитым воедино точкам зрения, двойной установке, обрастание мотивами действия постепенно берет направление к кульминации, к прощальному эпизоду: «Ты прожил, как молния, однажды сверкнувшая и угасшая. А молнии высекаются небом. А небо вечное. И в этом мое утешение» [12: 106].

Намерению преобразовать повествование в притчу содействует тот факт, что рассказчик, будучи в курсе всех событий до самых мелких подробностей, получает право сразу отделить своего героя от фона его окружения и может выволить его из детерминирующих общественных обстоятельств. Таким образом, мальчик становится одновременно слабее, чем слабый Момун, и сильнее, чем сильный Орозкул. Чтобы доказать это, писатель характер и судьбу Орозкула освещает только несколькими скупой и метко сформулированными оценочными суждениями. «Вот там, в городе, жизнь так жизнь! Туда бы двинуться, там бы где пристроиться. Там умеют уважать человека по должности. Раз положено – значит, обязан уважать. Большая должность – больше уважения. Культурные люди» [12: 49].

Притча: обобщающие суждения

Притча, как мы могли убедиться выше, отдает предпочтение интенсивному способу изображения героя, кратко, ясно выраженному действию. Неполнота изображения дополняется и компенсируется обобщающими суждениями, содержащими жизненную философию и нравоведение и адресованными из уст героя и рассказчика читателю.

Именно так воспринимается «Кавказский пленный» В. Маканина в тех его частях, которые можно интерпретировать как притчу. Дело в том, что все противостояния (Россия – Азия, Гуров – Алибеков, Рубахин – пленный кавказец) – это палимпсестный интеллектуальный ребус. На поверхности – действительно противостояние. Но под ним кроется древний, как мир, вопрос: что есть красота, и почему ее обожествляют люди? Начало текста: «Солдаты, скорее всего, не знали про то, что красота спасет мир, но что такое красота...они, в общем, знали» [13: 6].

Красота в итоге гибнет немо, не выдав своего вечного секрета. А все, что важно, доносит до читателя автор-рассказчик. Возникает некоторая логическая параллель и поэтическая пропорциональность между повествовательной интерпретацией рассказанной истории и манерой, приемами изложения. Благодаря мысленной преформации притча конструируется сознательно и определенным образом, усиливается вторичная мотивированность речи, подчиняясь функциям образования новых знаков и значений.

Не случайно рассказанная история, вставка, не имеющая отношения к действию, воспринимаются как постоянно действующий, осязаемый элемент повествования. Они пронизывают все действие, судьбы героев и претерпевают как оскудение, так и обогащение значений. Как уже отмечалось, прошлое в притче присутствует не как история, а как способ нравственной аргументации. Отказ от историзма является основополагающим жанровым свойством притчи, ведь только за счет этого она способна выявить в действии сущность бытия.

Заключение

В концовке, прощальном монологе писатель обычно выводит поучение, выносит эмоциональный образный приговор случившемуся, чтобы тем самым подчеркнуть истинное значение притчи-судьбы.

Отсюда неприменный ораторский пафос, четкое разъяснение своей позиции, обращение к читателям с точки зрения своего собственного я.

Мир притчи – расширяющийся мир, конкретная ситуация, приобретает универсальную значимость. Но библейская ясность притчи реализуется в сложных коллизиях, в национальных и общественных рамках. Анализ такой сложности и усложненности не под силу дидактическому нравоведению и требует большего для определения этического качества жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
2. Агранович С. З., Саморукова И. В. Гармония–цель–гармония: Художественное сознание в зеркале притчи. М.: МИСиС, 1997. 134 с.
3. Берестовская Л. Е. Библейские притчи в контексте религиозной когнитологии // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2000. № 2. С. 60–63.
4. Кушнарева Л. И. Притча как жанр // Язык. Этнос. Сознание = Language, ethnicity and the mind. 2003. Т. 2. С. 205–208.
5. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Притча как средство инициации живого знания // Философские науки. 1989. № 9. С. 101–104.
6. Смирнов А. Ю., Чикина О. Н. Использование притч в психологической поддержке, мотивации, профориентации. М.: Навигатум, 2016. 210 с.
7. Балашова Е. Ю. Речежанровый анализ евангельской притчи на материале православных и протестантских источников // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 55–59. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59>

8. Воркачев С. Г. Утопия или притча: идея смысла жизни в творчестве Андрея Платонова // Жанры речи. 2012. Вып. 8. С. 313–326.
9. Владимов Г. Н. Верный Руслан. М.: АСТ, 2000. 180 с.
10. Синявский А. Любимов. СПб.: СП «Старт», 1992. 127 с.
11. Булычев Кир. Великий Гусляр. Минск: Юнацтва, 1987. 280 с.
12. Айтматов Ч. Белый пароход. Л.: Лениздат, 1981. 114 с.
13. Маканин В. С. Кавказский пленный. М.: ЭКСМО, 2009. 448 с.

REFERENCES

1. Dement'ev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
2. Agranovich S. Z., Samorukova I. V. *Garmoniya–cel'–garmoniya: Hudozhestvennoe soznanie v zerkale pritchi* [Harmony–goal–harmony: Artistic consciousness in the mirror of the parable]. Moscow, MISiS Publ., 1997. 134 p. (in Russian).

3. Berestovskaja L. E. Biblical parables in the context of religious cognitology. *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 2000, no. 2, pp. 60–63 (in Russian).

4. Kushnareva L. I. Pritcha kak zhanr [The parable as a genre]. *Jazyk. Jetnos. Soznanie = Language, ethnicity and the mind*, 2003, vol. 2, pp. 205–208 (in Russian).

5. Mushelishvili N. L., Shrejder Ju. A. Pritcha kak sredstvo iniciacii zhivogo znaniya [Parable as a means of initiation of living knowledge]. *Filosofskie nauki* [Philosophical science], 1989, no. 9, pp. 101–104 (in Russian).

6. Smirnov A. Ju., Chikina O. N. *Ispol'zovanie pritch v psihologicheskoy podderzhke, motivacii, proforientacii* [The use of parables in psychological support, motivation, career guidance]. Moscow, Navigatum Publ., 2016. 210 p. (in Russian).

7. Balashova E. Ju. Speech genre analysis of the gospel parable on the material of Orthodox and Protestant sources.

Speech Genres, 2018, no. 1 (17), pp. 55–59 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59>

8. Vorkachev S. G. Utopiya ili pritcha: ideya smysla zhizni v tvorchestve Andreja Platonova [Utopia or parable: the idea of the meaning of life in the works of Andrei Platonov]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2012, iss. 8, pp. 313–326 (in Russian).

9. Vladimov G. N. *Vernyy Ruslan* [Faithful Ruslan]. Moscow, AST Publ., 2000. 180 p. (in Russian).

10. Sinjavskij A. *Ljubimov* [Lyubimov]. Saint Petersburg, Start Publ., 1992. 127 p. (in Russian).

11. Bulychev Kir. *Velikij Guslar* [Great Guslar]. Minsk, Junactva Publ., 1987. 280 p. (in Russian).

12. Ajtmatov Ch. *Belyj parohod* [White steamer]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1981. 114 p. (in Russian).

13. Makanin V. S. *Kavkazskij plennyj* [Caucasian prisoner]. Moscow, JeKSMO Publ., 2009. 448 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Базылев В. Н. Притча: переосмысление жанра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 222–228. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-222-228>

For citation

Bazylev V. N. Reconsideration of the Parable. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 222–228 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-222-228>

Поступила в редакцию: 26.09.2019 / Принята: 12.11.2019 / Опубликовано: 31.08.2020

Received: 26 September 2019 / Accepted: 12 November 2019 / Published: 31 August 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ЖАНРЫ СМИ

УДК 82-92+81'42

ББК 83.3+76.02

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-229-237>

Н. А. Пром
Волгоград, Россия

Natalia A. Prom
Volgograd, Russia

Медиафакт как единица жанра

Исследование посвящено медиафакту как единице медиаречи и медиажанров, в частности. Цель предлагаемой статьи мы видим в том, чтобы показать, как медиафакты образуют жанры.

В работе принята широкая трактовка понятия «медиафакт», основной характеристикой которого является нацеленность на подачу событий в их актуальности. Медиафакт – это любая информация в медиа, которую реципиент считает фактом и принимает во внимание, выстраивая свое отношение к окружающему миру. Факты могут быть правдивыми, ценностно-обусловленными и лживыми. При этом каждый обладает потенциалом обуславливать поведение и поступки современного человека.

В статье рассматриваются существующие на данный момент классификации медиажанров, особое внимание уделено диалогической природе последних, которая и позволила обосновать положение о том, что именно факты образуют жанры в медиадискурсе.

Исследование выявило функциональный спектр медиафактов, входящих в состав жанров. Установлено, что новостные жанры содержат факты, отражающие объективную реальность, и выполняют информирующую функцию. Аналитические жанры включают медиафакты, задача которых состоит в том, чтобы адаптировать объективную реальность к ценностям социума. Это дает возможность создать широкую и многовариантную картину действительности, обусловленную разными оценками объективной реальности. Реклама и развлекательный контент обладают встроенной в них структурой реальности, а именно, вымышленной, специально сконструированной или организованной, которая выступает в качестве их онтологической характеристики. Они расцениваются как жанры, содержащие факты, искажающие объективную реальность. Полифункциональность и структурная нестабильность жанров объясняется присутствием в них медиафактов разных функциональных типов.

Ключевые слова: медиажанр, жанровая система, медиафакт, диалогичность, объективная реальность, функциональность жанров медиа, ценности.

Mediafact as a Genre Entity

The study deals with the media fact as an entity of media speech and media genres, in particular. The purpose of this article is to show how media facts form genres.

The author adopts a broad interpretation of the concept of "media fact," the main characteristic of which is the focus on the presentation of events in their relevance. A media fact is any information in the media that the recipient considers to be a fact and takes into account, building his attitude to the world around him. Facts may be true, value-based, or false, with each of them having a potential to determine the behavior and actions of a person.

The article analyses the existing at the present moment classifications of media genres; focusing on the dialogical nature of genres, which has enabled substantiating the presumption that it is facts that form genres in media discourse.

The study has revealed the functional spectrum of media facts that make up genres. The news genres have been established to contain facts that reflect objective reality and perform an informative function. The analytical genres include media facts whose task is to adapt objective reality to society's values. Advertising and entertainment contents are regarded as genres that consist of facts that misconstrue the objective reality. Different assessments of objective reality make it possible to create its broad and multivariate picture. Advertising and entertaining content have a built-in structure of a reality that is fictional, specially designed or organized, which acts as their ontological characteristic. They are regarded as genres containing facts that distort objective reality. The multifunctionality and structural instability of genres are determined by the presence of media facts of different functional types.

Keywords: media genre, genre system, media fact, dialogism, objective reality, functionality of media genres, values.

Сведения об авторе: Пром Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки».

Место работы: Волгоградский государственный технический университет.

E-mail: natalyprom77@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2711-4916>

About the author: Prom Natalia Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Volgograd State Technical University.

E-mail: natalyprom77@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2711-4916>

Введение

Логика научного знания требует называть фактом «повествовательное предложение, освобожденное от модуса», и противопоставляет его домыслу, догадке, шутке, клевете, неправде. Н. Д. Арутюнова отмечает небрежность использования имени *факт* как в обыденной речи, так и в речи философов и методологов науки, допускающих «словоупотребление, которое ставит знак равенства то между фактами и событиями, то между фактами и утверждениями». Близкая связь факта и события выражается таким признаком факта, как соответствие объективной реальности. Смещение фактов и утверждений, напротив, ставит под сомнение истинность и объективность фактов, восстанавливая связь с автором речи. Так, вместо априори *достоверных фактов* появляются *неверные факты* [1: 488–506] как постмодернистский оксюморон.

В медиадискурсе данное явление приобрело особый масштаб. «Отказ от традиции в пользу многовариантности истины либо ее отсутствия» [2: 225] еще больше ослабил конвенциональные характеристики факта, на статус которого претендует сейчас любое, не всегда экспертное, мнение. Под воздействием медийности факт приобретает расширенное толкование [3] и характеризуется нацеленностью на подачу событий в их актуальности [4]. Следовательно, медиафактом является любая информация в СМИ, которую реципиент считает фактом [5, 6], ориентируется на него как на правдивый, учитывает в речи и поведении, принимая релевантные решения.

По мнению А. Е. Кибрика, структура высказывания, содержащего журналистский факт, должна повторять структуру ситуации и отражаться в пропозиции, состоящей из предиката (события) и его аргументов [7]. Вместе с тем медиафакт часто выходит за рамки пропозиции, поэтому основанием для выделения его границ становится минимальная функционально-смысловая завершенность его изложения [8]. Смысловой аспект раскрывается журналистской формулой новости «что-где-когда случилось?», отражающей событие действительности с множеством деталей, каждая из которых сама является фактом. Функциональный аспект медиафакта состоит в его

способности передавать субъективные смыслы актуализации, оценочности и др. [9], что не способствует четкости синтаксических границ медиафакта.

Медиафакты являются речевыми единицами, которые реализуют цели медиадискурса – информирующую, воздействующую и развлекательную [10]. Факты, отражающие действительность, обеспечивают информирование; факты, содержащие аксиологическую интерпретацию события, создают определенное воздействие на адресата; факты, ключевыми содержательными элементами которых является вымысел, подобно кривому зеркалу, искажают окружающий мир для достижения воздействующей либо развлекательной цели.

По нашему мнению, эти функциональные типы медиафактов образуют жанры. В медиадискурсе жанровая категория хотя и не лишена дискуссионности, но, в отличие от жанров повседневного общения, довольно тщательно разработана. Это связано с тем, что жанр интерпретируется не только как форма репрезентации материала, но и как метод работы с информацией, руководство по созданию публицистического текста [11, 12] в профессионально-практических и методических целях.

Задачу нашего исследования мы видим в том, чтобы показать, как медиафакты образуют жанры. В этой связи важно отметить, что мы не намерены пересматривать уже существующие жанровые классификации, а берем за основу некоторые жанровые теории.

Медиажанры в филологии

Проблема влияния жанра на процесс создания текста, в том числе медийного, не становилась объектом успешных лингвистических исследований. Напомним ряд релевантных для нашей работы положений жанровой теории М. М. Бахтина. Его понимание жанра как типической формы высказывания в типических обстоятельствах приводит к формированию представления о жанре как о модели, которая предполагает диапазон различных реализаций по определенным параметрам. Речевые жанры, по мнению ученого, имеют нормативное значение для создающего устный либо письменный текст, а процесс создания высказывания включает речевой за-

мысел автора, который определяет выбор предмета речи и речевой жанр, от него, в свою очередь, зависит выбор языковых средств [13: 159–206].

В российской теории журналистики, на основе метода и функции отображения, выделяются информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры [12: 202–203]. Вместе с тем многие теоретики журналистики и журналисты-практики считают данную классификацию, созданную в 80-е годы прошлого века, устаревшей. В основу новых жанровых типологий текстов СМИ положены такие принципы, как интенция (описать, проинформировать, разрекламировать, высмеять), композиционные формы речи, образ автора (человек социальный/человек частный), модальность (объективная/субъективная), оценочность (скрытая/открытая) и т. п. [14]. По субъекту фокуса (событие, анализ, эмоция) выделяются новостные, аналитические и эмоциональные жанры [15]. Предлагаются также описания отдельных жанров без выстраивания общей типологии [16, 17].

В медиалингвистике выделение жанров не всегда может решить проблему типологизации медитекстов, поскольку текст часто демонстрирует признаки разных жанров, что затрудняет однозначную идентификацию. Списки жанров при этом регулярно обновляются. Не опасаясь эклектики, культура постмодерна поощряет как внутридискурсные, так и междискурсные смешения жанров. Все эти процессы приводят к пониманию жанра как дискурсивной практики, зависящей от контекста [18: 591].

Важным для нашей работы является положение о разной степени раскрытия авторской индивидуальности: от стандартизированных до нерегламентированных текстов [19, 20]. Стандартизированные жанры диктуют автору модель построения текста, а адресату – однозначную интерпретацию коммуникативных намерений автора. Нерегламентированные жанры текстов предполагают свободу автора в определении текстового содержания, структуры и выбора языковых средств, а также множественность интерпретаций адресата [21: 47–48]. Медиажанры, включая юмористические, соответствуют характерному стилю и в то же время допускают авторскую свободу, поэтому в основной массе относятся к типу жанров, модели построения которых носят общий характер [20: 24; 21: 28].

Авторская свобода при создании текста обуславливает, с одной стороны, вариативность интерпретаций и, с другой – процесс размывания жанровых границ, получивший название гибридизации жанров журналистики. Т. В. Шмелева связывает это с фено-

меном уплотнения одних жанров другими, включая жанры других дискурсов, объясняя данный процесс расширением функциональности (полифункциональностью) современных медиажанров [22: 274]. В других исследованиях жанры СМИ теряют когерентность и «представляет собой набор типов текстов, выделенных на разных основаниях с чисто прагматическими намерениями на основе профессионального здравого смысла» [23: 59]. Когнитивный подход рассматривает жанр как прототип – «лучший образец класса» текстов, создаваемых по образцу с помощью принятого набора дискурсивных и языковых средств [24: 74]. Следствием данного процесса расширения и перехода жанровых границ становится необходимость регулярного обновления типологического описания текстов массовой коммуникации. Вместе с тем, несмотря на то что жанровая система не всегда остается стабильной в стремительно развивающихся медиа, где, кроме гибридизации, фиксируется появление новых жанров и заимствования из других культур [25: 8–10], мы не спешим отказывать ей в системности. Кроме того, если принимать во внимание существование более мелких и мобильных единиц, чем жанр, а именно, медиафактов, подобные проблемы становятся менее тревожными, поскольку воспринимаются как процесс эволюции жанров [26: 9].

В этой связи интерес для нашей работы представляет исследование построения газетных речевых жанров в работе Л. Р. Дускаевой [27]. Жанрообразование здесь представлено как продуцирование журналистского произведения определенной жанровой разновидности как последовательно раскрывающийся ряд предусмотренных моделью тем. Например, коммуникативные ожидания читателей информирующих жанров отражают такие жанрообразующие вопросы, как: *что и как, где, почему сложилось? кто действующие лица в событиях, каковы их действия, каковы их мнения и позиции?* и пр. [27: 87]. Другими словами, журналист отвечает на ряд вопросов, каждый из которых является гипотетически адресованным ему запросом относительно будущего сообщения. Телевизионные новостные, аналитические и развлекательные форматы отличаются от жанров прессы, однако структурная диалогическая основа в них также прослеживается.

Мы рассматриваем жанры как форму дискурсивной репрезентации объективной реальности и считаем, что ответ на каждый из этих вопросов представляет собой медиафакт, содержащий завершённый смысл, поскольку дает ответ на определенный вопрос, и выполняющий одну из указанных выше функций – отражение объективной реальности, ее адап-

тация к ценностям аудитории, либо искажение объективной реальности. Рассмотрим данные функциональные типы фактов в жанрах медиа.

Отражение объективной реальности в новостных жанрах

В терминах концепции Л. Р. Дускаевой, на основе гипотетических вопросов аудитории в процессе создания новостного текста формируются ответы-жанры «Сообщение о событии», «Сообщение о пространстве события», «Сообщение о причинах события», «Сообщение о последствиях события» и т. п., которые, по сути, являются фактами. Так, именно факты образуют жанры. Данная концепция представляется применимой к медиажанрам вообще с оговоркой о том, что часть запросов может удовлетворяться невербальным компонентом (видео, фото, рисунком и т. д.), которые также расцениваются как факты, например, фото-факт.

Приведем примеры фактов-ответов на поставленные вопросы в новости о происшествии *У побережья Кипра нашли затонувшее древнеримское судно с грузом амфор* [N+1, 28.06.2019]. В этом сообщении дана информация о факте обнаружения *древнеримского судна* (что найдено?), *перевозившего амфоры*, (какова его функция?). Приводятся также факты о расположении находки *у южного побережья Кипра*. В тексте обнаруживаются исторические факты, объясняющие вероятное происхождение находки: *В Римской империи Кипр был одним из крупных поставщиков оливкового масла. <...> В египетской Александрии находили сделанные на Кипре амфоры для транспортировки масла. Возможно, кипрское оливковое масло везли в Сирию и даже на Сицилию*. Указываются возможные косвенные факты, объясняющие причины крушения: *Кипр находится в стратегическом месте: владея им, можно контролировать морские пути Восточного Средиземноморья. Поэтому с древности остров все время переходил из рук в руки. Его завоевывали ассирийцы, египтяне, персы*. Ценность находки для историков обусловлена тем фактом, что *это первое кораблекрушение римского периода, которое не было потревожено до того, как его нашли археологи*. Сообщается об аналогичных фактах находок подобного рода, участниках события: *Недавно дайверы-волонтеры из Археологического исследовательского центра Кипрского университета обнаружили у юго-восточного побережья острова, у поселка Протарас, остатки римского кораблекрушения. <...> У города Кирения на северном побережье*

острова, затонуло греческое торговое судно. Нашли его в 1965 году, но ни груза, ни монет, которые должны были храниться у капитана, и которыми он расплачивался за товар, на дне уже не было. Поэтому археологи пришли к выводу, что их опередили грабители.

Медиафакты, отражающие объективную реальность, выполняют информирующую функцию и характеризуются отражательным типом дискурсивной репрезентации [28: 73]. И хотя объективность теряется уже на этапе отбора новостей, данный тип фактов отличается максимальной свободой от интерпретаций и низкой языковой экспрессивностью. Модальность новостного текста не всегда бывает очевидна читателю, а в контексте ретроспективных фактов в примере, приведенном выше, кажется естественной (*маслодавильные прессы могли использоваться для личного хозяйства; возможно, кипрское оливковое масло везли в Сирию; это были останки судна, которое везло груз амфор, по всей видимости, с Сирии и Сицилии; монеты, которые должны были храниться у капитана; археологи пришли к выводу, что их опередили грабители*), поскольку события в далеком прошлом, верификация которых не представляется возможной, нельзя описывать с полной уверенностью.

Все разработанные жанровые системы медиадискурса включают новостные типы текстов, которые призваны отражать объективную реальность. Во всех исследованиях их жанровые и языковые характеристики схожи. Отмечается, что сообщения об одном и том же событии почти совпадают на уровне когнитивных сценариев и языковых средств [28: 74; 29: 77]. Объяснить это можно тем, что правда, как и ее репрезентация, одна, в отличие от подделок под нее, которых может быть много.

Адаптация объективной реальности к ценностям социума в аналитических жанрах

Приведем следующий пример: жизнь муравьев для обычного человека является набором в разной степени понятных действий. Однако если подготовить интересную интерпретацию этих действий, дать им оценку в системе принятых в конкретном обществе ценностей, то есть шанс найти неравнодушную аудиторию. В этом состоит адаптация действительности к потребностям конкретной аудитории, которую осуществляют журналисты и те, кто создает медиаконтент. Оценки позволяют интерпретировать явления, события и характеризовать их участников, определять их роль и место в современной

жизни. Это дает возможность создать широкую и многовариантную картину действительности, обусловленную разными оценками объективной реальности.

Собственные интерпретации в современном медиадискурсе представляют не только журналисты, но и представители разных социальных институтов и групп, эксперты, анализ мнений которых позволяет получить определенный познавательный, а иногда и практический эффект. Оценочное высказывание в медиадискурсе мы считаем также фактом в силу его перформативности, а именно, способности оказывать воздействие на субъективную реальность отдельного и, возможно, массового адресата. Продемонстрируем это на примере проблемной статьи *Как потушить пожар ненависти*, автор которой Антониу Гутерриш – генеральный секретарь Организации Объединенных Наций [Независимая газета, 27.06.2019]. Анализ выявил в тексте наличие фактов (или жанровых циклов в терминологии Л. Р. Дускаевой), обусловленных логикой необходимых коммуникативных действий журналиста и моделируемой активности адресата для достижения жанровой цели [27: 180–181]:

- 1) факт / явление действительности: *Идет зловещая волна нетерпимости и насилия на почве ненависти, неся страдания верующим самых разных конфессий в разных уголках планеты.* Негативная оценка факта выявляется в номинации явления и его описании. Она используется в том числе для привлечения внимания аудитории к данным фактам: *Прискорбно и тревожно, что подобные проявления жестокости становятся привычными;*
- 2) конкретные факты / явления в разных точках планеты: *В последние месяцы стали известны случаи убийства евреев в синагогах и осквернения надгробий на их могилах изображениями свастики; поступали сообщения о расстрелах мусульман в мечетях и разрушении их религиозных объектов, а также о расправах над христианами во время богослужений и о поджогах церквей.* Данные примеры раскрывают опасный общественный конфликт. Авторская оценка не высказывается здесь отдельно, но и не является скрытой. Номинации убийства, осквернения, свастики, расстрелы, расправы, поджоги носят крайне негативный, тревожный характер, а их выбор автором указывает на его глубокую обеспокоенность по поводу данной проблемы;
- 3) факты, отражающие характерные свойства явления, их сопровождает авторская оценка: *На фоне этих ужасных актов насилия получает распространение от-*

вратительная риторика, направленная не только против религиозных групп, но и против меньшинств, мигрантов, беженцев, женщин и любых так называемых чужих. С усилением стихийного пожара ненависти в социальных сетях распространяются идеи фанатизма. Пополняются ряды участников неонацистских движений и групп, исповедующих идеи превосходства белой расы. Подстрекательство применяется как оружие в политической борьбе. Как в либеральных демократиях, так и в странах с авторитарными режимами ненависть становится повседневностью в жизни людей, омрачая существование всего человечества;

- 4) оценка явления, его авторская интерпретация, включающая апелляцию к общечеловеческим ценностям: *Мы считаем ненавистническую риторику посягательством на идеалы терпимости, инклюзивности и многообразия и на саму суть наших норм и принципов в области прав человека. В широком смысле она подрывает сплоченность общества, расшатывает общие устои, может создать почву для насилия и тем самым перечеркнуть то, что было достигнуто в деле упрочения мира и укрепления стабильности, устойчивого развития и защиты человеческого достоинства.*

Проведенный анализ первой части текста позволяет отнести его к жанру «Оценка общественного явления». Вторая часть содержит факты-жанры, характеризующие текст как побудительный. Они представляют собой стимулирование практической активности адресатов. В частности, выявлены:

- 1) факты-прогнозы о последствиях представленной ситуации, предупреждение об их опасности: *Ненавистническая риторика предшествовала тяжчайшим преступлениям, включая геноцид, совершенным в последние десятилетия в разных странах – от Руанды до Боснии и Камбоджи. Боюсь, что мир в очередной раз приближается к важному рубежу в борьбе с демоном ненависти.<...> В сущности, зарождение самой идеи создания организации и ее появление стали свидетельством понимания того, какой кошмар может наступить, если яростная ненависть долго не будет встречать отпора.* Автор предупреждает общество об серьезности развивающейся тенденции;
- 2) факты-предложения способов решения проблемы, сопровождающиеся объяснением своей оценки адресату с целью достичь

согласия: У Организации Объединенных Наций большой опыт мобилизации всего мира на **борьбу с самыми разными проявлениями ненависти с помощью широкомасштабных кампаний, посвященных защите прав человека и утверждению верховенства права.** <...> Именно поэтому я дал старт осуществлению двух инициатив ООН. Во-первых, я только что обнародовал **Стратегию и План действий по борьбе с ненавистнической риторикой, призванные обеспечить координацию работы в рамках всей системы ООН для устранения коренных причин этого явления и повышения эффективности наших действий.** Во-вторых, мы разрабатываем план действий, который позволил бы ООН **полноценно участвовать в деятельности по обеспечению охраны религиозных объектов и безопасности мест отправления культа;**

- 3) факты-призывы к устранению общественной проблемы: Тем, кто упорно сеет страх для разделения людей, **мы должны сказать, что разнообразие – это богатство, а ни в коем случае не угроза. Глубокое и прочное чувство взаимного уважения и чуткость могут оказаться сильнее электронных сообщений, выстреливаемых с интервалом в доли секунды. Мы ни на минуту не должны забывать, что каждый из нас для кого-то и где-то, в сущности, тоже является «чужим». Не может быть иллюзии безопасности, когда ненависть так живуча. Будучи частью единого человечества, мы обязаны заботиться друг о друге.** <...> Ненависть представляет опасность для всех, и поэтому **борьба с ней должна быть делом каждого. Общими усилиями мы сможем потушить пожар ненависти и сохранить идеалы, которые спланивают нас как единую человеческую семью.** и др.;

- 4) факты-предупреждения об опасности неверной модели деятельности: **Разумеется, все усилия по противодействию ненавистнической риторике должны соответствовать основным правам человека. Противодействие ненавистнической риторике не означает ограничения или запрета свободы слова. Речь идет о недопущении перерастания этой риторики во что-то более опасное, в частности в подстрекательство к дискриминации, вражде и насилию, которое запрещено международным правом.**

Анализ показывает, что в приведенном тексте не обнаруживается очевидного доминирования оценочности либо побудительности. Степень экспрессивности и объем расцениваются как равные. Это не противоречит теории и обусловлено, на наш взгляд, тем, что списки оценочных и побудительных журналистских жанров почти совпадают: комментарии, статьи разного рода, рецензии, обзоры, обозрения (в оценочных жанрах, кроме перечисленного, указан очерк) [27: 92]. Отметим, что журналистика избегает откровенных призывов к чему-либо, даже если это абсолютные ценности. Призывы репрезентируются в косвенном виде, например, модальных конструкций: **Настоятельно необходимо усилить борьбу с антисемитизмом, с ненавистью к мусульманам, преследованиями христиан и всеми другими формами расизма, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости;** обращения к конкретным институтам и людям: **В этом деле все должны играть важную роль – и правительства, и гражданское общество, и частный сектор, и средства массовой информации.** Особая ответственность за содействие мирному сосуществованию лежит на **политических и религиозных деятелях** [Независимая газета, 27.06.2019].

В этой связи представляется целесообразным говорить о фактах, выполняющих аксиологическую и побудительную функции, тем более, как показал анализ, в медиадискурсе реальные призывы без оценки малодейственны и в чистом виде представлены редко. Кроме того, важно подчеркнуть, что понятными, актуальными и значимыми для читателя эти факты-интерпретации являются потому, что автор представил факты действительности в аксиологической системе, которую автор и адресаты разделяют. В обществе, не поддерживающем гуманистические принципы, такой текст вряд ли бы нашел отклик и, возможно, был бы воспринят как враждебный. Подобных примеров в современных СМИ немало, но мы видим в этом проблему, которая является предметом отдельного исследования.

Искажение объективной реальности в медиажанрах

Под воздействием разных причин создаются медиафакты, не соответствующие объективной реальности. Это может быть интенция автора дискредитировать кого-то или ввести в заблуждение аудиторию. Так появляются фейки. Вместе с тем аудитория современных медиа создала запрос на виртуальную реальность, а медиа, в свою очередь, осозна-

ли способность конструировать собственный мир с учетом как запросов, так и своих выгод, коммерческих и идеологических. В этой связи фактами, искажающими объективную реальность, мы считаем не только фейки, но и высказывания в рамках таких жанров, как реклама, а также развлекательных жанров и форматов.

Реклама выделяется в отдельную группу жанров в силу мощного воздействия на массовое сознание. Ее функции не ограничиваются продвижением товаров и услуг. В последние годы реклама всё более сосредотачивается на пропаганде определённых жизненных ценностей и установок [30: 137]. Например, в рекламе молочного напитка для детей показывают школьника, который на уроке математики исписал всю доску примерами и требует «Еще!». Он без усталости играет в волейбол на уроке физкультуры и помогает всем девочкам нести портфели. На вопрос, откуда у мальчика столько сил, мама отвечает: *Чтобы ребенку хватало сил в школе, давайте ему Чудо-детки! В школе правильно питайся и с нагрузками справишься!* Здесь создается виртуальная реальность – сконструированное искажение объективной реальности, в которой дети становятся идеальными благодаря питанию. Так, реклама подобно мифу предлагает зрителям простые модели поведения и разъяснение устойчивых жизненных ситуаций [31: 205].

Существование и функционирование развлекательных жанров массовой медийной культуры, таких как ток-шоу, реалити-шоу, фильмы, сериалы, мультфильмы, викторины, конкурсы, игры, «коллекция жанров» (глянцевый журнал, музыкальные, спортивные, детские передачи), также вызваны интересом аудитории. Установка на развлекательность

обуславливает их действенность в конструировании виртуальной реальности, которая стала обыденностью и является способом существования современной массовой культуры [32: 61–62]. С конца 1990-х годов наряду с термином *жанр* медиадискурс оперирует англоязычным словом *формат* (от англ. format – порядок, формальные параметры, концепция организации и т. п.). Разграничение данных понятий филологи видят в большей вариативности и гибридности формата [33: 58], который не отменяет жанра, но использует потенциал воздействия последнего.

Жанры и форматы развлекательного контента и рекламы обладают уже встроенной в них структурой реальности, а именно, вымышленной (мультфильмы), специально сконструированной (реалити-шоу) или организованной (спортивные соревнования), которая выступает в качестве их онтологической характеристики. Виртуальность предусматривает условный модус реальности данных форматов, который, однако, не всегда адекватно идентифицируется аудиторией, поэтому тексты развлекательных жанров и форматов, а также рекламы образуются фактами функционального типа «искажение».

Заключение

Таким образом, медиафакты, будучи единицами меньшего формата, чем жанр, являются более мобильными и образуют соответствующие группы жанров. Полифункциональность и структурная нестабильность жанров объясняются присутствием в них медиафактов разных функциональных типов: отражающие объективную реальность, адаптирующие объективную реальность к ценностям информируемого социума и искажающие объективную реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Маньковская Н. Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. 2018. Т. 4, № 1. С. 192–230. DOI: <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-192-230>
3. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиафакт» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7–15.
4. Демьянков В. З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Ч. 2 / отв. редактор М. Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 68–83.
5. Пром Н. А. Медиафакт: между достоверностью и вымыслом // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). С. 47–54.

6. Пром Н. А. Объективность-субъективность: амбивалентность концепта «медиафакт» // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2018. № 10 (133). С. 89–95.
7. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
8. Козлов А. В. Достоверность журналистского факта, или Как цель оправдывает средства // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 1 (171). С. 72–79.
9. Соловьев Г. М. Феномен социальной коннотации факта в медиатексте // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. 2012. Вып. 1. С. 91–94.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 447 с.
11. Ким М. Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Питер, 2011. 400 с.
12. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2006. 312 с.

13. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.
14. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008. 242 с.
15. Репкова Т. Новое время: как создать профессиональную газету в демократическом обществе. М.: IREX ПроМедиа, 2004. 468 с.
16. Негрышев А. А. Аспекты речевого взаимодействия в новостях СМИ. Владимир: ВГГУ, 2009. 144 с.
17. Редькина Т. Ю. Рекламные тенденции в трэвел-медиа-тексте // Медиа-текст как полиинтенциональная система: сб. статей / под ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. СПб.: СПбГУ, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2012. С. 183–190.
18. Dijk T. A. *Van Discourse and knowledge // Handbook of Discourse Analysis* / eds. J. P. Gee, M. L. Handford: Routledge, 2012. P. 587–603.
19. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 49–67.
20. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (Русский научный академический текст): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 28 с.
21. Пром Н. А. Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 240 с.
22. Шмелева Т. В. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 270–276. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>
23. Коньков В. И. Очерк в системе газетных жанров // Труды кафедры стилистики русского языка. М., 2010. Вып. 3. С. 51–59.
24. Кудрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 72–81.
25. Дементьев В. В. Некоторые методологические принципы изучения речевых жанров // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика, 2016. Т. 20, № 1. С. 7–24.
26. Mast J., Coesemans R., Temmerman M. Hybridity and the news: Blending genres and interaction patterns in new forms of journalism // Journalism. 2017. № 18, iss. 1. P. 3–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884916657520>
27. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожинной. Изд. 2-е, доп., испр. СПб.: СПбГУ: Филол. факультет, 2012. 274 с.
28. Федосеева Е. В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2016. 190 с.
29. Плотникова С. Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 66–81.
30. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. 264 с.

31. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 p.

32. Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014. 326 с.

33. Новикова А. А. Гибридность как определяющий признак телевизионного формата // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 56–65.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).
2. Mankovskaya N. Postmodernism in aesthetics. *Philosophical anthropology*, 2018, vol. 4, no. 1, pp. 192–230 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-192-230>
3. Solganik G. Ya. To the definition of the concepts of “text” and “media text”. *Bulletin of Moscow University, Series 10, Journalism*, 2005, no. 2, pp. 7–15 (in Russian).
4. Demyankov V. Z. Semiotika sobytijnosti v SMI [Semiotics of events in the media]. In: M. N. Volodina, ed. *Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Language of the media as an object of interdisciplinary research], Part 2. Moscow, Izd-vo MGU, 2004, pp. 68–83 (in Russian).
5. Prom N. A. Mediafact: between Credibility and Fiction. *Sign: the Problem Field of Media Education*, 2018, no. 4 (30), pp. 47–54 (in Russian).
6. Prom N. A. Objectivity-Subjectivity: Ambivalence of the Concept of “Media Fact”. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2018, no. 10 (133), pp. 89–95 (in Russian).
7. Kibrik A. E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniiya (universal'noe, tipovoe i spetsifichnoe v yazyke)* [Essays on general and applied issues of linguistics (universal, typical and specific in language)]. Moscow, Izd-vo MGU, 1992. 336 p. (in Russian).
8. Kozlov A. V. Reliability of a journalistic fact, or How the end justifies the means. *News of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture*, 2018, vol. 24, no. 1 (171), pp. 72–79 (in Russian).
9. Soloviev G. M. The phenomenon of the social connotation of fact in the media text. *Bulletin of Maykop State Technological University*, 2012, iss. 1, pp. 91–94 (in Russian).
10. Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 447 p. (in Russian).
11. Kim M. N. *Osnovy tvorcheskoy deyatel'nosti zhurnalista* [Fundamentals of the creative activity of a journalist]. St. Petersburg, Peter Publ., 2011. 400 p.
12. Tertychny A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. Moscow, Aspect Press Publ., 2006. 312 p.
13. Bakhtin M. M. Problema rechevyh zhanrov. Iz arhivnyh zapisej k rabote “Problema rechevyh zhanrov”. Problema teksta [The problem of speech genres. From archival records to the work “The Problem of Speech Genres.” The text problem]. In: *Bakhtin M. M. Sobr. soch.: v 5 t.* [Coll. works: in 5 vols]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996, vol. 5. Works of the 1940s and early 1960s, pp. 159–206 (in Russian).

14. Klushina N. I. *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [Stylistics of a journalistic text]. Moscow, MediaMir Publ., 2008. 224 p. (in Russian).
15. Repkova T. *Novoe vremya: kak sozdat' professional'nyu gazetv v demokraticeskom obshchestve* [New time: how to create a professional newspaper in a democratic society]. Moscow, IREX ProMedia Publ., 2004. 468 p. (in Russian).
16. Negryshev A. A. *Aspekty rechevogo vzaimodejstviya v novostyakh SMI* [Aspects of verbal interaction in the news media]. Vladimir, VGGU, 2009. 144 p. (in Russian).
17. Redkina T. Yu. *Reklamnye tendentsii v trevel-mediatekste* [Advertising trends in travel-media text]. In: L. R. Duskayeva, N. S. Tsvetkova, eds. *Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema: sb. statei* [Media text as a multi-intentional system: coll. sci. works]. St. Petersburg, SPbGU, In-t "Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikatsii", 2012, pp. 183–190 (in Russian).
18. Dijk T. A. Van, J. P. Gee, M. Handford, eds. *Discourse and knowledge. Handbook of Discourse Analysis*. London, Routledge, 2012, pp. 587–603.
19. Kozhevnikova K. *Ob aspektah svyaznosti v tekste kak celom* [On the aspects of connectivity in the text as a whole]. In: *Sintaksis teksta* [Text syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 49–67 (in Russian).
20. Salimovsky V. A. *Zhanry rechi v funkcional'no-stilisticheskom osveshchenii (Russkij nauchnyj akademicheskij tekst)* [Genres of speech in functional-stylistic coverage (Russian scientific academic text)]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Yekaterinburg, 2002. 28 p. (in Russian).
21. Prom N. A. *Sovremennyy gazetnyy sportivnyy reportazh: zhanrovo-stilisticheskij aspekt* [Modern newspaper sports reporting: genre-stylistic aspect]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2011. 240 p. (in Russian).
22. Shmeleva T. V. "Compaction of genres" as a trend in the media sphere]. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 270–276 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>
23. Konkov V. I. *Essay in the system of newspaper genres. Proceedings of the Department of Russian Language Stylistics*. Moscow, 2010, vol. 3, pp. 51–59 (in Russian).
24. Kubryakova E. S. *About the text and the criteria for its determination. Text. Structure and Semantics*. Moscow, 2001, vol. 1, pp. 72–81 (in Russian).
25. Dementyev V. V. Some methodological principles of the study of speech-genre borrowings. *Russian Journal of Linguistics*, 2016, vol. 20, no. 1, pp. 7–24 (in Russian).
26. Mast J., Coesemans R., Temmerman M. Hybridity and the news: Blending genres and interaction patterns in new forms of journalism. *Journalism*, 2017, no. 18, iss. 1, pp. 3–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884916657520>
27. Duskayeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevnykh zhanrov. Pod red. M. N. Kozhinoy* [M. N. Kozhina, eds. *Dialogical nature of newspaper speech genres*]. St. Petersburg, Filol. fakul'tet, 2012. 274 p. (in Russian).
28. Fedoseeva E. V. *Kognitivnye mekhanizmy diskursivnogo konstruirovaniya dejstvitel'nosti v mediadiskurse (na materiale statej o Rossii v sovremennykh angloyazychnykh sredstvakh massovoy informatsii)* [Cognitive mechanisms of discursive construction of reality in a media discourse (based on articles on Russia in modern English-language media)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Irkutsk, 2016. 190 p. (in Russian).
29. Plotnikova S. N. *Cognitive-discursive activity: observation and construction. Studia Linguistica Cognitiva*, vol. 1. Language and cognition: Methodological problems and prospects. Moscow, Gnosis Publ., 2006, pp. 66–81 (in Russian).
30. Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: sistemnyy podhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya anglijskaya mediarech'* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media: modern English media speech]. Moscow, FLINTa Publ., 2014. 264 p. (in Russian).
31. Cristal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 272 p.
32. Buryakovskaya V. A. *Kommunikativnye harakteristiki massovoy kul'tury v medijnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* [Communicative characteristics of mass culture in media discourse (based on Russian and English languages)]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2014. 326 p. (in Russian).
33. Novikova A. A. Hybridity as a defining feature of the television format. *Bulletin of Moscow University, Series 10, Journalism*, 2010, no. 6, pp. 56–65 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пром Н. А. Медиафакт как единица жанра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 229–237. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-229-237>

For citation

Prom N. A. Mediafact as a Genre Entity. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 229–237 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-229-237>

Поступила в редакцию: 27.12.2019 / Принята: 12.02.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Received: 27 December 2019 / Accepted: 12 February 2020 / Published: 31 August 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 811.161.1'276.5

ББК 81.2Англ-81.2Рус

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-238-245>

А. И. Матяшевская
Саратов, Россия

Angelina I. Matyashevskaya
Saratov, Russia

Интернет-лекция как особый жанр

В статье определяются принципы успешного взаимодействия лектора с интернет-аудиторией, в том числе его умение прогнозировать особенности слушателей и выбрать подходящие средства речевого воздействия. В современном языкознании факторами, определяющими эффективность коммуникации, признаются тип адресата дискурса и условия общения с адресантом. При проведении университетской лекции педагог, руководствуясь своим обширным опытом, может сделать довольно точное предположение относительно уровня подготовки студентов на каждом году обучения. Современные технологии открывают широкие возможности передачи специальных знаний массовой, предельно неоднородной аудитории интернет-пользователей, в результате чего жанр лекции постоянно видоизменяется, успешно адаптируется к новым условиям своего функционирования и приобретает особую актуальность как средство рационального познания действительности.

В данной работе адаптация жанра лекции к условиям интернет-пространства рассмотрена нами на материале собственных расшифровок русскоязычных и англоязычных видеозаписей YouTube. Проведенный нами анализ околонаучных лекций, дебатов ученых с представителями паранауки, выступлений популяризаторов научного знания и университетских онлайн-лекций дает основания предположить, что главным условием эффективности подобной интернет-коммуникации является способность оратора вызвать интерес у массового молодежного адресата: содержательность лекции в сочетании с удовольствием от интерактивной, динамичной и увлекательной формы подачи специальной информации удерживает пользователя от перехода по следующей ссылке и, в дальнейшем, мотивирует его продолжать изучение вопроса самостоятельно. Под влиянием Интернета лекции приобретают многие черты, характерные для этого канала коммуникации, постепенно становятся частью массовой культуры и дополняют традиционное образование. Результаты исследования могут использоваться в развитии коммуникативной компетентности будущих специалистов.

E-Lecture as a Special Genre

The article defines the principles of successful interaction between the lecturer and the Internet audience, in particular, their ability to accurately predict the addressee's characteristics in order to choose the most appropriate means of their persuasion. In modern linguistics the factors of communication effectiveness include the type of the addressee and the conditions of their communication with the addresser. Extensive expertise allows the lecturer to make an accurate assumption about the average level of university students' knowledge at all levels of their education. Modern technologies provide an unprecedented opportunity to share scientific knowledge with an extremely heterogeneous Internet audience. As a result, the genre of the lecture is constantly evolving, successfully adapting to new conditions, moreover, it becomes particularly relevant as a means of rational cognition of the reality.

Based on Russian and English YouTube video transcripts, the article attempts to analyze the mechanisms of evolutionary changes the lecture genre undergoes in the Web. Having studied the entertaining parascientific lectures, science vs. pseudoscience debates, popular science talks and university online lectures, the author argues that e-lecture effectiveness is largely determined by the speaker's ability to create an informative, enjoyable, audience-engaging content and encourage Internet users to research the subject further themselves. Taken together, the evidence suggests that in the digital era e-lectures are transformed into an element of the popular culture and are complementary to the traditional education. The findings may be useful for improving students' communicative competence.

Ключевые слова: устная научная речь, эволюция жанра, экстралингвистические факторы, коммуникативная компетентность.

Keywords: spoken academic discourse, genre evolution, extra-linguistic factors, communicative competence.

Сведения об авторе: Матяшевская Ангелина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации.

About the author: Matyashevskaya Angelina Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English and Intercultural Communication.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: angelinacaribe@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4465-208>

E-mail: angelinacaribe@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4465-208>

Постановка проблемы. Особенности интернет-речи уже давно привлекают внимание исследователей: лингвисты предлагают как общую концепцию виртуального жанроведения [1, 2], так и подробное описание трансформации традиционных жанров в интернет-пространстве [3, 4]. Кроме того, в рамках прагматического жанроведения [5] на первый план выходит характеристика интернет-жанров с точки зрения эффективности взаимодействия с массовым адресатом [6]. При этом особый интерес представляет популяризация в Интернете специальных знаний, поскольку именно в научной сфере общения констатируется наибольшая зависимость успеха коммуникации от степени внимания адресанта к потребностям прогнозируемого адресата [7].

В настоящее время наиболее востребованным жанром научной речи по праву считается лекция [8, 9], постоянно эволюционирующая под воздействием цифровых технологий [10] и, в результате, все больше сближающаяся с медиадискурсом и массовой культурой [11]. Предложенный Н. А. Кобзевой термин *edutainment-лекция* (education + entertainment) [12] отражает принцип получения знаний в развлекательной форме: отличительными признаками интернет-лекции выступают, с одной стороны, осознание адресантом необходимости активного вовлечения весьма разнородной, но мотивированной аудитории в познавательный процесс [13, 14], с другой стороны, большая содержательность контента в сочетании с его доступностью для массового адресата [15].

Описание цели, задач и методики исследования. Целью данного исследования является рассмотрение особенностей взаимодействия адресанта с аудиторией в научно-популярном интернет-дискурсе с точки зрения эффективности представления специальных знаний массовому адресату в соответствии с неоднородным уровнем его подготовки,

а также вероятными интересами и ожиданиями интернет-пользователей. Для этого нам необходимо было обобщить результаты лингвистических исследований цифровых лекций и методом сплошной выборки проанализировать особенности разновидностей данного жанра на материале собственных расшифровок видеозаписей общим объемом 48543 словоупотребления на русском языке и 41560 словоупотреблений на английском языке.

В рамках данной статьи нами рассмотрены средства повышения эффективности коммуникации в таких разновидностях цифровой лекции, как фестиваль парадоксального научного юмора «Парадоксач» и его англоязычный аналог BahFest (далее – А), участники которых ставят перед собой задачу предостеречь зрителей о том, что наукообразия речи может создать видимость убедительности и достоверности даже самой безумной теории; сходную цель привлечения внимания к важности критического мышления имеют и посвященные соотношению науки и паранауки «Дебаты Гудини» (далее – В). Для других проанализированных нами выступлений популяризаторов науки – Science Slam Russia (далее – С) и 15x4 (далее – D) – приоритетом становится необходимость остроумно и интересно рассказать о базовых принципах своего исследования за короткий срок в 10–15 минут. Кроме того, для сравнения нами используются видеотрансляции радиолекций (далее – Е) и размещенные в Интернете лекции крупных зарубежных исследовательских университетов (далее – F) (полный список после списка литературы).

1. Увлекательность содержания лекции для интернет-аудитории. Следует отметить, что адресанты всех рассмотренных нами видео руководствовались прагматической доминантой научно-популярного дискурса – его адресованностью – и в своих комментариях неоднократно подчеркивали необходимость

выстроить объяснение так, чтобы оно было полноценно воспринято самыми разными слушателями: *Мы сейчас здесь, наши зрители должны видеть, слышать, понимать, о чем мы говорим* (В); *Если ученый не может объяснить восьмилетнему мальчику, чем он занимается, он – шарлатан. В ярком и популярном формате мы знакомим слушателей с яркими фактами из мира науки в программе «Ученый свет»* (Е).

В проанализированных нами видеозаписях лекторы пытались сразу же уверить аудиторию в том, что выступление будет познавательным для каждого интернет-пользователя, при помощи указания на неожиданные научные и псевдонаучные факты: *Вы знали, что ДНК человека на 50% совпадает с ДНК банана и на 35% совпадает с ДНК нарцисса? Это не значит, что мы там наполовину бананы и на треть нарциссы, тут дело в другом – давайте разбираться, в чём* (С); *Теперь представьте: у вас в голове 80 миллиардов таких клеток, у каждой клетки может быть до десяти тысячи синапсов – вот этих контактов между клетками – и, соответственно, все, о чем вы думаете, связано с тем, как работают эти клетки. Фактически вся ваша личность, характер, все ваши чувства – это вот активность таких клеток* (С); *You know that cars need to do information processing and information transmission and that's the focus of my talk to make you look at the car in this new perspective – not just as a mechanical entity* (D); *Сегодня выступаю с докладом, который, как я надеюсь, перевернет вашу жизнь. Доклад этот касается молекулы, которую все мы привыкли воспринимать из такой... из общего мнения, с подачи средств массовой информации, как нечто ядовитое, опасное для жизни, чрезвычайно вредное. Задача моего доклада – доказать, что это не то что не совсем так, а что верно обратное. Молекула, о которой я говорю, это этиловый спирт, он же этанол* (А).

Разграничивая достоверные факты и псевдонаучные заблуждения, учёные указывают на то, что инструментом доказательства могут служить только проверяемые научные методы: *Друзья мои, склоните ваши головы перед силой квантовой механики, ибо это единственная истинная вера и Эрвин Шрёдингер – пророк её. На самом деле мы, ученые, не говорим так, потому что наука – это та единственная методология познания объективной реальности, которая не навязывает свои догматы другим людям, потому что не догматы, а принципы, которые наука производит в про-*

цессе своей жизнедеятельности... их можно проверить, их может проверить любой человек, который обладает достаточным умом (D). Так, например, возможность существования души рассматривается с точки зрения математической теории множеств: *У нас получается 2 уравнения с одним неизвестным и что можно бы можно было поставить на место x? Один из ответов такой: очевидно, это 0 – души нет – и здесь уникальные материалисты ликуют самодовольно... Но здесь собрались люди, которые пытаются выйти за пределы такого узкого мышления, хотят смотреть шире, надеюсь, по крайней мере. И есть альтернативная точка зрения, что еще можно поставить в эту систему уравнений – это бесконечность: у каждого у нас бесконечное количество душ. Как это вообще возможно и как современная теория множеств, например, могла бы помочь нам разобраться, что здесь происходит?* (А)

Как видим, даже в околонуучном дискурсе сохраняется принцип доказательности рассуждений, а также вводятся и поясняются сложные понятия выбранной сферы знаний: *When we go and look up through our telescopes, we only see about eleven percent of the matter we expect to see there. The rest is what we call dark matter. But we're never really looking at space, it's really difficult to make big lenses, so modern optical telescopes tend to use big mirrors instead. So it's not really accurate to say that most of the Universe isn't visible, it's more accurate to say that most of the Universe doesn't have a reflection in the mirror. So the implication is somewhat obvious. Dark Matter is primarily composed of vampires* (А); В 20 веке – это открытие туннельного эффекта, согласно которому частица может преодолеть некий потенциальный барьер с энергией даже большей, чем энергия самой частицы – но все это мы наблюдали в футболе, когда, например, мяч, пробитый Криштиану Роналду проходит насквозь через стенку, хотя стенка гораздо больше, чем сам мяч <...> Футбольный фанат – это идеальный случай корпускулярно-волнового дуализма, ведь футбольный фанат является одновременно и частицей, которая может независимо двигаться и колебаться относительно положения равновесия, но при этом является и волной. <...> И, как все мы могли видеть, фанаты при входе в метро себя ведут как одна большая единая частица, то есть это конденсат Бозе – Эйнштейна (А).

Более того, эти особенности прослеживаются и в паранаучных выступлениях эстрасенсов, биоэнергетов, тарологов, уфологов и т. д.: **Более 15 лет я занимаюсь лично практикой исследования биоэнергетики, биополя человека, живых объектов и неживых объектов, все, что мне встречается на моем жизненном пути. Именно эта практика позволяет мне делать следующие выводы о том, что биоэнергетика существует, она есть и без неё ничего быть не может. <...> В своей диагностике я использую свое внутреннее видение, тонкое видение, экстрасенсорные способности, интуицию и чувствование энергии, но проверяю я теми средствами, которые доступны сейчас всему человечеству: это компьютерные программы, которые диагностируют биополе человека (В); Моя позиция состоит в том, что когда меня спрашивают: «Верите ли Вы в НЛО?», я говорю: «Я не верю – я знаю». Мои знания основаны на четких фактах и научных исследованиях, которые проводились с конца 80-х годов (В).**

Отметим, что адресант каждой из рассмотренных цифровых лекций гарантировал зрителям её увлекательность и простоту восприятия: **Я вам сегодня расскажу про такую удивительную, странную, замечательную, при этом интересную вещь как квантовая механика (D); Расскажу сегодня про большой адронный коллайдер и постараюсь это сделать так, чтобы это было доступно для тех, кто вообще ничего не понимает – по крайней мере, в физике элементарных частиц и в физике вообще – и для тех, кто что-то уже знает, но, по крайней мере, что-то интересное, надеюсь, там тоже будет (D); Нильс Бор говорил, что нельзя заниматься серьёзной наукой со звериной серьёзностью. <...> Я постараюсь вам очень-очень быстро рассказать про то, что сейчас происходит в области машинного обучения нейронных сетей (С); So this is a Friday evening, so I will... let us start our conversation with a glass of wine. <...> If I ask you «What you see?» You will say: «I see glass, I see liquid and I know that there're air molecules there,»— you don't see it, but we know it (D).**

Многие лекторы указывают на безусловную необходимость расширения кругозора каждого в современном мире не только для решения сугубо научных задач, но и для объективной оценки окружающей действительности: **Совершенно различные процессы окружающего мира можно описать на языке математики, будь то течение нефти в месторож-**

дении, которое называется фильтрацией, полёты космических кораблей, функционирование сердца или движение атмосферных фронтов (С); Я думаю, что квантовая физика заставляет нас менять вообще представление, что такое естественная наука, которая... что есть критерий, что есть научно, а что ненаучно (Е); Самая общая постановка задачи состоит в том, чтобы узнать, как устроены элементарные частицы, как они взаимодействуют друг с другом, как устроен вакуум и как с ним взаимодействуют элементарные частицы. Эти знания являются фундаментом научных представлений об окружающем нас мире, о его прошлом, о его настоящем и о будущем (Е); What I'm hoping is that by talking about situations in which the facts at the moment really aren't known yet, you can develop some skill in interpreting these kinds of contradictory facts for yourself. If you don't do that, then the only alternative is to listen to the experts argue with each other and vote for whoever argues the loudest or looks the best when they're doing it, or has a degree from Harvard or whatever it is. You, guys, can do better than that. So, the hope is that by practicing this kind of skill of evaluating science when the answer isn't fully understood, you can develop skills that will stand you in good stead when you run into scientific controversies, in a political context or a legal context, or just as ordinary citizens in the course of your lives (F).

2. Сокращение дистанции с массовым адресатом, интерактивность и средства упрощения восприятия специальных знаний в Интернете. Признавая сложность и многоаспектность рассматриваемой темы, а также учитывая возможность негативного опыта во время первого знакомства с естественно-научными предметами в школе, адресанты интернет-лекций стараются найти нечто общее между собой и слушателями, привлечь их к совместным рассуждениям и показать, что научное познание бесконечно: **Мы отправились на поиски антивещества – в первую очередь, как и все люди, мы обратились к поисковику (С); There in fact there's only five percent of the mass we'd expect to be there, so 95% of the mass is something that we can't see, can't detect, don't understand and have absolutely no idea what it is. So if a physicist ever tells you they understand the universe they're not a physicist, we don't even know what 95% of the universe is made of (D).**

Тем самым они признают адресата равноправным участником дискуссии: **Как это часто делают магистранты для того, чтобы составить литобзор, я за-**

бил в поисковик, и он выдал более, чем 81 миллион результатов по данной теме и наиболее авторитетные источники представлены в первой десятке. Хотелось бы воспользоваться определением для того, чтобы мы с вами могли хорошо вести диалог, определением, которое я взял из одного из этих источников <...> Если мы с вами путем наших с вами рассуждений не можем прийти к какому-то консенсусу, то, может быть, стоит обратиться к более авторитетному мнению? (A); что отражается в диалогизации формально монологической речи лектора, который воссоздаёт ответные реплики анонимной аудитории: **Здесь кто-то мог бы возразить, что... может быть, теологическая концепция неправильная: может быть, душа появляется не в момент зачатия, а, как полагают некоторые исследователи, на сороковой день после зачатия или в момент рождения или в какой-то другой момент времени (A); Здесь вы можете задать вопрос: «Ну, господи, ребята, ракеты делают – неужели они такие глупые, почему они не протестировали все на уровне Земли?» (D); *Think about the car of the future. Now, okay, you would think about stuff like autonomous driving, you can talk to your car and stuff* (D).**

Более того, лингвисты отмечают в качестве одного из основных признаков научно-популярного дискурса в Интернете оптимизацию выступления для массового адресата: **Для этих целей разработаны соответствующая методика, математические формулы, специальные термины, которым нет места в радиопередаче (E); Это все, что нам нужно знать в первом приближении о создании ракетных двигателей: итак, если мы хотим запустить нашу ракету куда-нибудь на Марс, что нам нужно сделать? Нам нужно какую-то массу отбрасывать в противоположную сторону от нашего движения (D); I'm not going to try to explain this equation to you because it's horribly complicated to try and apply any of these things. That is what we call a differential equation, which means it's answer is not a number, it's not a number, the answer to this equation is another and probably far more complicated equation (D); Cosmology is the study of the Universe as a whole. That's too big a topic to go into in depth, so I've picked one piece of it (F).**

Факторами оптимизации понимания научно-го содержания выступает, во-первых, выбор неформального стиля общения с адресатом: Второе направление исследований, связанное с искусственными нейронными сетями, это рекуррентные нейронные сети. Это вообще очень отпадная вещь – вот, смотрите,

что она позволяет делать (C); Но даже любой школьник, который знает формулы Эйнштейна и Планка $E = mc^2$ и $E = h\nu$, может посчитать, что при аннигиляции вещества и антивещества получается жесткий рентген, если мы используем электрон и позитрон, а нам хочется получить нежненькие терагерцы (C); во-вторых, аналогии, взятые из массовой культуры и жизни молодежи, поскольку именно эта возрастная категория преобладает среди интернет-пользователей: **Что такое квантовое туннелирование, наверное, многие из вас знают по фильму «Гарри Поттер» – да, так они пробирались на платформу 9 и 3/4 (C); Вам, наверное, вот эти реакции кажутся чуть-чуть в новинку, но я уверяю, что каждый из вас участвовал во второй реакции. Давайте вспомним первый курс, посвящение, дискотека, и вот в одном из углов появляешься такой скромный вот ты, в другом углу появляется симпатичная она и вы хотите познакомиться, но вдруг в противоположном углу появляется он – твой одноклассник – и вы одновременно устремляетесь на пути к ней и он знакомится с ней первым. Он бросает тебе пренебрежительное: «Пока, неудачник!», они уходят вдвоём, ты уходишь ни с чем – и вот именно по такому механизму идет реакция безизлучательной рекомбинации электронов и дырок в графене (C).**

Чем более неожиданная или, наоборот, знакомая, предельно обыденная, наглядная аналогия из повседневной жизни используется лектором, тем выше вероятность, что специальная информация успешно запомнится его аудиторией: **Фармацевтическая отрасль – это очень крупный бизнес, с чем бы его можно было сравнить? Например, он в 40 раз больше мирового рынка оружия, в 10 раз больше мирового наркобизнеса и даже в 3 раза больше, чем объем коррупции в России (C); Итак, зачем наносить тонкие покрытия? Каждый из нас вообще это делал в своей жизни – утречком намазывал маслице на хлебушек, при строительстве домов покрывают древесину специальным раствором, ну а девушки мажут лак на ноготочки. Но зачем же делать эти покрытия тонкими? В первом случае – это просто вкуснее, во втором случае – если не покрыть, то развалится домик ваш, а в третьем случае – сейчас, пацаны, сейчас внимание! – если нанести слишком много лака, он дольше сохнет. Так что если ваша подруга опаздывает на свидание, она просто переборщила с количеством, так что снисходительней как-то (C).**

Экспланаторная детерминализация [16] и другие средства уменьшения плотности информации [17] наряду с четкой логической структурой её изложения дополнительно способствуют лучшему усвоению содержания выступления неоднородным адресатом: *Жизнь состоит из 4 классов веществ, в основном – это жиры, белки, углеводы, нуклеиновые кислоты, то есть, ДНК и РНК. И все вот эти вот вещества одним словом называются – полимеры, то есть, это большие такие молекулы <...> Мономеры – это такие маленькие молекулы (С); Значит, дело в том, что вообще частицы бывают 2 сорта – бозоны и фермионы <...> Разница такая, значит, разница двоякая. Во-первых, есть такое понятие как спин – частички вот эти элементарные... они имеют внутреннее вращение, они вращаются вокруг своей оси, выглядят как волчки. Значит, у электрона такой спин есть, и в некоторых единицах он равен $\frac{1}{2}$, а вообще они бывают либо целые, либо полуцелые. Так вот, фермионы – это частицы с полуцелым спином – вот электрон, протон – это все частицы с полуцелым спином, а частицы с целым спином называются бозонами (Е); Я такие слова говорю – «поразному течет время» – это не совсем адекватное описание ситуации, просто у вас есть один и тот же отрезок, одна и та же кривулька в пространстве-времени, по которой там что-то движется. Проекция этой кривульки на пространственно-временные оси в зависимости от выбора системы отсчета могут меняться и это выглядит как то, что время тикает поразному в разных системах отсчета (Е); Вот есть 4 фундаментальных взаимодействия: есть электромагнетизм, гравитация, сильная, слабая, которая там в ядрах атомов, в основном, действует. В общем,*

у нас каждому... то есть, им соответствуют определенные поля. У поля есть какие-то свойства, то есть, у поля должен быть переносчик какой-то, например, у электромагнитного поля переносчик – фотон, у поля должен быть источник, там, например, заряд у электромагнитного поля, и должен быть какой-то радиус действия, фотоны безмассовые, радиус действия электромагнитного поля бесконечный, но оно спадает по квадратичному закону, закону Кулона из 9 класса (В).

Выводы. Проанализированные нами интернет-лекции различных видов объединяет ряд признаков, предопределенных каналом информации и типом аудитории. Поскольку онлайн-адресат потенциально имеет доступ к огромному массиву данных, интернет-лекция должна привлечь его глубиной научного содержания в сочетании с увлекательностью и доступностью его представления, а затем постоянно удерживать внимание пользователя – то есть, конечным условием эффективности подобной коммуникации является комфорт адресата и его удовольствие от познавательного процесса. При этом подобные лекции не заменяют традиционное образование, но, поскольку являются достоверным источником знаний, успешно дополняют его – вызванный ими интерес мотивирует пользователей на дальнейшее изучение наиболее сложных и актуальных вопросов современной науки. Наш материал подтверждает выводы ряда исследователей и педагогов [18, 19] о необходимости изменения стратегии преподавания в вузе в соответствии с принципами студентоцентрированного подхода: переход от сугубо формального перечисления научных фактов и законов к постоянному взаимодействию с обучающимися, которые должны стать главным действующим лицом образовательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Орёл: Орл. гос. ин-т культуры, 2007. С. 223–237.
2. Горошко Е. И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 370–389.
3. Цицицина Л. Ю. Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 215–226. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>
4. Викторова Е. Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED Talks (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // Жанры речи.

2019. № 4 (24). С. 254–266. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>

5. Дементьев В. В. Коммуникативная генеристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи: сб. науч. тр. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 18–40.
6. Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приёмы её достижения / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов: ИЦ «Наука», 2019. 236 с.
7. Сиротинина О. Б. Есть ли специфика в достижении эффективности научных текстов? // Филология в XXI веке. 2019. № 51. С. 264–270.
8. Сухомлинова М. А. Трансформация жанра англоязычной академической лекции в условиях цифровой коммуникации // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2019. № 6 (139). С. 172–178.

9. Матяшевская А. И. Жанр лекции и его современные разновидности // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 246–253. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-246-253>

10. Тульчинский Г. Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С. 121–136.

11. Нечаева Н. В. Популярная публичная лекция жанра TALK: особенности языка и стиля // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2016. № 180. С. 17–22.

12. Кобзева Н. А. Edutainment как современная технология обучения // Ярослав. пед. вестн. 2012. Т. 2, № 4. С. 192–195.

13. Антошинцева М. А. Механизмы адаптации жанра научно-учебной лекции к электронной сфере коммуникации // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 134. С. 41–52.

14. Tomakhiv M. V. E-Lecture as a New Genre of Scholarly Discourse // Science and Education a New Dimension. Philology. 2016. Vol. IV(23), iss. 100. P. 80–83. URL: https://seanewdim.com/uploads/3/4/5/1/34511564/m._tomakhiv_e-lecture_as_a_new_genre_of_scholarly_discourse.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

15. Николаева Н. Н., Труфанова Н. О. Лексико-стилистические особенности англоязычных академических лекций (корпусный анализ) // Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (69). С. 5–12.

16. Багиян А. Ю. Дискурсивные механизмы популяризации элементов научного знания: когнитивно-лингвистический аспект (на материале английского языка) // Научный диалог. 2017. № 6. С. 9–28.

17. Багиян А. Ю., Аванесян Н. К. Коммуникативно-прагматические характеристики стандартных детерминированных единиц (на материале англоязычного научно-популярного дискурса) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 6. С. 27–32.

18. Тютюков В. Г., Небураковский А. А., Бородин П. В., Родионова А. Г., Сафонова Г. В. Диалог и монолог как взаимодополняющие профессионально-речевые тактики лектора вуза // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2019. № 1 (167). С. 299–302.

19. Кожин Д. А., Чумаченко С. А., Егельская В. А., Тарабукин И. И. Актуальность формата лекций в вузах // Вестник современных исследований. 2019. № 1.11 (28). С. 85–86.

Markers' use). *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 254–266 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>

5. Dementyev V. V. Kommunikativnaia genristika: rechevye zhanry kak sredstvo formalizatsii sotsial'nogo vzaimodeistviia [Communicative Genristics: Speech Genres as Means of Making Social Interaction More Formal]. *Zhany rechii* [Speech Genres]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, iss. 3, pp. 18–40 (in Russian).

6. *Effektivnost' kommunikatsii: ponyatiye, rol' adresanta i adresata, osnovnyye priyomy yeyo dostizheniya*. Pod red. O. B. Sirotinoy, M. A. Kormilitsinoy [Sirotinina O. B., M. A. Kormilitsina, eds. The effectiveness of communication: the concept, the role of the addressant and addressee, the main methods of its achievement]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2019. 236 p. (in Russian).

7. Sirotinina O. B. Are There Any Peculiarities in Making Academic Texts More Effective? *Philology in the 21st Century*, 2019, no. 51, pp. 264–270 (in Russian).

8. Sukhomlinova M. A. Transformation of the English-language Academic Lecture Genre in the Conditions of Digital Communication. *Volgograd State Pedagogical University Bulletin*, 2019, no. 6 (139), pp. 172–178 (in Russian).

9. Matyashevskaya A. I. The Genre of the Lecture and its Modern Varieties. *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 246–253 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-246-253>

10. Tul'chinskii G. L. Digital Transformation of Education: Challenges for Universities. *Philosophical Sciences*, 2017, no. 6, pp. 121–136 (in Russian).

11. Nechaeva N. V. Public talk: language and style. *Russian State Pedagogical University Bulletin*, 2016, no. 180, pp. 17–22 (in Russian).

12. Kobzeva N. A. Edutainment as a Modern Technology of Education. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2012, vol. 2, no. 4, pp. 192–195 (in Russian).

13. Antoshintseva M. A. Adaptation Mechanisms of Academic Lecture Genre to Electronic Communication. *Russian State Pedagogical University Bulletin*, 2010, no. 134, pp. 41–52 (in Russian).

14. Tomakhiv M. V. E-Lecture as a New Genre of Scholarly Discourse. *Science and Education a New Dimension. Philology*, 2016, vol. IV (23), iss. 100, pp. 80–83. Available at : https://seanewdim.com/uploads/3/4/5/1/34511564/m._tomakhiv_e-lecture_as_a_new_genre_of_scholarly_discourse.pdf (accessed 15 July 2019).

15. Nikolaeva N. N., Trufanova N. O. Lexical and Stylistic Features of the English Language Academic Lectures (Corpus-based Analysis). *Humanitarian Studies*, 2019, no. 1 (69), pp. 5–12 (in Russian).

16. Bagiiian A. Iu. Discursive Mechanisms for Popularization of Elements of Scientific Knowledge: Cognitive-Linguistic Aspect (on the Material of English Language). *Scientific dialogue*, 2017, no. 6, pp. 9–28 (in Russian).

17. Bagiiian A. Iu., Avanesian N. K. Communicative-pragmatic Characteristics of Standard Determinized Units (on the Material of English scientific popular discourse). *Philological Sciences. Higher School Scientific Reports*, 2016, no. 6, pp. 27–32 (in Russian).

18. Tiutiukov V. G., Neburakovskii A. A., Borodin P. V., Rodionova A. G., Safonova G. V. Dialogue and Monologue as Complementary Professional Verbal Tactics of the Higher Educational Institution Lecturer. *Scientific*

REFERENCES

1. Goroshko E. I. Lingvistika Interneta: formirovanie distsiplinarnoi paradigmy [Linguistics of Internet: on the Formation of a Disciplinary Paradigm]. In: *Zhany i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Genres and text types in scientific and media discourse: coll. of sci. works]. Orel, Orlovskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2007, pp. 223–237 (in Russian).

2. Goroshko E. I. Teoreticheskii analiz Internet-zhanrov: k opisaniu problemnoi oblasti [Theoretical analysis of Internet genres: subject area description]. *Zhany rechii* [Speech Genres]. Saratov, ITs "Nauka", 2007, iss. 5. Zhany i kul'tura [Genre and culture], pp. 370–389 (in Russian).

3. Shchipitsyna L. Iu. Web Lecture as an Oral Internet Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 215–226 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>

4. Viktorova E. Iu. Pragmatic Aspects of ted Talks as a Specific Speech Genre (Through the Lens of Discourse

notes of the Lesgaft University, 2019, no. 1 (167), pp. 299–302 (in Russian).

19. Kozhin D. A., Chumachenko S. A., Egel'ska-

ia V. A., Tarabukin I. I. The Relevance of University Lectures. *Bulletin of Current Research*, 2019, no. 1.11 (28), pp. 85–86 (in Russian).

Материалы YouTube (дата обращения : 15.07.2019):

А – Математический анализ души (Александр Панчин); Физика футбола (Федор Сенатов); Мировое информационное поле (Александр Граница); Вижу спирт–пью (Елена Сударикова); Revamping Dark Sector Physics (Ed Thorne);

В – Биоэнергетика – реальность или миф? (Олег Фея vs Оксана Малимоненко); НЛО – свидетельства (Игорь Тирский vs Вячеслав Климов);

С – Безжизненная жизнь (Анастасия Наумова); Аннигиляция (Дмитрий Свинцов); Атомно-солевое осаждение (Дмитрий Кузьмичев); Эволюционная кибернетика (Михаил Бурцев); Квантовые биты (Евгений Глушков); Суперкомпьютеры (Алексей Карпаев); В поисках волшебной пилюли (Юрий Стебунов);

Д – Большой Адронный Коллайдер (Андрей Сирыков); Квантовые технологии (Роман Душкин); Квантовая механика (Ольга Разуваева); Ракетные двигатели (Андрей Филатов); Beauty of Science (Adeel Yawar Jamil); Gaps in Physics (Graham Jones); Networking in cars (Boris Spivak);

Е – Квантовая физика и ее парадоксы (Марцис Аузиньш, Латвийское радио 4); Бозон Хиггса (Валерий Рубаков, Студия «Луч»); Общая теория относительности (Эмиль Ахмедов, Радио 1); Как устроен вакуум? (Александр Зайцев, Радио 1);

F – Frontiers and Controversies in Astrophysics (prof. Bailyn, Yale University).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матяшевская А. И. Интернет-лекция как особый жанр // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 238–245. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-238-245>

For citation

Matyashevskaya A. I. E-Lecture as a Special Genre. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 238–245 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-238-245>

Поступила в редакцию: 11.11.2019 / Принята: 15.01.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Received: 11 November 2019 / Accepted: 15 January 2020 / Published: 31 August 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *И. А. Каргин*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 25.08.2020. Подписано в свет 31.08.2020.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.33 (10.0). Тираж 500. Заказ 79-Т. Цена свободная

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.

ISSN 2311-0740

9 772311 074001 20003